

БИБЛИОТЕКА-МУЗЕЙ В.П. АСТАФЬЕВА

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО
ФОНДА МИХАИЛА ПРОХОРОВА

ОВСЯНКА: СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

2022

ББК 6/8

УДК 908

ОВСЯНКА: СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

БИБЛИОТЕКА-МУЗЕЙ В.П. АСТАФЬЕВА
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА МИХАИЛА ПРОХОРОВА

ОВСЯНКА: СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ / Ред.-сост: Ю.Е. Лобанова. – Красноярск:
ООО РПБ «Амальгама», 2022. – 152 стр.

Над материалами книги работали:

Виноградова В.В., Ермакова О.П., Конохова О.Н., Лобанова Ю.Е., Синицкая А.В.,
Швецова В.Г., Шпагина В.И.

Дизайн и верстка: Суднищикова И.В.

В книге использованы фотографии и документы из фондов
Библиотеки-музея В.П. Астафьева, Дивногорского художественного музея,
Государственного архива Красноярского края, семейных архивов героев книги.

Обложка:

Дизайн и верстка: Т.В. Кузьменкова

Фото: Е.А. Блинова; фонды Библиотеки-музея В.П. Астафьева

Редактор-составитель: Ю.Е. Лобанова

Книга «Овсянка: семейные истории» – промежуточный итог работы над одноименным проектом, реализацию которого Библиотека-музей В.П. Астафьева ведет при поддержке Фонда Михаила Прохорова. Замысел проекта состоит в том, чтобы рассказать о старинном селе Овсянка через личные истории его жителей. В книгу вошли воспоминания овсянцев, собранные сотрудниками Астафьевской библиотеки, а также архивные документы.

© Авторы-составители, 2022

© Библиотека-музей В.П. Астафьева

© ООО РПБ «Амальгама»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ИЗ ИСТОРИИ ОВСЯНКИ	6
СЕМЬЯ АСТАХОВЫХ	14
СЕМЬЯ БЕТЕХТИНЫХ	31
БРОДНИКОВА АЛЕВТИНА АНДРЕЕВНА.....	57
ВЫЧУЖАНИНА АНТОНИНА ИННОКЕНТЬЕВНА.....	61
ДОЗ: ГЛАВНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ОВСЯНКИ.....	77
СЕМЬЯ ЖУКОВСКИХ	84
КРАЕВЕДЫ ИЗ ОВСЯНСКОЙ ШКОЛЫ	94
ПОТЫЛИЦЫНА АННА КОНСТАНТИНОВНА.....	98
РЕЦЕПТЫ ИЗ ОВСЯНКИ.....	115
ТРОФИМОВА ЕВСТОЛИЯ ЕМЕЛЬЯНОВНА.....	117
СЕМЬЯ ФИЛИППОВЫХ	125
ФОКИНЫ: ОДНА ФАМИЛИЯ – МНОГО СЕМЕЙ	135
МУЗЕЙНЫЕ ПРЕДМЕТЫ	145

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Книга, которую вы держите в руках, – результат совместной работы Библиотеки-музея В.П. Астафьева и жителей села Овсянка Красноярского края. Вместе с нашими односельчанами мы стали авторами и участниками проекта «Овсянка: семейные истории», суть которого в том, чтобы рассказать об истории нашего села через личные истории овсянцев.

К этой работе мы подступались долго. Фактически она началась за много лет до того, как у сотрудников Астафьевской библиотеки родился замысел проекта. Еще в конце 1990-х – начале 2000-х годов в Библиотеке-музее одновременно с созданием архивных фондов, связанных с творческим наследием В.П. Астафьева, стали формироваться фонды, посвященные истории и культуре Овсянки. Сотрудники библиотеки записывали интервью со старожилами села, музейные фонды пополнялись фотографиями, письмами, документами из личных архивов жителей, предметами старинного быта. Особая роль в этой работе принадлежит Валентине Георгиевне Швецовой, в то время – главному хранителю фондов Библиотеки-музея.

За «овсянскую» тему мы активно взялись и в 2021 году, когда отмечалось 350-летие села. Летом того же года проект «Овсянка: семейные истории» стал одним из победителей грантового конкурса «Новая роль библиотек в образовании» благотворительного Фонда Михаила Прохорова. Средства гранта были направлены в том числе на издание этой книги.

В ней собраны воспоминания как старожилов Овсянки – потомков казаков-первопоселенцев, пришедших в наши края еще в 17-м веке, – так и тех, чья судьба оказалась связана с Овсянкой совсем ненадолго. Для нас все личные истории ценны и важны, ведь и в том, и в другом случае люди – часть истории нашего села; именно они определили его лицо и судьбу.

Один из самых частых вопросов, который мы слышали, работая над проектом, звучал примерно так: «Про Овсянку – значит, про Астафьева? Все воспоминания в книге посвящены ему?» Ответить на него не так-то просто.

При обсуждении нашего проекта эксперты Фонда Михаила Прохорова предложили назвать его «Овсянка: не только Астафьев». Такое название, действительно, сразу бы обозначило акценты нашей работы: мы рассказываем о большой истории старожильского села, не претендуя при этом на роль биографов В.П. Астафьева – главные исследования, посвященные его жизни и творчеству, написаны до нас и хорошо всем известны. Кстати, и Библиотека-музей в свое время выпустила сборник «...И открой в себе память», в который как раз и вошли воспоминания о В.П. Астафьеве его земляков. И к этому содержательному труду (автором-составителем книги была Н.Я. Сакова, в те годы – заместитель директора библиотеки) вряд ли можно что-то добавить.

Однако мы вновь убедились, что совершенно невозможно говорить об Овсянке и миновать при этом Астафьева. В рассказах наших собеседников Виктор Петрович и его произведения упоминаются далеко не всегда, но при этом неизбежно приходят на ум.

Так, жительница Овсянки Е.Е. Трофимова рассказывает о драматичном случае из своего детства – а мы отмечаем, что о нем же Астафьев пишет в рассказе «**Вечерние раздумья**».

А.И. Вычужанина перечисляет несколько эпизодов своего общения со ссыльным Васей-поляком – а он, как мы знаем, персонаж рассказа «**Далекая и близкая сказка**», открывающего повесть «**Последний поклон**».

Люди узнают своих бабушек и дедушек на школьной фотографии 1932 года, и, хотя об Астафьеве речь не заводят, мы, конечно, помним, что именно об этом снимке написан его рассказ «**Фотография, на которой меня нет**».

Уже не говорим о том, что **героями этой книги стали люди, послужившие прототипами персонажей астафьевских произведений. В их числе – Ф.В. Фокин, не раз упоминавшийся в «Последнем поклоне», Ф.К. Жуковский (ему Астафьев посвятил затесь «Пойти к Жуковскому»), А.К. Потылицына (Нюра-песельница из нескольких астафьевских рассказов).**

В беседах с овсянцами нет-нет да и промелькнет слово, знакомое по астафьевскому «Последнему поклону», – «мангазина», «увалы», «верещага»... Многим ли читателям они понятны без дополнительных пояснений? А в живой речи жителей села они бытуют до сих пор – как и без малого век назад, когда происходили события, легшие в основу повести.

Да и в широком смысле – как можно понять астафьевскую прозу, не зная, чем жили наши земляки, как воспринимали они пережитые события, какие песни пели, как говорили, как вели быт? Материалы, собранные в этой книге, по сути, раскрывают контекст произведений В.П. Астафьева (прежде всего – «Последнего поклона»). Вот и получается, что проект «Овсянка: семейные истории» – вроде бы и не об Астафьеве, но в итоге и о нем тоже.

Несколько слов о содержании и структуре издания.

В книгу «Овсянка: семейные истории» мы включили как материалы, собранные нашими коллегами в начале 2000-х годов, так и те, что были записаны нами в 2021-2022 годах. Вошли в книгу и работы учеников школы №7 села Овсянка – ребята и их учителя также стали участниками проекта.

В некоторых случаях, рассказывая об одной семье, мы используем и «старые», и «новые» материалы – примером тому статьи о семьях Астаховых и Бетехтиных. Проиллюстрирована книга фотографиями из фондов Библиотеки-музея В.П. Астафьева, семейных архивов наших героев, фотографиями, предоставленными нам Дивногорским художественным музеем, а также копиями документов из фондов Государственного архива Красноярского края.

Главы, следующие после вступительной части об истории Овсянки, расположены в алфавитном порядке.

Отметим, что в книгу вошли далеко не все материалы проекта «Овсянка: семейные истории». Со всеми собранными для него статьями, аудио- и видеоматериалами, сканами архивных документов можно познакомиться в одноименном разделе сайта Библиотеки-музея В.П. Астафьева:

<https://biblio-ast.ru/ovsyanka-semeynye-istorii/>.

Книга опубликована, но в работе над проектом «Овсянка: семейные истории» точка не поставлена. Он будет продолжаться до тех пор, пока есть люди, чьи судьбы так или иначе связаны с Овсянкой.

Мы надеемся, что и среди вас, уважаемые читатели, найдутся те, кто пожелает стать нашими соавторами.

ИЗ ИСТОРИИ ОВСЯНКИ

В 2021 году селу Овсянка исполнилось 350 лет. В первой подворной переписи жителей Красноярского уезда запись об Овсянке датирована 30 сентября 1671 года – с этого дня и ведется официальный отсчет ее истории.

Несмотря на то, что более ранних свидетельств существования Овсянки не обнаружено, поселение, вероятнее всего, появилось за 2-3 года до упомянутой даты. В челобитной за 1667 год, поданной казаками царю, перечисляются деревни, подвергавшиеся нападениям объединенных отрядов джунгаров, киргизов и тубинцев. В перечень входят фактически все населенные пункты вокруг Красноярска, но Овсянки среди них нет. Это позволяет говорить о том, что она была основана в период между 1667 и 1671 годами.

Из первой переписной книги мы узнаем, что «лета 7180 году сентября в 30 день» в деревне Овсянка числилось шесть дворов да еще один двор на Усть-Мане.

В тех дворах жили казаки конной сотни: «Коземка Клементьев сын Арзамасец» да братья Маловы «Ивашко Фокин, сын Малово, с сыном Онтонком 10 лет да Алешка Фокин, сын Малово». Пешие служилые люди – казаки отец и сын Софьины – жили одним двором: «Федька Юрьев, сын Софьин, с сыном Ивашко 17 лет, да Ивашко ж 11 лет и Якунька Федоров, сын Софьин». Казаки «Федька Яковлев сын Коркунов» да «Лучка, сын Кривогорницы» жили отдельными дворами. Кроме них имелся двор «черкаса» – ссыльного малороссийского казака «Тимошки Ларионова сына Тюменца, а у него два пасынка: Спирка 10 лет да Тишка 7 лет».

Карта Овсянки, составленная по воспоминаниям старожилов села

Отец упомянутых в документе братьев Маловых, Фока, был одним из первых, кто пришел в наши места. О самом Фоке в переписи не говорится – вероятнее всего, к тому времени он умер. Но имя его в истории нашего села увековечено навсегда. Фокины (так стали зваться дети, а затем и внуки Фоки Малова) – до сих пор самая распространенная фамилия в Овсянке. А второе название речки Овсянки, на которой стоит село, – Фокин ручей, и именно этот топоним чаще всего используют местные.

НО КАК И ЗАЧЕМ ОКАЗАЛИСЬ КАЗАКИ И ИХ СЕМЬИ В НАШИХ МЕСТАХ? И ПОЧЕМУ В ОВСЯНКЕ В ТЕ ГОДЫ ЖИЛИ ТОЛЬКО КАЗАКИ?

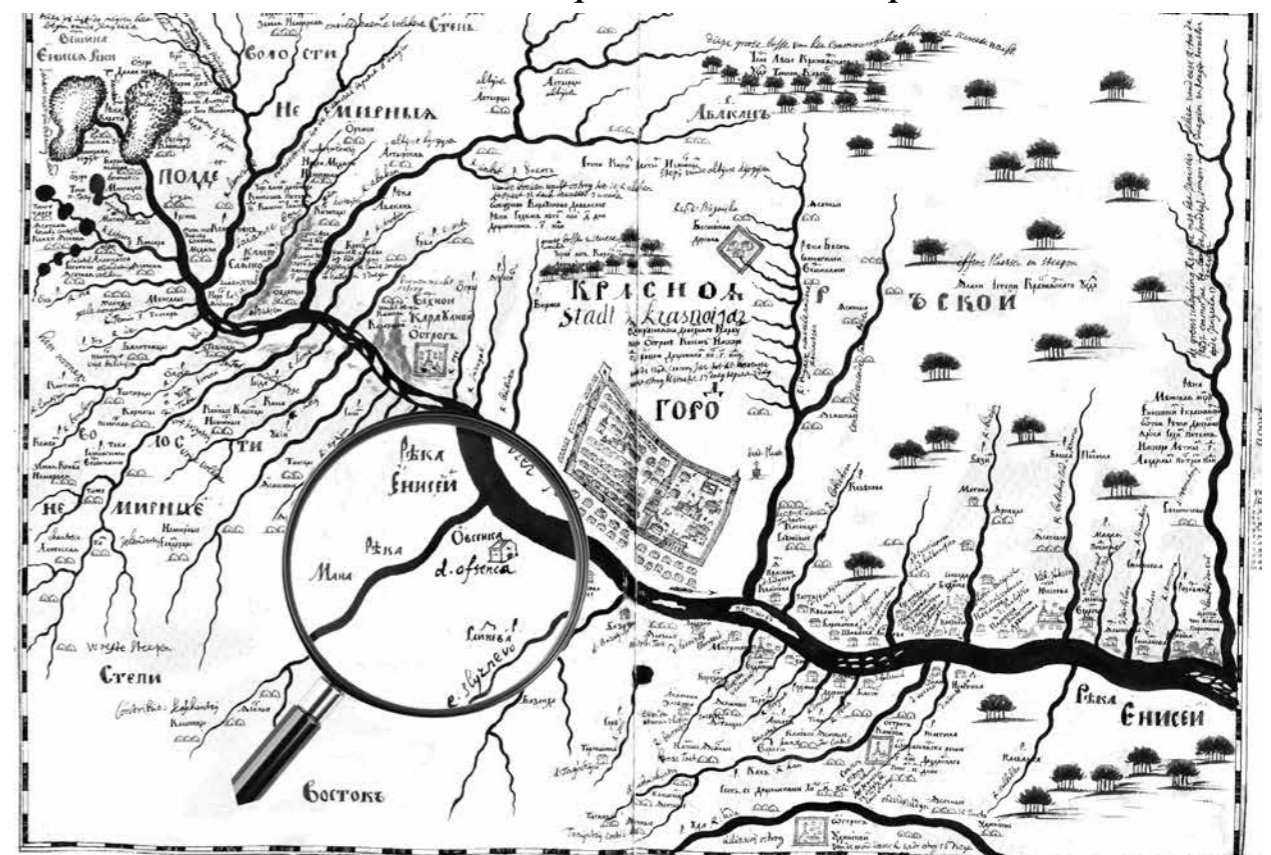
Вот как отвечает на этот вопрос историк и краевед Игорь Федоров, автор нескольких книг и статей по истории Овсянки: «Анализируя историческую обстановку второй половины XVII века, можно утверждать, что на устье реки Овсянка красноярские власти перевели группу казаков «для предосторожности», то есть для прикрытия города и принадлежащих красноярцам сельскохозяйственных угодий на правобережной округе. Именно поэтому и чисто казачий состав жителей, хотя в селениях севернее и восточнее Красноярска в это же время жили, кроме казаков, посадские люди, крестьяне, гулящие и прочий набродный люд».

Таким образом, пишет Федоров, в первые десятилетия своего существования Овсянка была небольшим, но хорошо вооруженным острогом – самым южным форпостом русских на правом берегу Енисея.

Число дворов в поселении год от года росло, и, несмотря на непрекращающиеся набеги коренных племен, овсянцы широко и активно осваивали окрестные земли, обзавелись собственной мельницей – ее в устье реки Слизневой (Слижневой) поставил атаман Иван Злобин.

Правда, вскоре хутор Злобина (а с ним и мельница) был заброшен. Новая мельница в устье Слизневой появилась лишь 200 лет спустя. Построил ее пришлый мужик Павел, которого местные прозвали Мазовым. Настоящее, по документам, имя мельника было Павел Яковлевич Астафьев. Это был родной дед по отцовской линии Виктора Петровича Астафьева.

Впервые Овсянку нанес на карту в 1701 году Семен Ульянович Ремезов – составитель «Чертежной книги Сибири»

Начало следующего, 18-го, столетия – время большого переселения для всей Красноярской земли. Набеги в целом закончились, и многие из первопоселенцев Овсянки-острога ушли на юг – осваивать более плодородные земли Хакасско-Минусинского края. Но и в Овсянку приходили новые люди.

Летом 2020 года в Библиотеку-музей В.П. Астафьева поступила уникальная книга – «Перепись города Красноярска и его уезда. 1719-1722». Содержит она и данные о том, кто жил в Овсянке через 50 лет после ее основания. Надо сказать, перепись в то время проводилась со всей строгостью – сведения о составе семьи у опрашиваемых собирали «под опасением смертные казни».

Вот что, в частности, говорится об Овсянке в документе:

«Деревня Овсянская.

1. Двор пешего казака Василья Юшкова. И он, Василей, под опасением смертные казни сказал: он, Василей, – тридцати осми лет.

** Сын у него Яков – осми лет,*

** Гаврило – шти лет,*

** Петр – четырех лет,*

** Михайло – двух лет.*

А буде он, Василей, сказал что ложно, и за такую ево ложную скаску указал бы Великий Государь казнить смертию. К сей скаске по вельню Василья Юшкова Кузма Юшков руку приложил.

2. Двор казачья сына Якова Юшкова.

И он, Яков, под опасением смертные казни сказал: он, Яков, – осмнатцати лет.

Братей у него:

** Иван – четырнатцати лет,*

** Григорей – девяти лет.*

А буде он, Яков, сказал что ложно, и за такую ево ложную скаску указал бы Великий Государь казнить смертию. К сей скаске по вельню ево, Якова Юшкова, Кузма Юшков руку приложил».

По данным историка Игоря Федорова, в те годы население Овсянки колебалось от 120 до 150 душ обоего пола, а фамилия Юшков была, пожалуй, самой распространенной в деревне.

Алексей, Иван и Андрей Юшковы, пешие казаки, пришли в Овсянку в самом начале XVIII века. Из первопоселенцев Овсянки в тот период в ней оставались только Иван Фокич Малов (сын Фоки Малова) с семьей и казак Лука Савич Кривогорница. К концу 18-го столетия Юшковы составляли большинство овсянского населения: в деревне было 47 дворов – в 25 из них жили Юшковы. Чуть позже в наших местах появляется и семья конного казака Федора Рассказчикова (Рассказова). Четверо сыновей Рассказова в то время были взрослыми людьми, имели свои семьи.

«Потомки Рассказовых, Юшковых и Фокиных долгое время занимали ведущее положение в хозяйственной и общественной жизни Овсянки», – пишет Игорь Федоров. Отмечают исследователи и многонациональный состав населения Овсянки, характерный для села уже в те годы.

Начиная с 1730-х годов большинство овсянских казаков по указу императора были записаны в пашенные крестьяне – то есть в «государственные», которые должны обрабатывать казенные земли «для государевых надобностей» (в 1769 году эта обязанность была заменена денежным оброком). Только на этом условии крестьянин мог получить участок земли и для своих нужд. Сибирские пашенные крестьяне были лично свободными (напомним, что крепостное право в России было отменено через сто с лишним лет).

Привлекались овсянцы и для строительства первых в Сибири заводов – Луказского медного на реке Тубе и Ирбинского железодельного на реке Ирбе. А кто-то из овсянских первопоселенцев подался в город.

Во второй половине 18-го века в Овсянке появился хлебный «мангазейн» (склад). Находился он в центре деревни, на берегу Фокиной речки. В «мангазейн» жители безвозмездно сдавали некоторое количество зерна на случай неурожая, а при необходимости брали потом его в ссуду. «Мангазейн» действовал в Овсянке почти 200 лет – до 1930-х годов. Местные называли склад «мангазина» – тем, кто читал «Последний поклон» В.П. Астафьева, наверняка знакомо это слово.

Ведомость из «мангазины», составленная уже в середине 19-го века, дает представление о населении Овсянки того периода. Мы получили этот документ из фондов Государственного архива Красноярского края.

В ведомости за 1869 год указано, кто из крестьян Овсянки взял в ссуду зерно из «овсянского сельского экономического запасного магазина» «на обсеменение полей весной сего года». В списке фигурируют 14 человек, носящих фамилию Фокин (при этом у всех – разные отчества), 13 Юшковых, четверо – Сидоровых, двое Потылицыных и двое Шахматовых.

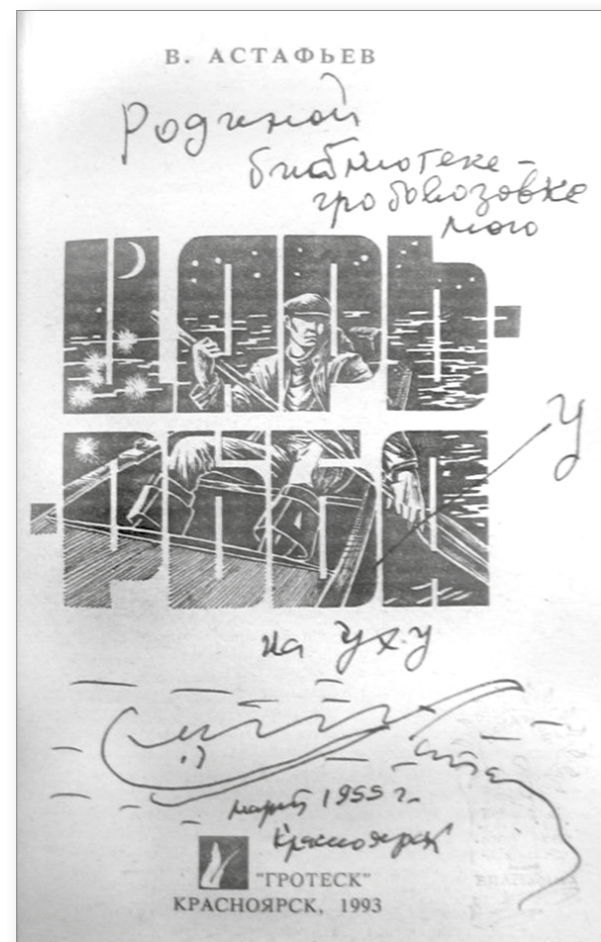
Крестьянство г. Овсянской, принадлежащих вдове повашествовавшей, изъ Сибирского Сельского Экономического Запасного Магазина, въ ссуду на обсеменение полей весной сего 1869 года

№	Имя	Фамилия	Февраль 1869 года														
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13		
15	Иван	Иванов	2	4	7	3	5	4	2	1	2	2	2	2	2	2	
16	Павел	Иванов	2	4	1	3	5	4	3	1	2	2	2	2	2	2	
17	Михайло	Гаврилов	4	8	1	8	1	1	5	9	2	2	2	2	2	2	
18	Евгений	Сидоров	6	5	1	5	1	6	6	3	3	3	3	3	3	3	
19	Михайло	Гаврилов	5	13	7	12	1	6	8	5	1	4	4	4	4	4	
20	Александр	Иванов	5	12	1	12	1	8	5	1	4	4	4	4	4	4	
21	Павел	Михайлов	5	4	1	3	4	4	3	1	2	2	2	2	2	2	
22	Михайло	Сидоров	5	17	1	17	1	10	5	1	5	5	5	5	5	5	
23	Иван	Андреев	3	8	1	8	1	4	4	2	2	2	2	2	2	2	
24	Александр	Иванов	7	11	1	11	1	6	5	2	2	2	2	2	2	2	
25	Василий	Александров	5	20	2	1	6	2	3	2	2	2	2	2	2	2	
26	Александр	Иванов	4	12	1	2	1	2	3	2	2	2	2	2	2	2	
Шахматовы																	
27	Григорей	Михайлов	8	8	1	8	1	12	10	3	6	6	6	6	6	6	6
28	Проконий	Андреев	2	4	1	4	1	4	3	1	2	2	2	2	2	2	2
Потылицыны																	
29	Гаврило	Иванов	6	8	1	8	1	6	3	1	3	3	3	3	3	3	3
30	Степан	Иванов	5	12	1	12	1	6	3	1	3	3	3	3	3	3	3
Сидоровы																	
31	Михайло	Гаврилов	3	7	1	7	1	4	2	1	2	2	2	2	2	2	2
32	Александр	Гаврилов	3	5	1	5	1	4	3	1	2	2	2	2	2	2	2
33	Василий	Вотопов	5	12	6	12	6	6	4	1	3	3	3	3	3	3	3
34	Евгений	Васильев	8	13	9	7	8	6	4	2	4	4	4	4	4	4	4
Юшковы																	
35	Давид	Иванов	1	5	5	5	5	1	2	1	2	2	2	2	2	2	2

Век 19-й был для Овсянки и овсянцев в целом спокойным и благополучным. Деревня жила небедно, население ее росло. Судя по ревизии 1858 года, в Овсянке был 71 двор, а население составляли 337 душ мужского пола и 192 женского. Такой дисбаланс – почти вдвое! – объясняется тем, что в деревне было много пришлых – едва ли не больше, чем старожилов. Впрочем, они быстро оседали в тех местах, обживались на земле.

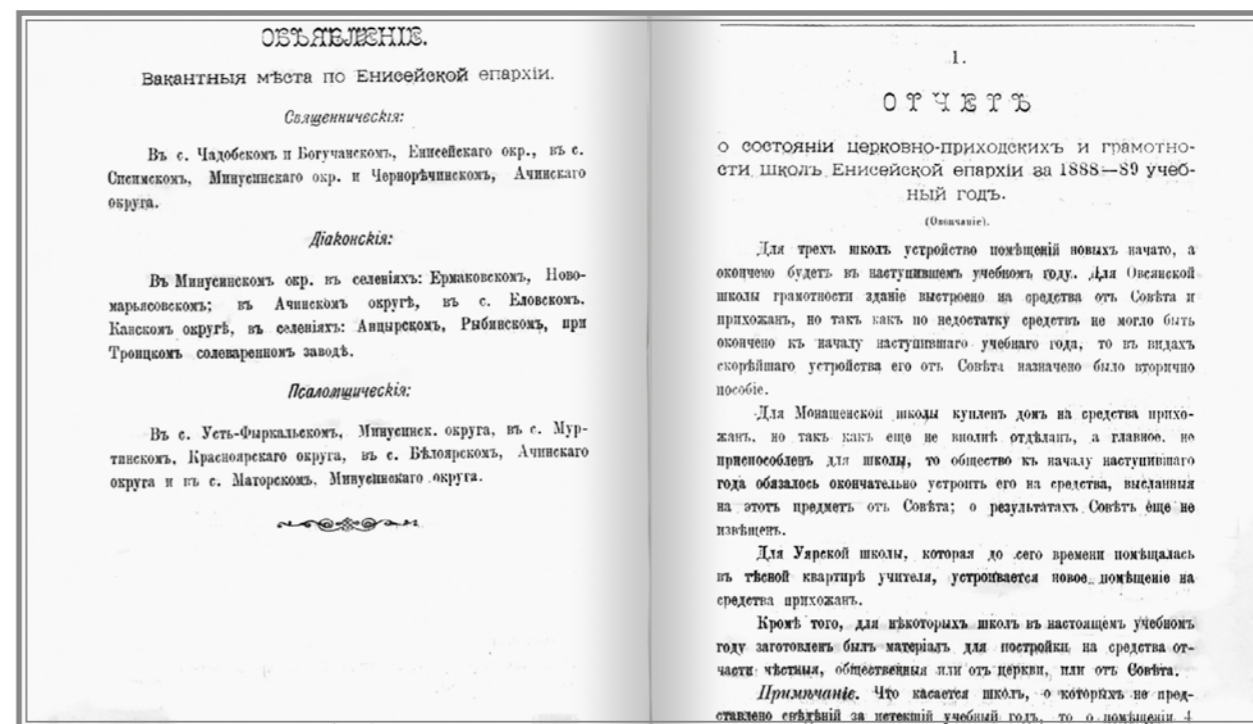
Все, кто в те годы бывал в Овсянке, будь то российские или иностранные путешественники, говорили о ней как о зажиточной и благоденствующей деревне – в отличие от многих других сибирских поселений. Богатые урожаи зерна, хорошие прибыли от рыболовства и сбора хмеля на соседних островах (из него потом варили неплохое пиво), дойные коровы, содержащиеся почти в каждом дворе, – такой видится Овсянка в записях тех лет.

О занятиях и нравах овсянцев узнаем, в частности, из свидетельств немецкого учёного-энциклопедиста, естествоиспытателя, географа и путешественника Петра Симона Палласа, совершившего научные экспедиции по Сибири и югу России. Побывав в Овсянке в 1871 году, Паллас отмечал необыкновенное гостеприимство ее жителей и рассказывал, что **овсянцы живут «звериной ловлею, рыбою и другими пропитание доставляющими ремеслами»**. Упоминает он и об излюбленном месте охоты жителей села – это горы, пролегающие вверх по реке Мане. Там местные охотники добывают соболей, рысей, росомах, медведей «в довольном количестве», а о зверях помельче, как отмечает Паллас, «ничего уже и говорить».

В 19-м веке у овсянцев появилось и свое прозвище – «гробовозы». Как считается, связано это с тем, что жители Овсянки в те годы хоронили усопших не вблизи деревни, а на другом берегу Енисея. Гробы на кладбище, находившееся за рекой, перевозили на лодках. Об этом прозвище впервые упоминает писатель, журналист, путешественник Всеволод Алексеевич Долгоруков в своем «Путеводителе по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России», изданном в конце 19-го века.

Прозвище это закрепилось за овсянцами надолго – вплоть до конца XX столетия. Доказательством тому – один из автографов В.П. Астафьева нашей библиотеке – «родной библиотеке-гробовозке». А ведь это уже 1983 год!

Отчет о строительстве «школы грамотности» Овсянке.
Государственный архив Красноярского края

Овсянка в первые годы XX века – по-прежнему богатая, благополучная, процветающая деревня. Уже много лет в ней работает «школа грамотности». В «Отчете о состоянии церковно-приходских и грамотности школ Енисейской епархии за 1888-89 учебный год», в частности, читаем, что для «овсянской школы грамотности здание выстроено на средства Совета и прихожан».

В марте 1916 года в Овсянке была построена первая церковь – Никольская. А если есть церковь – населенный пункт считается уже не деревней, а селом. Правда, просуществовала церковь совсем недолго – в первые же годы советской власти ее приспособили под пекарню, а в 1940-е и вовсе разобрали. Сейчас место, где когда-то стояла Никольская церковь, пустует.

В 1927 году в Овсянке была организована **сельскохозяйственная артель «Путь к социализму»**. В 1931-м на ее базе был образован колхоз имени красного партизана Щетинкина.

«Пережили овсянцы в тот год страшный раскол раскулачивания, когда свои же и обрекали на нищету и гибельную неизвестность более зажиточных родственников и соседей», – пишет дивногорский историк Игорь Федоров. Разорение коснулось фактически двух третей дворов, стоявших в Овсянке. Из двухсот пятидесяти семей, живших в селе, уцелело восемьдесят пять. И сами дома «лишенцев» были сведены с земли, растасканы на дрова, сожжены для потехи. А имущество раскулаченных «уплавлено» в Красноярск, отмечает Федоров. Об этом периоде вспоминают несколько наших собеседников, свидетельства которых приведены в книге.

Что касается уклада жизни овсянцев в те годы, интересны в этом смысле записи, сделанные в 1925 году учениками красноярской школы №5 под руководством учительницы словесности Веры Зильберман. Ребята провели в Овсянке три дня – это была экспедиция под девизом «Даешь смычку города и деревни!» – и рассказали о своих впечатлениях от увиденного.

Школьники описывают общий вид села, внутреннее убранство домов, быт жителей, их верования, приметы, праздники («На свадьбу гуляют 7-8 дней, а то и две недели»). В описаниях встречаем всё те же фамилии, что и в документах 18-19 веков: Фокины (дом Матвея Михайловича Фокина в описаниях предстаёт какособенно богатый и ухоженный), Шахматовы, Вычужаниновы, Потылицыны, Чеховы, Остафьевы (*так в документе. – Прим. ред.*), Ярославцевы...

В 1930-х годах Овсянка стала самостоятельным участком Красноярской рейдовой конторы. На заготовке и сплаве леса с того времени были заняты многие жители села.

В 1941-45 годах на фронт ушли десятки жителей Овсянки. Данные о них содержатся в объединённом фонде ветеранов Великой Отечественной войны, созданном в Библиотеке-музее В.П. Астафьева. Шестеро воинов-овсянцев – Георгий Алексеевич Ворошилов, Алексей Исаакович Киряков, Алексей Николаевич Черкасов, Борис Адольфович Любецкий, Семен Хаймович Сморгон, Семен Александрович Ваганов – закончили войну на Дальнем Востоке.

А потом и Дальний Восток пришел в Овсянку. Осенью 1945 года в село привезли японских военнопленных – так называемый отряд-434. По одним свидетельствам, в Овсянке на лесозаготовке, сельхозработах, строительстве дорог, отправке барж с овощами по Енисею на север работали 50-60, по другим – около 200 военнопленных японцев. По домам местных жителей их не расселяли – жили они отдельно, но трудились под началом овсянцев. Так, в газете «Огни Енисея» в 1995 году были опубликованы воспоминания Елены Петровны Юшковой, которая была бригадиром у 30 японских пленных.

Не все они пережили суровую сибирскую зиму. В Библиотеке-музее В.П. Астафьева хранится письмо от жителя японского города Тоёхаси – Аояма Кунио. Его отец, Аояма Кэдзи, был послан 8.01 на работы в Овсянку. Но зиму он не пережил. «Место, где он умер, – домик в деревне Овсянка на берегу Енисея. Время смерти – 11 часов ночи...» Аояма Кунио с родственниками спустя пятьдесят с лишним лет смог побывать на могиле отца.

Репатриация японских военнопленных началась в 1947 году. Уже к весне 1950 года вернулись на родину более 510 тысяч японцев. В Красноярске на Николаевском кладбище в 1970-е годы был создан специальный мемориал, куда перевозили останки японских пленных в том числе и из Овсянки. Начиная с 1995 года их родственникам позволили открыть могилы, чтобы увезти прах усопших в Японию. «22 июня 1997 года, – пишет Аояма Кунио, – Николаевское кладбище в Красноярске. Терпкий запах летней травы. Читаем молитвы, у памятника лежат привезенные из Японии любимые отцом сакэ, сигареты и поминальная еда. Невольно по щекам текут слезы...»

После войны Овсянка стремительно росла и менялась. В первую очередь благодаря строительству в селе ДОЗа – деревообрабатывающего завода. Этому предприятию, на десятилетия определившему жизнь Овсянки, посвящена одна из глав книги.

В 1963 году в Овсянке открылась новая школа – ныне школа №7 им. В.П. Астафьева. Об истории ее «предшественниц» мы не можем не упомянуть.

Как мы уже писали, в 1880-х годах в Овсянке открылась «школа грамотности». Главной ее задачей было научить детей читать и писать, а занятия в таких школах мог вести любой грамотный человек, не обязательно учитель.

В 1916 году, когда в Овсянке начала действовать своя церковь, при ней открылась еще одна школа – церковно-приходская, на 32 учащихся. После революции церковь закрыли, а школа из церковно-приходской превратилась в 1920-х годах во вполне светскую (и советскую). В 1931 году под нее был приспособлен дом Астафьевых – после того, как семью раскулачили. Именно здесь начинал учиться маленький Витя Астафьев – в доме, который строил его прадед и в котором родился он сам...

Средняя школа в Овсянке проработала до начала 1950-х годов. При ней действовал интернат – учиться в Овсянку приезжали ребята из разных сел и деревень, в том числе весьма отдаленных. Но в 1953 году в Овсянке осталась только начальная школа, среднюю и старшую перевели в поселок Мана.

Современная школа №7 села Овсянка ведет отсчет своей истории с 1 сентября 1963 года. Первым ее директором стал Федор Никифорович Никифоров. Сейчас школой руководит Марина Владимировна Метелкина. Истории, связанные со школами Овсянки, вспоминают на страницах этой книги многие наши собеседники.

Более подробно на событиях из истории Овсянки XX – начала XXI веков мы останавливать не будем – о них расскажут жители села, воспоминания которых вошли в эту книгу.

Предоставляем им слово.

СЕМЬЯ АСТАХОВЫХ

Статьи о легендарном уроженце Овсянки **Петре Георгиевиче Астахове** (1933-2015) – полярнике, именем которого назван ледник в Антарктиде, кавалере орденов Трудового Красного Знамени и «За трудовую доблесть», медали «За трудовое отличие», ряда ведомственных наград – не раз публиковались в специальных профессиональных изданиях и средствах массовой информации. В Библиотеке-музее В.П. Астафьева создан и пополняется архивный фонд П.Г. Астахова.

О большой семье Астаховых – родителях Петра Георгиевича, шестерых его братьях и сестрах – известно меньше. И совершенно несправедливо: мужество, огромная жизненная сила, талант, высочайший профессионализм (у каждого – в своем деле) – качества, присущие всем без исключения членам семьи Астаховых.

В книгу «Овсянка: семейные истории» мы включили два материала об Астаховых – статью «Полярник, летчик, капитан», написанную в 2021 году по итогам беседы с Валентином Георгиевичем Астаховым и на основе наших архивных материалов, и интервью Петра Георгиевича Астахова, записанное сотрудниками Астафьевской библиотеки в 2004 году.

Члены семьи Астаховых в Библиотеке-музее. 2001 год

ПОЛЯРНИК, ЛЕТЧИК, КАПИТАН

Сведения о том, в какой период Астаховы поселилась в Овсянке, разнятся. В настоящей статье мы обращаемся к информации из разных источников, чтобы максимально точно восстановить настоящую историю семьи.

ЛУЧШИЙ КУЗНЕЦ И ЕГО СЕМЬЯ

Петр Георгиевич Астахов в интервью сотрудникам Астафьевской библиотеки рассказывал, что его прадедушка и прабабушка попали в Сибирь в последней трети XIX века – были сосланы, а родом они из донских казаков.

Отец Петра Георгиевича, **Георгий Осипович Астахов** (1904-1960), по официальным данным, родился уже в Овсянке. Хотя старожилы, заставшие Овсянку 1920-30-х, называют это поколение Астаховых «пришлыми» – это отражено в том числе в материалах, содержащихся в архивных фондах Астафьевской библиотеки. О том, что «когда отец пришел в Овсянку, он уже был кузнецом», вспоминал и Петр Георгиевич Астахов. Каких-либо документов, подтверждающих ту или иную версию, в нашем распоряжении нет.

С уверенностью можно говорить лишь о том, что **Георгий Осипович был лучшим кузнецом на много сёл и деревень вокруг – к нему издали приезжали перенимать секреты мастерства, и за выполнением самой сложной работы тоже шли к Астахову.** Кузница стояла рядом с домом №103 на улице Набережной, где жила семья. Этот дом Георгий Осипович с друзьями срубил из лиственницы на заимке Нагиев Луз и по бревнам переправил в Овсянку.

В 1941 году Георгий Осипович был призван в армию, в автомобильный батальон. На сайте «Подвиг народа» в копии приказа о награждении рядового Г.О. Астахова орденом Красной Звезды читаем, что он и на фронте был кузнецом. «В условиях походно-полевой кузницы тов. Астахов освоил штамповку вручную

Георгий Осипович Астахов
рядом с домом в Овсянке. 1954 год

сложной по конфигурации автодетали», причем по качеству его изделия не уступали заводским. Г.О. Астахов, отмечается в документе, передает опыт другим кузнецам, «специально приезжавшим из различных дивизий нашей армии».

За выдающуюся работу Г.О. Астахов и был представлен к награде. После войны Георгий Осипович вернулся в Овсянку и кузнецом проработал всю свою жизнь.

к № 09747

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Фамилия, имя и отчество Астахов Георгий Осипович

Военное звание Красноармеец

Должность, часть Кузнец, 230 Отдельный Ремонтно-Восстановительный Батальон Автомобилей

Предлагается к награде Орденом "Красная Звезда".

1. Год рождения 1904

2. Национальность Русский

3. С какого времени состоит в Красной Армии с 1941 г.

4. Партийность Беспартийный

5. Участие в боях /где и когда/ Не участвовал

6. Имеет ли ранения или контузии Не имеет

7. Чем ранее награжден /за какие отличия/ Медалей "За боевые заслуги" 40.12.43 г. Пр-а и ОМЗ-И 34 ар.

8. Каким РКВ призван Советским РКВ

9. Постоянный домашний адрес: [REDACTED]

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Работает в батальоне с сентября месяца 1941 года в качестве кузнеца. За время своей работы проявил себя безотказным, высоко дисциплинированным, отличным работником. В условиях походно-полевой кузначной работы Астахов освоил штамповку вручную сложной по конфигурации автодеталь "чашку гук". Качество изготовляемой Астаховым штамповкой заготовки "чашки гук" не уступает заводской.

Тов. Астахов личным показом перенял свой опыт по ручной штамповке чашек гук другим кузнецам, специально приезжавшим из различных дивизий нашей армии, а так же работникам других ОРВВ Волховского фронта перед которыми он демонстрировал свои приемы и приспособление на фронтной выставке 1943 года. Тов. Астахов освоил так же изготовление сложных кузнечных заготовок, ранее в батальоне не изготовлявшихся - стойки передней рессоры ГАЗ-АА и серьга передней рессоры. Астахов с мастерством производит отливку целого ряда деталей из алюминия - шкивки колес, вала, крыльчатки вентилятора, корпуса салыничов полусосей, тавотницы, поршни двигателя 1/3, 1/5 и мотоциклов. Астаховым выполняются самые ответственные и сложные работы, которые казались бы невозможны выполнить в полевых условиях. Дневные задания Астахов выполняет не хуже как на 250-300 % и выше. При норме 5 пар чашек гук, Астахов дает 17-18 пар.

Достоин Правительственной награды орденом "Красная Звезда".

КОМАНДИР 230 ОРВВА
МАЙОР /САНКОВИЧ/

сентября 1944 года.

Работает в батальоне с сентября месяца 1941 года в качестве кузнеца. За время своей работы проявил себя безотказным, высоко дисциплинированным, отличным работником. В условиях походно-полевой кузначной работы Астахов освоил штамповку вручную сложной по конфигурации автодеталь "чашку гук". Качество изготовляемой Астаховым штамповкой заготовки "чашки гук" не уступает заводской.

Тов. Астахов личным показом перенял свой опыт по ручной штамповке чашек гук другим кузнецам, специально приезжавшим из различных дивизий нашей армии, а так же работникам других ОРВВ Волховского фронта перед которыми он демонстрировал свои приемы и приспособление на фронтной выставке 1943 года. Тов. Астахов освоил так же изготовление сложных кузнечных заготовок, ранее в батальоне не изготовлявшихся - стойки передней рессоры ГАЗ-АА и серьга передней рессоры. Астахов с мастерством производит отливку целого ряда деталей из алюминия - шкивки колес, вала, крыльчатки вентилятора, корпуса салыничов полусосей, тавотницы, поршни двигателя 1/3, 1/5 и мотоциклов. Астаховым выполняются самые ответственные и сложные работы, которые казались бы невозможны выполнить в полевых условиях. Дневные задания Астахов выполняет не хуже как на 250-300 % и выше. При норме 5 пар чашек гук, Астахов дает 17-18 пар.

Достоин Правительственной награды орденом "Красная Звезда".

Наградные документы Георгия Осиповича Астахова. Сайт «Подвиг народа»

Петр, Коля, Люба, Толя Астаховы с мамой Анной Семеновной. Овсянка, 1951 год

Жена Георгия Осиповича, Анна Семеновна, работала и на лесосплаве, и почтальоном, и продавцом, и хозяйство вела. И, конечно, детей воспитывала. А их в семье Астаховых было семеро: пять сыновей и две дочери.

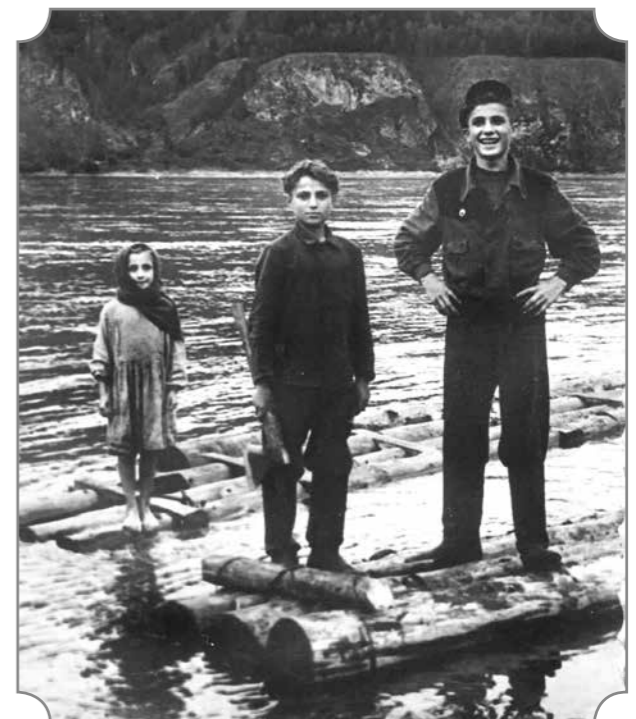
Тем, что на сплаве работали женщины, в Овсянке никого не удивит: долгое время молевой сплав был одним из главных занятий овсянцев, и задействованы в нем оказывались даже дети. Валентин Георгиевич Астахов, сын Георгия Осиповича и брат Петра Георгиевича, вспоминает, что он «лихо управлялся с багром и бревнами» уже в возрасте 9-10 лет – как и другие овсянские ребята.

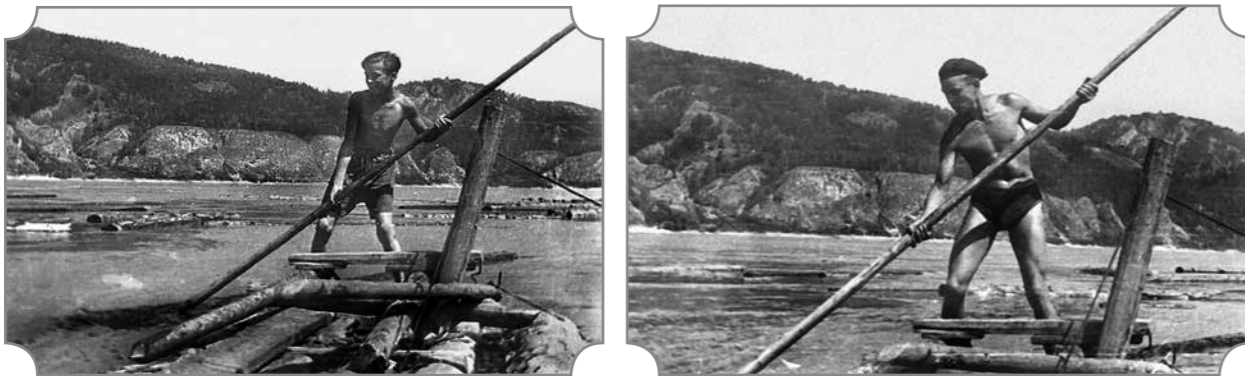
Что касается работы Анны Семеновны почтальоном, в наше время это особого трепета не вызывает. А тогда...

– На правом берегу Енисея до 1960-х годов дороги от Овсянки до Красноярска не было – до самых гор, там, где сейчас проходят автотрасса и железнодорожная линия, тянулись огороды, – рассказывает Валентин Георгиевич Астахов. – Так мама, когда работала почтальоном, каждое утро вначале переправлялась через Енисей, потом шла порядка 8-10 км в сторону поселка Удачного (почтовое отделение было там), забирала почту и доставляла ее в Овсянку «в обратном порядке»: несколько километров пешком, а затем снова через Енисей.

Кстати, уточняет Валентин Георгиевич, в те годы через Енисей переправлялись, а иной раз проделывали и довольно длинный путь – в том числе до Красноярска – зачастую не на лодках, а на салаках – небольших плотах из двух-трех бревен, связанных между собой.

Люба, Толя, Коля Астаховы на салаках. 1951 год

Братья Астаховы, Николай и Петр, работают на набивке кошелей – так назывался этот процесс. 1950-е годы

Строительство дороги на правом берегу началось уже при возведении Красноярской ГЭС. Валентин Георгиевич вспоминает такой случай:

– В 1960 году для строительства железной дороги решено было взорвать Шалунин бык (скала над Енисеем. – Прим. ред.). В Овсянке людей заранее об этом предупредили – чтобы не пугались взрывов, соблюдали осторожность и ни в коем случае в тот день не плавали в сторону Шалунина быка. Это они, конечно, зря сказали, потому что к назначенному времени едва ли не полсела собралось на лодках и плотках посмотреть, как будут взрывать. Грянул взрыв – от Шалунина быка оторвался огромный кусок и грохнулся в Енисей. То ли от взрывной волны, то ли от упавшей скалы лодки и плоты как ветром сдуло аж до противоположного берега. Но вроде бы никто не пострадал. А полностью снести Шалунин бык не удалось – оставшаяся его часть, высотой метров под 30, так и высится над Енисеем. Что стало с отколовшимся куском и куда он делся – тут ничего сказать не могу, не интересовался.

«ОТЕЦ ВЫКОВАЛ ХАРАКТЕР»

«Астаховых семью я знала. Люди они сильно хорошие. И дети все хорошие. Всех выучили. Друг друга учили, так сказать, помогали», – рассказывала в интервью Астафьевской библиотеке Анна Константиновна Потылицына, тетушка В.П. Астафьева.

В одной из статей о семье Астаховых отмечается: мол, отец-кузнец выковал характеры своих детей. Что ж, похоже на то.

Старший из братьев Астаховых, Сергей Георгиевич (1929 г.р.) был бортингеном, инструктором самолетов МиГ, ИЛ-14, ИЛ-18, ТУ-154.

Петр Георгиевич Астахов (1933 г.р.) – Почетный полярник, исследователь Антарктиды, геофизик, награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом «За трудовую доблесть», медалью «За трудовое отличие», Анатолий Георгиевич Астахов (1939 г.р.) – летчик, командир корабля самолета ЯК-40.

Валентин Георгиевич Астахов (1942 г.р.) – в прошлом капитан речного флота, ныне специалист диспетчерской службы Енисейского пароходства, Отличник речного флота.

А первой из семьи героическую профессию выбрала старшая сестра – Клавдия Георгиевна, родившаяся в 1925 году.

Петр и Николай Астаховы, Станислав Яковлев – зять Г.О. Астахова, Георгий Осипович и Сергей Астаховы, 1954 год

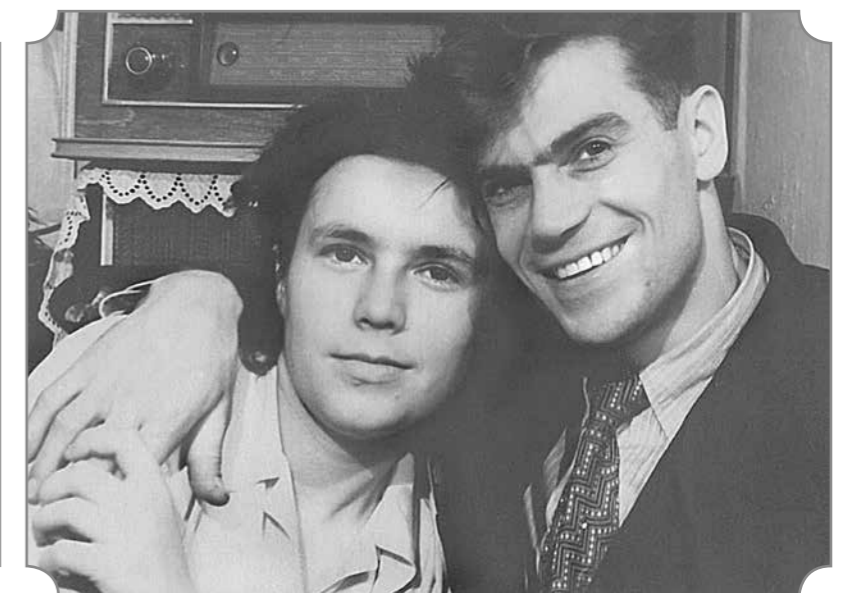
Клавдия Астахова поступила в речное училище в Красноярске, выучилась на радиста, мечтала работать на енисейских судах. Но шла война, и ее отправили в Арктику, на Диксон. Там она проработала радистом много лет.

Сыновья братьев Астаховых продолжили их дело. Сын Сергея Георгиевича, Владимир, стал командиром ИЛ-86. Сын Петра Георгиевича, Максим, – физик, полярник, исследователь Арктики.

Клавдия Георгиевна Астахова. 1953 год

Клава Астахова и ее муж Слава Яковлев – полярные радисты. 1954 год

ПРЯМО РУЛЯ!

Пример сестры, окончившей речное училище, вдохновил и Валентина Георгиевича Астахова. Недавно В.Г. Астахов побывал в гостях в Библиотеке-музее и поделился воспоминаниями.

Валентину Георгиевичу в январе 2022 года исполнилось 80 лет, больше 60 из них он работает в Енисейском речном пароходстве. Продолжает там трудиться до сих пор.

– В 16 лет, в 1958 году, я поступил в красноярское ремесленное училище речников, – рассказывает Валентин Георгиевич. – С 60-го начал работать в плавсоставе Енисейского пароходства. После армии вернулся туда же (а служил тоже во флоте). В 1965-м стал рулевым на дизель-электроходе «Композитор Калинин», ходившем из Красноярска в Дудинку (кстати, этот дизель-электроход упоминается в астафьевской «Царь-рыбе»), и отработал там 10 лет.

Валя (крайний слева), Коля, Люба, Толя Астаховы. Овсянка, 1952 год

За эти годы Валентин Георгиевич прошел все должности – **от рулевого до капитана – уникальный случай для Енисейского пароходства!** В 1975-м В.Г. Астахов стал капитаном танкера «Братск ГЭС», а в 1980-м принял дизель-электроход «Бородин».

Случалось на Енисее всякое. Была, например, непредвиденная зимовка, когда танкер «Братск ГЭС» из-за рано грянувших морозов оказался зажатым во льдах на Осиновских порогах, в устье Подкаменной Тунгуски. Судов, попавших в беду вместе с «Братск ГЭС», оказалось довольно много. Капитанам удалось встать караваном у левого берега реки, но как быть дальше? Некоторые экипажи разместились у местных жителей, некоторые – на барже. Впереди была длинная зима... Только в марте для ледокольных работ и вызволения каравана вышел на север буксировщик «Разин».

Дизель-электроход «Композитор Калинин», на котором 10 лет проработал В.Г. Астахов

Валентин Георгиевич вспоминает, как на танкере запускали котел, чтобы «оживить» судно, как вручную кололи лед вокруг него. Примеру «Братск ГЭС» под командованием Астахова последовали и другие экипажи. В это время «Разин» раскачивал льдины, пробивал ход к каравану. Так удалось подготовить суда к выводу. Но север есть север: выйти при помощи буксировщика в Енисей суда смогли только в мае, после ледохода.

– Дело в том, что за зиму под корпусами судов образовались огромные ледяные чаши, которые фактически их обездвиживали, не давали работать винтам. Только после того, как «Разин» вывел нас в Енисей, лед стало отрывать от днища. Льдины из-под нас всплывали просто невероятных размеров и со страшным грохотом. К счастью, танкер «Братск ГЭС» не был поврежден. За собой на буксире в Красноярск мы привели нефтеналивную баржу «Семга», – вспоминает Валентин Георгиевич.

С 1991 года Валентин Астахов работает в Центре технической эксплуатации флота – несколько лет был его руководителем, сейчас трудится диспетчером.

– Мне мои на берегу (то есть семья. – Прим. ред.) намекнули: мол, пора бы дома и почаще бывать, – говорит Валентин Георгиевич. – Вот, послушался.

Валентин Георгиевич Астахов в Библиотеке-музее с внуком. 2001 год

«...ВЫРВАЛСЯ И УЕХАЛ В АРТКИКУ»

Интервью с Петром Георгиевичем Астаховым (1933-2015) было записано в 2004 году. Беседу вела Валентина Георгиевна Швецова, в то время – главный хранитель фондов Библиотеки-музея. В книгу интервью вошло в отредактированном и сокращенном виде.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Пётр Георгиевич Астахов – полярный исследователь, геофизик, радиофизик. Почетный полярник СССР.

Родился в 1933 году в селе Овсянка, в семье деревенского кузнеца.

В 1950-1955 годах учился в Томском государственном университете на радиофизическом факультете, получил специальность «физик-радиоэлектроник».

1955 год. Железнодорожный вокзал Красноярск.

Семья провожает П.Г. Астахова в его первую арктическую командировку

С 1955 года Петр Астахов работал в радиометцентре Главного управления Северного морского пути на острове Диксон: сначала в должности радиотехника, позднее – начальника смены передающей радиостанции.

С 1962 по 1964 годы Астахов **участвовал в Восьмой** (и первой для него лично) **советской антарктической экспедиции в качестве начальника геофизического отряда**. В дальнейшем работал в нескольких экспедициях в Антарктиду, проходивших с 1967 по 1983 годы. В том числе в 1973 году был назначен начальником станции «Восток» в составе 18-й Советской антарктической экспедиции.

Петр Астахов
на Южном полюсе, 1967.
Фотограф – Самуэль Келли

В качестве эксперта Всемирной метеорологической организации ООН и международной рабочей группы ЮНЕСКО в разные годы работал в Швейцарии, Франции, Афганистане, Пакистане.

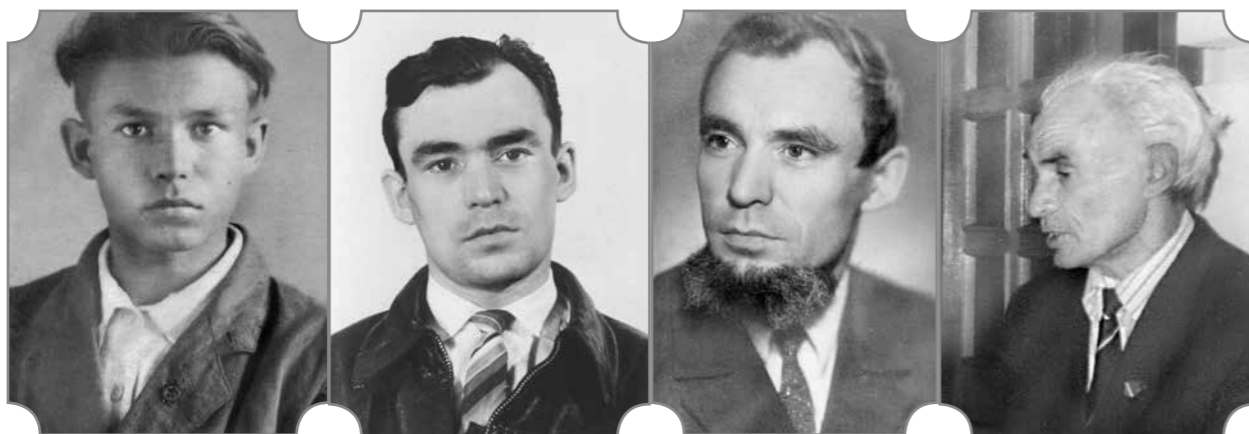
В последние годы ученый жил в Санкт-Петербурге. **Умер 12 февраля 2015 года.**

Петр Астахов награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом «За трудовую доблесть», медалями «За трудовое отличие», «Ветеран труда», знаками «Почетный полярник» и «Отличник Гидрометслужбы», а также медалью правительства США «За антарктическую службу».

Именем П. Г. Астахова по инициативе США назван ледник в Антарктиде, расположенный на северном побережье земли Виктории (Astakhov glacier).

П.Г. Астахов с сотрудниками Библиотеки-музея. 2004 год.

*Петр Астахов.
1950 год*

*П.Г. Астахов –
участник Восьмой
антарктической
экспедиции. 1973 год*

*П.Г. Астахов,
1974 год*

*П.Г. Астахов,
2000 год*

О ДЕТСТВЕ, ЮНОСТИ, МОЛОДОСТИ

– Из раннего детства я мало помню. Вон пещера на том берегу, в скале. Её я уже помню. Я маленький был, но с другими ребятами, постарше, мы туда лазили. Там много летучих мышей. Мы, радостные, притаскивали их домой, а на мышках этих летучих было столько блох – нас сразу из дома выгоняли. Никто из нас в детстве ничего этого не боялся, не было суеверного страха. Обычно ведь как: «А, летучая мышь! Ночные вампиры!» У нас это воспринималось нормально: кошка бегаёт – летучая мышь летает, ну и что?

Говорят, что наши предки появились в Сибири, потому что были плохо воспитаны, плохо себя вели. Правительство обиделось и выслало наших прадедушку, прабабушку в Сибирь. Да ещё и запретили, отлучили от церкви. **Такое было наказание – отлучение от церкви. Вот отлучили, и стал считаться брак незаконный, поэтому дети рождались по фамилии матери – Астаховы.** А потом, когда наказание закончилось, стали писаться по фамилии отца – Коваленко, он выходец с Украины. И вот у нас в роду были и Астаховы, и Коваленко, пока не стали девочки выходить замуж, менять фамилию. Теперь уже много ветвей, а первоначально так.

Когда мой отец Георгий Осипович здесь появился, он уже был кузнецом. Поселился в деревне, в домике на Набережной. И там же рядом кузница.

В деревне мало кто вообще сейчас знает, как лошадей подковывают. Четыре столба, станок там, специальное устройство, лошадь подвешивают и по очереди ноги подковывают. Это большое искусство и, я бы сказал, хирургическое вмешательство, рискованное. Можно лошадь испортить. Гвоздь не туда пойдёт в тело – а надо, чтобы только в копыто прошёл, да ещё по дуге. Ну, как бы то ни было, был он мастером-кузнецом, славился. Со всей округи приезжали к нему работать, понять какие-то работы. На этой почве было много друзей, было и пьянство с друзьями. Но друзья и помогали. Вот там, в восьми километрах, Нагиев Луз, заимка. Там они срубили из лиственниц сруб, привезли оттуда, поставили здесь дом. Этот дом простоял здесь долго, несколько раз его ремонтировали.

Первый ребенок у родителей умер. А потом, в 25-м году, родилась сестра Клава. В речном училище в Красноярске выучилась на радиста, думала радистом плавать по Енисею на катерах. Это было во время войны. Её и не спрашивали – отправили в Арктику, на Диксон. Там она радистом работала, полярным. Собственно, её пример и послужил толчком для меня.

В школе в Овсянке я учился все 10 лет. Закончил школу – и прямым ходом в Томский университет. Город Томск представляете где? И чего я туда поехал, не имея никакой материальной возможности? Семья всегда была бедная, здесь-то рядом, в соседней школе, было трудно. Надо же что-то надевать на себя и поесть, а поехать в университет... Правда, там давали стипендию, но всё равно. **А на каникулы летние, зимние ездил на крыше вагонов. Красноярск – станция Тайга, пересадка, а от Тайги еще чуть больше ста километров.**

Когда я закончил университет, хотели меня там оставить на кафедре, чтоб из меня учёного сделать, но я этого недопонял.

*Петр Астахов на острове Диксон,
станция «Колба», 1960 год*

Каким-то образом вырвался и уехал в Арктику. Через Москву. Добился свободного диплома. Дали направление: было тогда в Москве Главное управление Северного морского пути. Управление ведало всей жизнью в Арктике. Ну и всё, уехал на Диксон. Там работал и грузчиком, и техником, и инженером, начальником на передающей радиостанции.

Потом проводился Международный геофизический год, в 1957-м и половине 1958 года. Для этих целей Советский Союз подписал соглашение, что в Арктике и Антарктиде организует наблюдательные станции. С этого и начались антарктические экспедиции.

На собачьей упряжке. Каюр – П.Г. Астахов. Диксон, 1960 год

Я в Арктике проработал в общей сложности 7 лет, из Арктического института меня посылали в командировки, и я ремонтировал аппаратуру научную, вот эту нашу геофизическую. Но потом меня предложили в седьмую Советскую антарктическую экспедицию. Но предложили, видимо, слишком поздно, или не рассчитали, или характер у меня такой... Какой-то парадокс: с одной стороны, быстро собираюсь и шустрый, а тут вдруг я: «Господи, не достоин!»

Как тот мужик, который шёл мимо церкви... Церковь открыта, хотя и на ремонте, но он набожный, зашёл. «Господи, раба Божьего Ивана прости и сохрани, Господи!» Вдруг голос сверху: «Раб Божий Иван, садись в бадью, вознесёшься на небо» – на верёвке бадья большая. Он говорит:

– Господи, не достоин, Господи, не достоин!

– Садись, вознесёшься на небо, – требуют сверху. Сел в бадью, его приподняли метра на два и бросили.

– Мать-перемать, я же говорил, что не достоин, а ты пристал: садись да садись...

ОБ АНТАРКТИДЕ

Разговор во время интервью заходит об арктическом быте. Звучит, в частности, вопрос, как на Южном полюсе добывали питьевую воду.

– Снег в Антарктиде в открытой местности нарастает тонкими слоями, а около помещений, ящиков нагребает сразу сугробы. Сколько их ни откалывай – через два дня будет такой же сугроб, утрамбованный, крепкий слой. Снег там такой плотный, что его пилят ножовкой кусками. В крайнем случае можно лопатой отбивать бесформенные куски. Вносишь в помещение – там есть устройство, снеготаялка, на десять кубометров; там внизу соляра и форсунки, обогрев пламенем, трубы. Снег тает, наполняются нужные системы.

У нас одно, у американцев другое. Систем много, вплоть до атомной станции. Мак-Мёрдо – база американцев – находится на берегу, где нет поблизости озера. Наши станции, советские, организовывались там, где есть какое-то озеро, которое образуется хотя бы летом. А у американцев была проблема: база большая, там летом собиралось до двух тысяч человек моряков, а воды мало. Снег таяли

П.Г. Астахов и И.Н. Косорез.
Станция «Восток» на Южном полюсе.
1982 год

«Входной глобус»
на станции «Восток». 1973 год

Операция «Глубокий мороз».
Южный полюс.
Автор съемки: Самуэль Келли.
27 октября 1967 года

И заодно стали выяснять: а что делать-то с этой атомной станцией? Ученые объяснили, что для ее обслуживания нужен штат не механиков, дизелей, сантехников, а учёных: физиков-ядерщиков. И это в пять раз дороже будет, чем механиков держать. А кроме того, атомные электростанции требуют резерва на всякий случай, хоть небольшого, хотя бы 5-10% – дизельную электростанцию, то есть опять тех же механиков. Это ещё в два раза дороже. Спрашивается: на фига мы гоним завозить, строить атомную станцию? Что мы будем с этого иметь? А снег и так растопим – снеготаялками.

На американской
антарктической базе Мак-Мёрдо

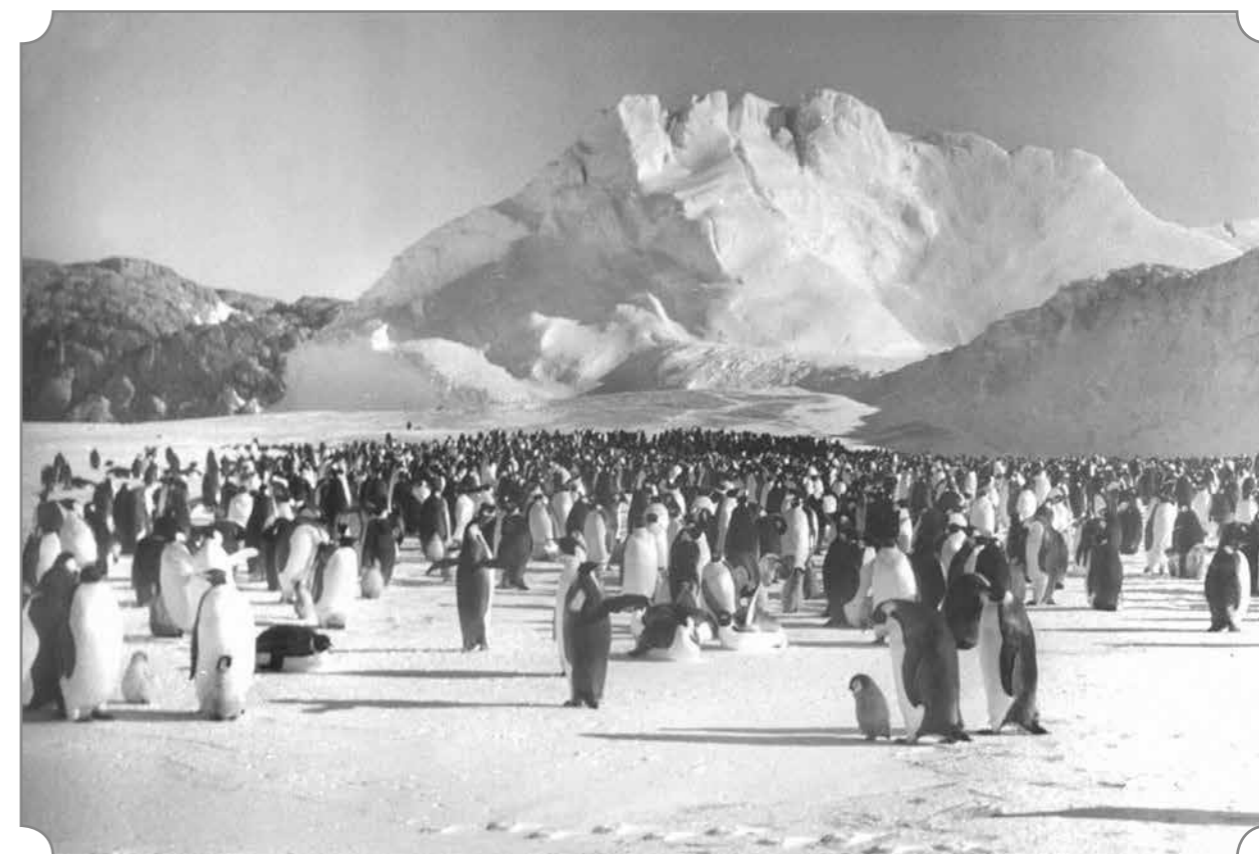
вот так – возили кусками или в снеготаялке. Потом они решили поставить атомную установку на берегу около Макнорда. Она морскую воду засасывает, опресняет и опреснённую воду по трубам подаёт в посёлок. Они это не скрывали, никакого секрета не держали, что у них это будет. Приготовили платформу, из Сан-Франциско на корабле привезли атомный реактор только для этой цели: вырабатывать тепло и опреснять морскую воду.

А в то время были и холодная война, и конкуренция, и соперничество. И на земле, и в космосе, и в Антарктиде. Наши руководители антарктической экспедиции говорят: «Ах так! Надо опередить американцев. Мы тоже такое поставим на станции «Молодёжная». И заторопились. Выкопали котлован и приготовили уже атомный реактор туда везти. Но американцы в это время из Сан-Франциско привезли атомный реактор, а тут у берега у них оборвались верёвки, и всё рухнуло, утонуло. Глубина там двести метров. Они потом это достали, отвезли на утилизацию, не бросили.

А наши: «А! Американцы утопили, можно не торопиться. Мы ещё успеем». Но ошиблись. Мы свои работы приостановили, а американцы быстренько запросили второй экземпляр, из Сан-Франциско быстро привезли. Тут же его поставили, включили и стали морскую воду опреснять и обеспечивать посёлок Мак-Мёрдо водой. А поскольку наши расслабились, и время ушло; зима, то, другое.

И заодно стали выяснять: а что делать-то с этой атомной станцией? Ученые объяснили, что для ее обслуживания нужен штат не механиков, дизелей, сантехников, а учёных: физиков-ядерщиков. И это в пять раз дороже будет, чем механиков держать. А кроме того, атомные электростанции требуют резерва на всякий случай, хоть небольшого, хотя бы 5-10% – дизельную электростанцию, то есть опять тех же механиков. Это ещё в два раза дороже. Спрашивается: на фига мы гоним завозить, строить атомную станцию? Что мы будем с этого иметь? А снег и так растопим – снеготаялками.

А в Мирном в километре от поселка построили избушку на снегу без пола. В этой избушке опустили на лёд «утюг» – большой нагреватель на проводах, на тросиках, с насосом. Подходит трактор с ёмкостью-цистерной. А там уже нагрелось достаточно воды: лед тает вокруг «утюга», насосы воду откачивают. Вокруг «утюга» получается колодец глубокий диаметром 4-5 метров. И растёт он не вширь, а в глубину. Метров на тридцать этим утюгом воду протаем, воду отсосем. Потом приходится рядом делать рядом вторую такую же дырку. Около Мирного огромная территория, уже гектар, наверное, продырявлена такими колодцами. Вот так добывается вода в Антарктиде.

Колония императорских пингвинов. Сентябрь 1963 года, станция «Мирный»

Ноябрь 1972 года.
Надпись на обратной стороне фото:
«Персонал станции Мак-Мёрдо
за работой по наполнению своих тарелок в День благодарения.
В 1972-73 годах начальник станции «Восток» П.Г. Астахов по приглашению американцев летал со своей группой из 4 человек в Мак-Мёрдо и Южный полюс. Советско-американские отношения в Антарктике специфические, в нескольких словах не рассказать.
П. Астахов

Американские Военно-морские силы поддержки Антарктической операции «Глубокий мороз»
 U. S. NAVAL SUPPORT FORCE ANTARCTICA
 OPERATION DEEP FREEZE

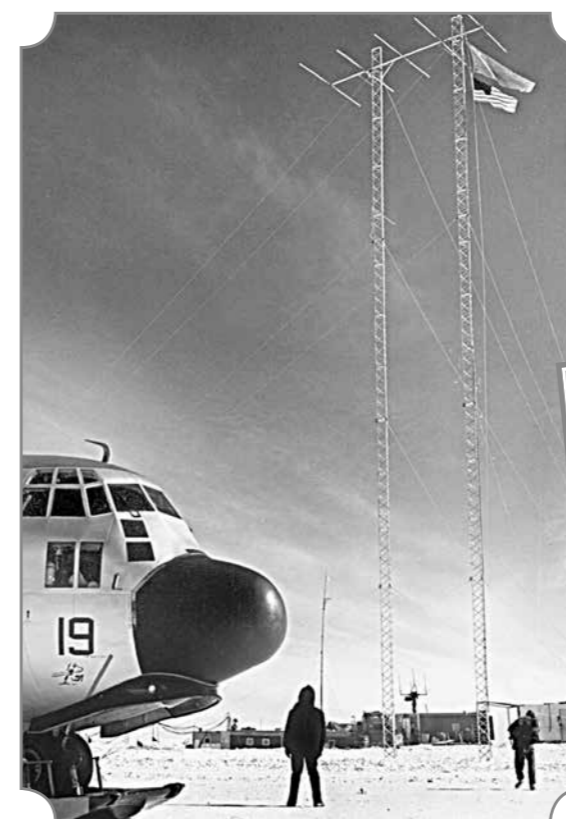
NEG. JAN-31568-E-11-72 DATE: 23 NOV. 72
 CAPTION: STATION PERSONNEL WORK AT FILLING THEIR PLATES ON THANKSGIVING DAY AT MCGURDO STATION, ANTARCTICA.

Персонал станции Мак-Мёрдо за работой по наполнению своих тарелок в День Благодарения (23 ноября 1972г.!) MS-MURDO, Антарктида.

OFFICIAL U. S. NAVY PHOTOGRAPH BY
 PH2 G.L. ARNOLD

RELEASED

В 1972-73гг., 18 САЭ, на 2-к ст. Восток П.Г. Астахов [по приглашению американцев и при СВЕТЛИМЫН разрешении министра Гидромета Евр. Конт. Федерации (Один из Папановых)] летал со своей группой из 4х чел в Мак-Мёрдо и Ю. Полюс. Советско-американские отношения в Антарктике специфические. В нескольких словах не рассказать.
 Астахов

На станции «Восток». На обратной стороне фото – памятная надпись П.Г. Астахову американского полярника Роберта Зислера

To Peter
 Photograph by
 Robert L. Ziesler PH1/USN

PH1, USN - сокращение от: Photograph 1 класса, ВМС США.

Петру [П.Г. Астахову] от Фотографа [РОБЕРТ Л. ЗИСЛЕР, взланил ПХ-1, ВМС]. ст. Восток

Официальная ВМС США фотография, вынужденная для публикации, аккредитованная как «офиц. ВМС США фотография, фотограф И. М. МАК-КЭЙ, фотограф 2 кл. 12.12.1967. негав н. за 12-1967, каталог р. (професс)

Прочит: Мистер Джерри У. ХАФФМАН [Jerry W. HUFFMAN], представитель USAAR [United States Antarctic Research Program - американская антарктическая исследовательская программа], и Адмирал Джей Млойд АББОТ, младший, ВМС США, (ком- НАВ-САРР-Форс) - командующий Военно-морскими силами поддержки антарктической экспедиции, смотрит на Бориса Беляева, начальника русской научной станции Восток, который читает книгу про Америку, подаренную ему Мистером ХАФФМАНОМ.

Это было событие церемонии по поводу первого полета на русскую станцию в этом ледяном сезоне.

**Петр Астахов с американскими коллегами (фото и описание на его обратной стороне).
Декабрь 1967 года**

СЕМЬЯ БЕТЕХТИНЫХ

Бетехтины – старинный сибирский род, оставивший большой след в истории Овсянки. И потому особенно ценно и важно, что представители младших его поколений хорошо знают и бережно хранят историю семьи.

В книгу мы включили статьи, в основе которых – беседы с представительницами трех поколений семьи Бетехтиных.

Интервью с Александрой Ильиничной Бетехтиной (1928-2017) было записано в начале 2000-х годов В.Г. Швецовой. В 2021-2022 годах состоялись встречи сотрудников Библиотеки-музея с Галиной Александровной Бетехтиной и Людмилой Александровной Медведевой – дочерьми Александры Ильиничны – и Александрой Овдиной, ее внучкой.

Результаты этой большой общей работы – перед вами.

Александр Трофимович и Александра Ильинична Бетехтины с дочками Галиной и Людмилой

«ПОМНЮ ОВСЯНКУ ТАКОЙ». АЛЕКСАНДРА ИЛЬНИЧНА БЕТЕХТИНА

Александра Ильинична Бетехтина (1928 (по документам 1929) – 2017), урожденная Щукина, родилась в деревне Усть-Дербино Даурского района. В 1949 году переехала к мужу в Овсянку, в том же году устроилась на работу библиотекарем Усть-Манской средней школы и проработала там до 1954 года. С 1962 по 1981 годы работала в «КрасноярскГЭСстрое», была депутатом Овсянского поселкового совета.

Александр Трофимович Бетехтин (1926-1994) родился в селе Овсянка в семье Трофима Сысоевича и Пелагеи Александровны Бетехтиных. В армию был призван в 1943 году в возрасте 17 лет. Служил в 10-й гвардейской мехбригаде с 1943 по 1945 годы, был тяжело ранен. Александр Трофимович награжден орденом Отечественной войны, медалью «За победу над Германией», юбилейными медалями. После войны вернулся в родное село. С 1951 года работал учителем начальных классов местной школы.

Интервью с А.И. Бетехтиной, записанное В.Г. Швецовой, в книгу вошло в отредактированном и сокращенном виде.

«ВСЁ ЭТО БЫЛО ДО ВОЙНЫ»

– *Александра Ильинична расскажите о себе, о своей семье. Где вы родились?*

– Родилась я в Даурском районе, в селе Усть-Дербино, в 1928 году, в большой семье. Родители были не бедняки и не богачи. Середняки. Отец – Щукин Илья Иванович. Четыре года воевал, в 1941 году ушел, в 1945-м пришел. Мама – Щукина Анна Васильевна. Они оба были с 1906 года. Жили в деревне, держали корову, хозяйство.

– *Под раскулачивание не попала семья?*

– Они не попали – богато ведь не жили, наемного труда не было. Но дом у нас был старинный, богатый. Стоял, пока не затопило (*деревни Даурского района попали под затопление при строительстве Красноярской ГЭС. – Прим. ред.*). Потом отец поменялся в деревню, которая была километрах в 10 от нас: мы туда переехали, а оттуда люди – к нам. Отец в колхозе был пчеловодом, а мама – просто домохозяйка. У нас в колхозе было пять пасек; был леспромхоз и еще ОРС (*отдел рабочего снабжения. – Прим. ред.*), который снабжал все участки района, где заготавливали лес и сплавливали по рекам. Этот лес выводили сюда, в Слизнево, кошили катера оттуда брали.

Нас у родителей было пятеро. Школа в колхозе была до четырех классов, а в деревне Дербино, километрах в двух, – средняя школа. Я туда ходила. Закончила семь классов. Все это было все до войны.

– *В семье чем питались? Не голодно жили?*

– Голодно не было. У нас отец и охотник, и рыбак. Мясо мы ели всегда, можно сказать, какое хочешь. Рыбу ели. И огород свой был, и корова была. И всегда – мед и варенье.

А.И. Бетехтина

- *Когда вы в школе учились, что вы знали о Ленине, о Сталине?*
- Стихотворения мы знали.
- *Помните хоть какое-нибудь стихотворение?*
- Такое уж мне запомнилось:

*На дубу зеленом, да над тем простором
Два сокола ясных вели разговоры
А над ним летали соколята стаяей
Ой, как первый сокол со вторым прощался
Он с предсмертным словом к другу обращался
Сокол ты мой сизый, час пришел расстаться
Все труды, заботы на тебя ложатся
А другой ответил: «Позабудь тревоги,
Мы тебе клянемся, не свернем с дороги!»
И сдержал он клятву, клятву боевую
Сделал он счастливой всю страну родную.*

Это я его рассказывала всегда на сцене.

– *Это о ком речь-то шла?*

– Это Ленин со Сталиным.

– *И это со школы вы помните стихотворение?*

– С младших классов помню. Я даже из букварей много стихотворений помню. Вот так за что-нибудь зацепишься, уже и вылетает само собой.

«РАБОТАЛИ ВСЮ ВОЙНУ»

– *Александра Ильинична, а как жила семья, когда отца на фронт забрали?*

– Перед войной ОРС поставил пасеку километрах в тридцати от нашей деревни, в тайге. Отца пригласили поехать туда пчеловодом. А рядом от пасеки, километрах в восьми, был участок, назывался Тюбиль. Там лес заготавливали, много народу, там и столовая, и школа, и все. Ну мы и поехали. Летом отцу помогали, а зимой

на этом Тюбиле жили и учились. Так и было до самой войны. А туда свезли много, много выселенных поляков, литовцев. Всех наций, какие есть, везли и заселяли в тайгу, на эти участки. И я с польскими девочками училась. Даже по-польски песни петь умела. Да и разговаривала по-польски.

Ну, в общем так и жили, учились. А в 1941 году отца забирают на фронт. А нас пятеро. И оставлять нас в тайге на этом участке отец не хотел. Оттуда он вывез нас по пути, как его в армию забирали, в деревню поближе. Мы сняли квартиру в этой деревне и всю войну работали в колхозе.

Александра Ильинична в юности

– Кем вы работали?

– Снопы жала и вязала, и за машиной ходила, и молотила. Все что хочешь. Любую работу я знаю. Спросите меня, как что делается, я вам все расскажу.

– Вы работали в тылу, а для фронта что-то делали? Отправляли женщины что-то на фронт своим мужьям, братьям?

– Мы не отправляли лично, но к нам приходили: облигации подписывай. Мама подписывала. И все, что просили на фронт, мама тоже давала.

Потом сестру старшую забрали в ФЗО на завод. Нас осталось четверо детей – теперь я старшая. Я помогала маме растить ребятшек. Последнему, Мише, было семь лет, и он уже работал в колхозе – погонял лошадей на молотилке, копны возил или ездил, если куда надо, верхом. Так мы и работали, пока не пришел отец.

– А как и где вы узнали, что война закончилась?

– Отец писал нам письма, что война скоро кончится: «Мы придем скоро, ждите, ждите». У нас же семья, мы его ждали. И вдруг к нам приходит извещение – посылка. А за этой посылкой надо идти 30 километров в Даурск, чтобы ее получить. Ну мы и пошли, человек пять или шесть. На пути какая-то деревня, Потапово или Дорошкеево, а там выбегают, кричат: «А вы знаете, что война закончилась?!» Ну и мы, значит, обрадовались. Пришли в Даурск, я эту посылочку получила и пошла мы обратно домой, опять 30 километров. В нашей-то деревне уже все знали, что война кончилась. Кто плачет – говорит, что наших нет. А кто говорит, что живой остался. Ну вот я принесла эту посылочку. А в этой посылочке, вы думаете, что было? Сахар.

– С фронта сахар отец отправил?

– Ну а что, он не знает, что у нас такая семья? Думает: «Отправлю я ребятшкам, обрадую». Вот война и кончилась, а я этот сахар принесла.

– А как отец вернулся, помните?

– Мы на работе, прибегают ребятки и почтальон и говорят: «Идут два солдата, ваш отец и Мызников». Это с одной деревни. Ну и мы, значит, побежали их встречать. Мызникова дочка обняла нашего отца, захватила, а мы стоим и говорим: «Аня, да это наш отец, твой-то вон тот». Вот так было. Это был 1945 год, август.

– Отец раненый пришел?

– Контуженный. Пришел – я обрадовалась. Слава богу! Пришел, теперь он свою семью как хочет, а я уже сама теперь поеду куда работать или учиться дальше.

АЛЕКСАНДР И АЛЕКСАНДРА

– Александра Ильинична, а как и когда вы попали в Овсянку? Как познакомились с Александром Трофимовичем?

– Когда отец вернулся, мы уехали обратно в свою деревню. Там я работала в ОРСе. А потом, это было в 1947 году, мне отец говорит: «Съезди к крестному». Он здесь жил, в Слизневе. Я поехала и, может, недельку погостила. Ну и ходили вот сюда, на вечера, в Овсянку. Молодежи было много. Я красивой не была, но у меня были большущие волосы. Ну и вообще – новый человек приехал в деревню, Александр Трофимович-то меня и присмотрел. Ну и ухлестнул. А я уехала. И не ждала его. Я девка принципиальная была.

И вот тебе – является в нашу деревню Александр Трофимович. Он приехал с бабой Дросей, это его невестка, жена брата, которого убили на фронте.

Какая-то жалость у меня к нему проснулась. Он сильно хороший, он добрый. И жалко, раненый парень, молодой такой. Просто вот этим меня тогда убило, больше ничего. Да и вроде как совесть у меня явилась, что люди приехали.

Большая семья Бетехтиных

– То есть тогда любви еще не было, только чувство сострадания?

– Никакой любви у меня не было. Может быть, время прошло бы, так показало бы. А тогда времени было мало. Ну и вот я и пошла за него замуж. То есть он меня увез в Овсянку. Но я все равно еще делала вид, что приехала только к дядюшке: вдруг еще передумаю и не выйду. Ну, день живу, два живу. «Ну, пойдете к нам!» – говорит. Они жили семьей: его брат, Федор Трофимович, с женой и мать с отцом. А рядом в избушке бабушка Дрося со своими двумя детьми. Я вот сама сейчас думаю: «Сколько у меня было терпения, чтобы в семье такой жить». Но старики, его родители, знали наших родственников. Мать у него была хорошая – она крестьянка, труженица. А домик, в котором мы сейчас живем, отец его сам его построил.

Александра Ильинична и Александр Трофимович Бетехтины

– Это, наверное, в XIX веке еще?

– Да. Вот так я и осталась. Все жила и жила, пока жили одной большой семьей.

– А раньше свадьбы-то были, вы регистрировались? Или просто сошлись и жили?

– Ну, просто он меня и не выпустил. (Смеется). Мы вначале не регистрировались. В то время здесь ничего не было, ни поссовета, ни председателя. Прошло года два или три, надо же как-то это дело оформлять, пока девчонок-то не было (дочерей. – Прим. ред.). Потом уже, когда ребятки появились, мы раз-

делились с родителями. Ну сколь мы будем вместе жить – два брата и две невестки?

– Вы 45 лет с Александром Трофимовичем прожили. Не жалеете что так получилось?

– Нет.

Небольшое отступление. В тексте упоминается «тетя Дрося», или «бабушка Дрося» – вдова Николая Трофимовича Бетехтина, родного брата Александра Трофимовича. Вот что вспоминает о Дросиде Ивановне Бетехтиной – Людмила Александровна Медведева, дочь А.И. и А.Т. Бетехтиных:

– Дросида была из сосланных забайкальцев. Их сюда сослали перед войной, большую семью. Они и в Известковом работали – известь добывали, и на сплаве. Мой дядюшка Николай на Дросе женился. Он на войне погиб, а она осталась с двумя детьми. В последних родах ее парализовало на одну сторону, у нее не сгибались рука и нога. Она никак не могла косу заплести и сапог просила надеть. А остальное делала все делала – и в огороде тяпкой махала, и на лошади скакала, и стряпала лучше всех. Если у кого свадьба или что – ну все, Дросю идут просить. «Дросида Ивановна, Дросида Ивановна, помогите приготовить...». И она своими руками – одна плохая, другая рабочая – такого накрутит! И другим замечания делает: мол, так нельзя жарить, надо, чтоб нежное было. Такая вот культура у нее была, а ведь читать не умела.

«МОЛОДЕЖНЫЙ ПОСТРОИЛИ НА МОИХ ГЛАЗАХ»

– Вы переехали в Овсянку в 1949 году. Как вам Овсянка, понравилась?

– Мне понравилось, что там народу было много. Но я не привыкла к такой жизни, как жили в Овсянке. Здесь народ не трудолюбивый. Нигде не работал этот народ. Он жил лично для себя. Вот встают женщины: ой, поспела, наверное, земляника. Наберут криночку. «Ой, я криночку сегодня набрала». А я уже сплавала в дом отдыха и ягоду продала. Я все удивлялась: у нас если ягода, то мы едем, ее набираем, возем, и не одно ведро, не два, а и корзинами, и всяко. А эти, значит, криночку набрали и на базар.

– А охотой здесь мужчины занимались?

– Не занимались. Мужики в основном все здесь занимались рыбалкой. Вот старики пошли рыбачить на ночь. Посмотришь, уже утром сети висят, на берегу лодки стоят, а они с рыбой в дом отдыха плывут.

– А какую рыбу ловили?

– Всю, какая попадет: и линки, и хариус, и ельцы, и таймень. Был такой рыбак Алеша, он ловил одну стерлядь. Если кто захочет рыбы купить, ему говорят: «Идите к Алеше». Так его и звали – Алеша-рыбак. Они жили вдвоем со старухой, и у них всегда была насоленная стерлядь. А потом мужики стали ходить на сплав.

– Сплав-то, по-моему, уже с 1935 года был.

– Ну, сплав-то давно уже шел, да. Лес-то шел оттуда, с наших мест, а его вели сюда. Здесь его сортировку делали и везли по заводам.

– А здесь даже женщины на сплаве работали.

– Куда было идти, пошли на сплав. Пенсию надо было зарабатывать.

– И еще же Известковый поселок был на той стороне. Там же тоже кто-то работал.

– Там известковый завод был, известь жгли. Потом везли ее по городам, по деревням, куда хочешь.

– Рассказывали, что очень высококачественная известь была.

– Вся известь была отсюда. Семен Ефимович Сморгон был главой там. Потом люди стали переезжать, в ДОЗ переходили. Им тоже Сморгон руководил.

В 50-е годы стали на Мане строить школу двухэтажную. И всех детей туда перевели. А здесь оставили начальную школу. И в 1953 году мы уехали на Ману. Все же учителя – Федор Трофимович, Александр Трофимович. Квартиры нам дали. Мы там жили до 1956 года. А огород-то здесь садили, не на Мане.

Потом Федор решил построить себе дом отдельно и переехал оттуда с Маны. А потом и мы обратно переехали. Работать все равно где. Когда стала строиться ГЭС, я устроилась комендантом в ЖКО в поселок, потом заведующей камерой хранения. (Поселок Молодежный. – Прим. ред.). А поселка то еще и не было, только-только заложили один дом. А потом стали строить. Неделя не пройдет – дом, неделя не пройдет – второй и третий. И так их построили больше двенадцати домов. Я там 19 лет проработала. При мне построили весь поселок и весь его заселили Одни едут, другие убегают.

– Какие это были годы?

– Начиная с 1962-го. Я работала до 1984 года. Потом уже ушла на пенсию.

– Александра Ильинична, я знаю, что вы еще и депутатом поссовета были.

– Я была депутатом поссовета и членом исполкома, и народным заседателем.

И в завкоме в ДОЗе была. Куда меня только не толкали!

– А в школе вы разве не работали?

– Я работала в школе библиотекарем, когда приехала в 1949 году, пока не перевели школу на Ману.

– А в Овсянке ведь была не только средняя школа, но и интернат. В интернате жили дети, которые из других деревень приезжали?

– Да. Которые дома кулацкие раньше были, это все были интернаты.

– Дети приезжали на неделю сюда?

– И на неделю, и дольше. Если, например, распустье какое, они живут долго.

Им родители сюда возили продукты. А так школа всем обеспечивалась – и постели, и матрацы, и одеяла, все за счет государства.

А.Т. Бетехтин с учениками

– А кого-то из овсянских учителей вы помните?

– Журавлевы были, и Нина Семеновна из Красноярска, красивая литератор была; и Лизавета Петровна; и Вера Давыдовна. Осталась еще в памяти Валентина Федоровна Бетехтина.

– Она ваша родственница?

– Нет, они не родственники, ну, может быть, их деды. Но они не роднились. Она приехала сюда девчонкой, здесь вышла замуж. Она только тут и осталась. Остальные-то учителя кто уехал, кто ушел, здесь уже все новые, старых нет. Там учителя все были пожилые, все видные. Такие красивые, здоровые, сильные, можно даже сказать. Как сейчас помню. Сейчас таких учителей уже нет.

Ф.Т. Бетехтин среди учеников овсянской школы. 1940 год

Небольшое отступление. В тексте упоминается Федор Трофимович Бетехтин – брат Александра Трофимовича. Вот что рассказывает о нем Галина Александровна Бетехтина, дочь А.И. и А.Т. Бетехтиных:

– Мой дядя, Бетехтин Федор Трофимович, был инвалидом. Лет в 17 у него был полиомиелит, нога была хромая, передвигался только с палкой или на костылях. Потому на фронт и не попал. Он отличный физик, очень грамотный, и был здесь, а затем в Усть-Мане директором школы. Жена дяди Феда – математик, и тоже всю жизнь была со школой связана. После Усть-Маны они снова жили в Овсянке, потом продали дом и переехали в Красноярск, Федор Трофимович там работал директором детского дома инвалидов, оттуда и на пенсию ушел. Думаю, его все-таки всегда тянуло домой, в Овсянку. Мне кажется, он жалел, что переехал.

«Я И ЗДЕСЬ ПРИВЫКЛА»

– Сколько лет вы уже прожили в Овсянке?

– Шестьдесят.

– И до сих пор еще про Усть-Дербино говорите «у нас», «свое», а здесь, значит, «не свое»?

– Я все думаю: как же там все затопило? Где были кустики, березки, где я ходила, где была... Я все как сейчас вижу. А здесь я тоже уже все знаю. Пойду в лес в соснячок – глядишь, рыжиков нарву. Где Молодежный, бруснику брала. Я полюбила это все, я и здесь нашла работу, и здесь привыкла.

– Александра Ильинична, а то, что здесь появляются большие красивые дома, как вы эти изменения принимаете?

– Я не одобряю это. Со временем здесь овсянских не останется. Будет какой-нибудь кулацкий поселок, и больше ничего.

– Как говорят, «спальный район Красноярска».

– Раньше нас был порядок, мы следили. А сейчас смотрите – везде бутылки, бумага, все валяется. И никому не скажи, все хозяева: «Что ты указываешь, я здесь такой же, как и ты». А в наши годы даже дрова на улице не складывали. Пойдешь – нигде дров, везде чистота, порядок, и народ понимал. И у меня была такая манера, что если что не так, обязательно надо убрать. А теперь я тоже махнула рукой – да пусть они как хотят.

– А в остальном сильно ли изменилась Овсянка за те годы, что вы ее помните?

– До 1962 года в Овсянке была только одна улица Набережная. А как начала строиться ГЭС, и все вдруг стали строиться. Лес получилась вроде за счет ГЭС. Так была построена вся улица Щетинкина. И всего этого народа тогда не было, он весь приезжий, овсянских оставалось уже чуть-чуть.

– Интересно, что местные считают: если ты здесь родился, то ты овсянковский. А если сюда приехал, хоть сколько здесь живи, хоть 70 лет, хоть всю жизнь – нет, ты все равно не наш.

– Мы вот уже считали, что я 60 лет здесь живу, что замужем за овсянским – тут уж никак, теперь и я местная. Вот был вечер Астафьева, никого лишних не пригласили, а меня пригласили.

**Александра Ильинична.
1960-е годы**

«У БАБУШКИ В ОВСЯНКЕ Я ОТДЫХАЛА ДУШОЙ». АЛЕКСАНДРА ОВДИНА

Александра Овдина – журналист, родилась в Красноярске, сейчас живет в Москве, но каждый год обязательно приезжает в Овсянку – как в детстве, когда каждые каникулы она обязательно проводила у бабушки.

«ВСЯ СЕМЬЯ – ЗА РАБОТОЙ»

– Когда я в детстве и юности приезжала в Овсянку к бабушке и дедушке, это была моя отдушина, – *рассказывает Александра Овдина.* – Я городской ребенок, у которого совершенно не было времени на прогулки и отдых. Училась в гимназии, в литературном лицее, в музыкальной школе, ходила на танцы. А вся моя настоящая жизнь начиналась здесь. Вот сейчас мама в командировке, а я занимаюсь нашим овсянским огородом одна – и какое же это наслаждение! И в то же время я думаю: а как же бабушка успевала одна всё делать? Большой огород, корова, свиньи, куры. А кроме хозяйства ведь и работа. А еще и с внуками позанимайся, и борща навари, и заготовок накрути, и пирогов тазик напеки (меньше она не делала) – пекла она, помню, и с картошкой, и с капустой, и треугольнички с вареньем – смородиновым в основном... Когда всё это можно успеть? Но бабушка у меня человек огромного долга, ответственности, большая труженица. Всегда у нее всё было, всё она успевала и всегда находила возможность помочь и родным, и знакомым.

Александра Ильинична Бетехтина с внучкой Александрой Овдиной.

Маленькая Саша с бабушкой и дедушкой

Александра вспоминает бабушкины рассказы о детстве. У ее родителей, Ильи Ивановича и Анны Васильевны Щукиных, было пятеро детей. Александра Ильинична – вторая по возрасту. Но настало время, когда осталась она среди детей за старшую. Видимо, отсюда и трудолюбие, и ответственность.

– В войну она была еще, по сути, ребенком, но пришлось быстро повзрослеть. Вот сейчас

Саша в Овсянке

мы огородом занимаемся, вспоминаем бабушку – почему нельзя было посадить меньше? Да потому, что нельзя. Так уж было заведено. Нужно постараться всего и побольше вырастить и приготовить. У нас всё время дома были немереные запасы сухарей, круп, консерваций собственного приготовления. И овощей сажали столько, чтобы всем хватило, чтобы всех можно было накормить, и своих, и просто знакомых, – *рассуждает Саша.* – И мне в Москву, когда я в аспирантуре училась, бабушка отправляла и свой знаменитый рыбный пирог, и сушеную малину, и подорожник от кашля, и мед, и даже местную овсянскую картошку!

Ну и конечно, свою молодежь Александра Ильинична личным примером приучала к труду.

– Бабушка любила лето. Ей очень нравилось время покоса. Собрать всю семью и повести на покос – видимо, для нее это было чем-то вроде ритуала, – *рассказывает Саша.* – При всем том бабушка, бывало, говорила мне: «Как тебе трудно-то приходится. Вот у нас были колхозы, все понятно и просто. А у тебя?». И я постоянно от нее слышала: «Что ты сидишь просто так? Надо же делать что-то!» Вот приедем с мамой на выходные в Овсянку, нам бы отдохнуть, но как тут поспать лишний часок, если бабушка уже ни свет ни заря работает!

Саша вспоминает: видела, что вся семья постоянно за работой – вот и в ней однажды проснулась кипучая деятельность.

– Я решила всех опередить. Я знала, что по Фокиной речке бабушка всегда ходила с коровой. И решила, что сегодня сама пораньше ее приведу. Почистила стайку, наносила воды, сена, по-тихому взяла веревку и пошла встречать корову. Встретить-то ее встретила, гоню ее домой, но бабушка-то потеряла и меня, и корову, и в итоге гнали уже только меня...

ПРАДЕДОВО НАСЛЕДСТВО

– Нашему дому в Овсянке на Набережной, 79, наверное, 120 лет. Его еще прадед Трофим строил. Дом был разделен на двух хозяев: половина – Александра Трофимовича, моего деда, а вторая – его брата Николая Трофимовича, погибшего на войне, – *рассказывает Александра Овдина.* – Я так люблю этот дом! Вот спрашивают нас: почему вы заново не строитесь? Но это совсем другая история. Этот дом – по сути, музей нашей семьи. Можно представить, как здесь жили люди, отслеживать по деталям – что и когда было. Здесь, например, есть крючок, на котором висела мамина люлька. Рядом – подпол. Бабушка полезет туда за картошкой, скажет ей, чтобы не крутилась, поаккуратнее была, но... «Только отвернусь – а она уже там», – говорила бабушка. И еще я недавно узнала, что на месте, где сейчас стоит наш дом, когда-то находился первый постоялый двор в Овсянке. Мы до сих пор находим в огороде подковы, гвозди от них. Казалось бы, на сколько раз тут все перепахано – и все же таким «историческим находкам» нет конца.

Родители А.Т. Бетехтина – Пелагея Александровна (урожденная Фокина) и Трофим Сысоевич. 1954 год

Про этот дом Александра Ильинична Бетехтина, бабушка Саши, говорила, что отец мужа, Трофим Сысоевич, «на плечах его носил». И ведь это не преувеличение. Вот что рассказала нам Галина Александровна Бетехтина, мама Александры Овдиной:

– Дед Трофим был не из казаков, а, наверное, потомок пашенных крестьян. В каком-то недалеком поколении он пришлый, но откуда-то не издалека пришлый. Знаю, что наш дом, один из самых старых в Овсянке, был построен в другой деревне. Когда семья моего деда перебиралась сюда, дом на прежнем месте просто разобрали и сплывили по реке. А здесь выловили – вот он и таскал его на себе, от реки к будущему двору, потом заново сложил. Тут же у них были какие-то наделы, уголья.

Оказывается, овсянское кладбище, которое за поселком Молодежным, расположено на полосе, где была пашня нашего деда Трофима. А рядом полоса дяди Саши Фокина, они двоюродные братья по бабушкиной линии. Были и другие пересечения с Фокиными, кто-то на ком-то женился, замуж выходил... Но Фокины-то в Овсянке все разные. Однофамильцев много, а уж кто кому кем приходится – пойдя разберись. **Бетехтины, кстати, тоже не мы одни, еще на другой стороне деревни есть, но мы даже особо не знаем, кто они нам – родственники или однофамильцы.** Все это надо искать в метрических книгах – но церкви после революции в селе уже не было...

Из четверых сыновей Трофима Сысоевича и Пелагеи Александровны Бетехтиных на фронт не попал только Федор – из-за инвалидности. Алексей и Николай с войны не вернулись. Александр Трофимович был тяжело ранен.

– День Победы для нас семейный, святой праздник. Воевали и мой прадед по бабушкиной линии, и дед, и его братья, – *говорит Александра Овдина.* – До того как я уехала в Москву в 2011 году, мы с бабушкой обязательно встречали День Победы вместе. Смотрели парад, бабушка плакала, рассказывала, как в 45-м году встречали близких. Я знаю, что мой прадед вернулся контуженным. А дед, Александр Трофимович, был тяжело ранен снайпером. И если бы не дядя Вася Фокин (тоже овсянец, они служили вместе), который вынес его с поля боя, дед бы не выжил.

После войны Александр Трофимович окончил педучилище и работал учителем в начальных классах в Овсянке, потом какое-то время в школе в Усть-Мане. Его брат Федор Трофимович был директором школы.

Семья Бетехтиных

Как мы помним из предыдущей главы, сразу после переезда на новое место впечатления от Овсянки у Александры Ильиничны оказались неоднозначными. Но она быстро перестала быть «новенькой», «приезжей» для местных. В Овсянке она прожила 68 лет и оказалась свидетельницей многих перемен, происходивших в селе. В Овсянке открылся ДОЗ – многие пошли работать туда. Росло и само село.

Хотя в те годы Овсянка менялась стремительно, но все же иначе, чем это происходит сейчас.

– Овсянка превращается в коттеджный поселок. Меня смущает, что люди стали свои территории «захватывать», огораживать, а ведь в таком случае уходят воздух, масштаб, – говорит Александр Овдина. – Раньше на берегу напротив нашего дома росли очень красивые и большие березы. А поскольку у моей мамы и у деда дни рождения рядом, в июне, праздновали их под этими березками. Там тогда так просторно было, такая тень...

Помню, что мы к этим березкам и тарзанку привязывали – над Енисеем летать. И играли там же. И места всем на всё хватало. Сейчас этого уже нет, уходит самобытность. А так хочется сохранить свое, настоящее.

А.И. Бетехтина и Саша Овдина в Овсянке

«ХОРОШО, КОГДА У ДЕТЕЙ ЕСТЬ ЧУВСТВО РОДИНЫ». ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА БЕТЕХТИНА

Галина Александровна Бетехтина живет в Красноярске. После окончания школы в Овсянке она поступила в красноярский политехнический институт, затем окончила аспирантуру в Москве. Г.А. Бетехтина – кандидат технических наук, много лет работала в красноярских вузах.

Галина Александровна часто бывает в Овсянке, считает ее своей родиной и не представляет жизни без родного села.

«ТАКИХ УЧИТЕЛЕЙ СЕЙЧАС УЖЕ НЕ БЫВАЕТ...»

В нашей семье многие работали в школе. Дядя Федя (Федор Трофимович Бетехтин. – Прим. ред.), по образованию физик, был директором. Его жена вела математику. Мой отец, вернувшись с войны, окончил педучилище, вел уроки в младших классах. Кстати, не так давно со старшей дочерью дяди Феди, Зинаидой, мы вспоминали те годы, улыбались над отцом. Спрашиваю ее: «А как, интересно, он у вас пение-то вел? Какие песни пели?» – «Вот кто-то с горочки спустился...». И это в начальных классах! Наши Бетехтины начинали работать в овсянской школе, а потом, в первой половине 1950-х, открыли среднюю школу в Усть-Мане, дядя Федя стал там директором, и мы туда же переехали.

Александр Трофимович и Александра Ильинична Бетехтины с дочерью Галей

Учителя и ученики овсянской школы. В центре – Ф.Т. Бетехтин. 1948 год

Мы жили рядом со школой, а вот многим детям да и некоторым учителям приходилось долго до нее добираться. Труднее всего было тем, кто жил на другом берегу Енисея. Зимой его можно было перейти (в те годы Енисей еще замерзал), летом на лодке переплыть, а вот в междупутье – никак. Поэтому и дети, и учителя квартиры снимали у кого-то в деревне, жили там целую неделю, а то и дольше. А народу с того берега было много. Мне кажется, вплоть до поселка Удачного к нам приходили учиться – это если в сторону Красноярска. А если в обратную сторону – еще примерно на такое же расстояние. Но тогда это было в порядке вещей. Наши бабушки носили молоко и сметану на продажу в Красноярск каждый день. А это ведь больше 20 км. Дороги до Овсянки тогда еще не было, и если они не по воде добирались, то, значит, шли пешком по берегу...

**Сотрудники овсянской школы
(1951-52 годы,
справа налево):
Д.М. Загадская,
И.С. Забелин
с сыном Валерием,
Т.Ф. Потылицына
(технический работник),
К.В. Ерофеева,
А.И. Лукиных**

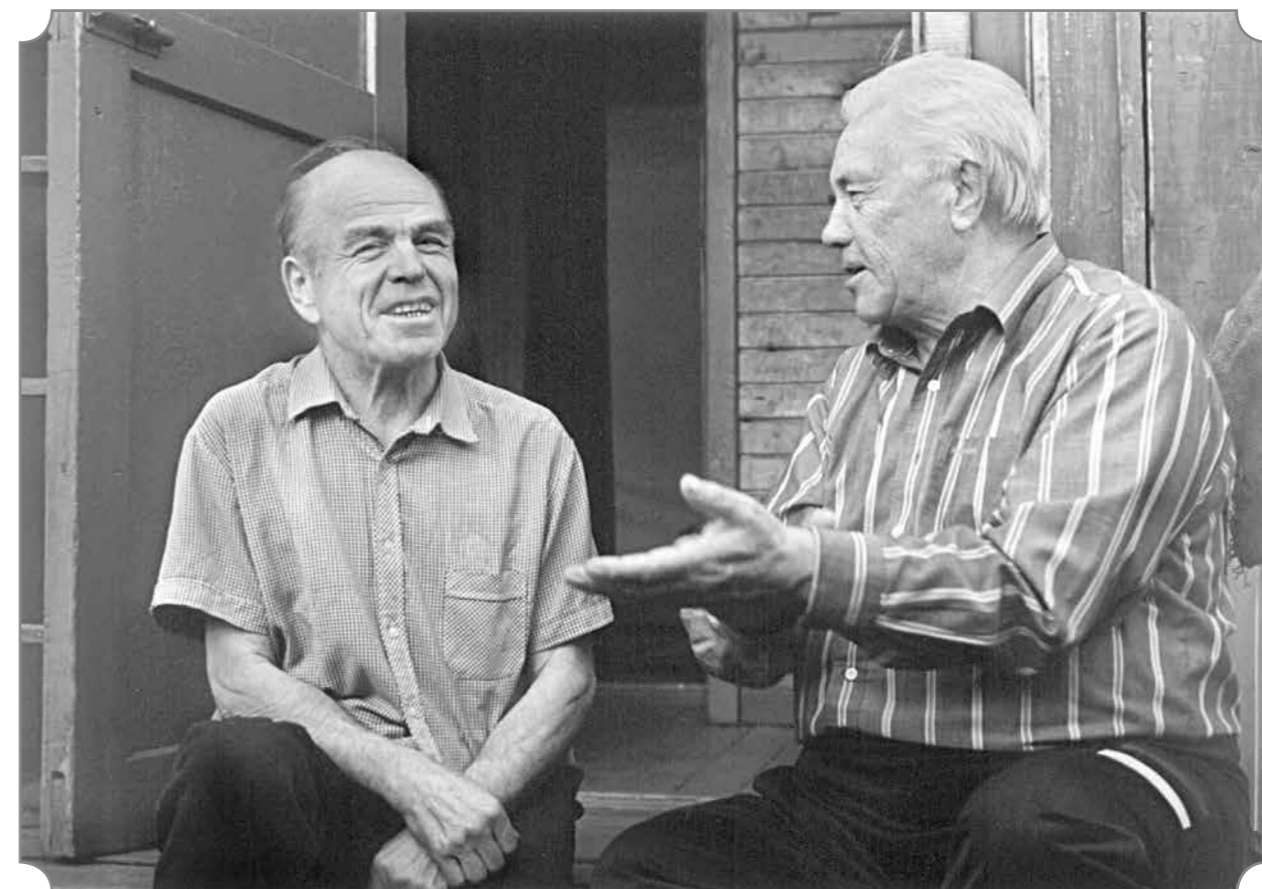
Через несколько лет мы вернулись из Усть-Маны в Овсянку, и первые 4 класса я училась уже здесь. Старая школа была начальная, она располагалась на улице Набережной, за мостом, где сейчас дачи. А через 4 года уже открыли новую среднюю школу, на горе (в поселке Молодежном. – Прим. ред.), ее я и закончила.

Учителя у нас были очень хорошие. Какое-то время в начальных классах я училась вместе со своей двоюродной сестрой Татьяной у отца, но потом, до окончания начальной школы, нас учила Валентина Федоровна Бетехтина. И нас в классе было уже три Бетехтиных, третья – Екатерина, дочь Валентины Федоровны. Математику у нас вела Чеховская Надежда Никифоровна. Помню прекрасного историка Маргариту Степановну Никифорову, ее назначили директором новой школы, но позже ее сменил супруг, Федор Никифорович Никифоров, а она осталась преподавателем. Некоторых это задевало: как так, директор школы – бывший председатель колхоза. Но он организатор был отличный, таких после него уже не было.

В новой школе до переезда в Красноярск преподавала математику жена дяди Феди – Нина Федоровна Бетехтина. Отец в новой школе работал недолго. Несколько лет спустя он из школы ушел и работал ревизором на электричке – у него было лицевое ранение, ему тяжело было говорить.

Учителей было много молодых и очень грамотных, сюда они попали по распределению. Сейчас редко таких найдешь. Физика, география, биология у нас шли на ура. Физику у нас преподавал замечательный учитель Владимир Алексеевич Малахов. Он окончил Абаканский педагогический институт, еще на втором кур-

Ф.Н. Никифоров и В.П. Астафьев на крыльце дома Никифоровых

се его приглашали продолжить обучение в МГУ, но у его семьи не было для этого материальных возможностей. Благодаря Владимиру Алексеевичу у меня сложилось особое отношение и любовь к физике и точным наукам. Его жена Александра Григорьевна преподавала математику.

В школе я полюбила и английский язык, его преподавала Улейская Надежда Николаевна. Кроме уроков она вела кружок, дарила нам книги на английском языке. У меня до сих пор хранится «Джейн Эйр».

Одной из любимых учительниц была наша классная руководительница, географ-биолог Ирина Анатольевна Невзорова. Она не только прекрасно уроки вела, но и возила нас в театры, водила в походы и даже с горы с нами каталась, когда мы возвращались из школы. С нами она отработала с 5 по 10 класс, нас выпустила и уехала. Сама она была из Воронежа, но ее мать к тому времени перебралась в Москву, Ирина Анатольевна поехала к ней. Она говорила: «В школе я не смогу больше работать, таких детей у меня уже не будет». В Москве она устроилась в издательство «Мысль», вышла замуж, у нее родился сын. Каждый год я ее поздравляла с днем рождения, с Днем учителя. Если была возможность, то и виделись. А лет пять назад звоню ей – телефон не отвечает. Разыскала номер ее сына, он рассказал, что Ирина Анатольевна умерла – ей было уже 75. Умерла недавно и ее подруга и коллега по овсянской школе Надежда Сергеевна Бондарева.

В Овсянке главным центром культуры и творчества был клуб, и там учителя тоже были заводилами. Помню, мы и танцы какие-то исполняли – я вместо мальчишка в украинских шароварах танцевала, потому что у мальчишек плохо получалось, и пели. А еще учителя ставили в клубе настоящие спектакли и сами в них играли. Вспоминаю, у Валентины Федоровны Бетехтиной был ревнивый муж, а они по спектаклю должны были с моим отцом поцеловаться. А мужа, как и моего отца, тоже звали Александр Бетехтин. Помню, все смеялись: смотри, Валентина, не запутайся, кто есть кто.

И еще такое у меня осталось воспоминание. Время тогда было тяжелое, многие люди жили бедно, на излишества ни денег, ни сил не хватало. И мы с отцом ходили в такие семьи диафильмы показывать – и на Усть-Мане, и в Овсянке. Я сижу проектор кручу, а он читает и рассказывает. Вот такая просветительская работа.

Вообще Овсянка никогда не была глухоманью. Все-таки близость города давала о себе знать. Учителя старались свозить детей на спектакли, концерты. А в старшей школе это вообще было в порядке вещей. Спасибо им, всегда вспоминаю наших учителей добрым словом!

**Александр Трофимович и его з «Б» класс.
1965-66 учебный год**

КЛАДЫ, КАТАКОМБЫ И «СОВЕРШЕННО НЕПРИЛИЧНАЯ ИГРА»

Воспоминания о детстве у меня – только самые хорошие.

Все свое свободное время мы, дети, проводили на берегу Енисея. В то время на Енисее весной еще был ледоход, и выворачивало такие булыжники, здоровенные каменюги, что уму непостижимо, откуда они брались и куда сейчас делись. У каждой из нас был «свой» камень, летом мы туда усаживались и ели бутерброды, принесенные в дамских сумочках-ридикюльчиках – у всех девчонок такие были. Бутерброды – не с маслом, а с маргарином и сахаром. Ну или просто пучок морковки – прополощем их в воде и сидим каждая на своем камне, беседуем.

Зимой мы в сугробах делали катакомбы-лабиринты в свой рост. Для игр, конечно. Играли на улице в любую погоду, и в школу в любые холода ходили, хотя я помню морозы и до 42 градусов. Но влажности такой, как сейчас, не было, поэтому холод переносили легче.

Игры у нас были разные. Нас в нашей компании было трое: я, соседка Нина Шахматова и моя двоюродная сестра Татьяна, дочь дяди Феди. А со старшим братом Нины дружила вся мелочь, в том числе моя родная сестра Люся. И они были вроде как против нас. Мы и в войну играли, и в лапту, и в казаков-разбойников. И клады делали и искали. Тут самое интересное было придумать шифрованные записки, по которым клад надо было разыскать. Чаще всего это делала я, остальным было лень. Кладом могло быть что угодно – например, конфеты. Как-то конфет не нашлось, и мы у тети

**Галина Александровна
в детстве**

**Галина Бетехтина (слева) с родителями
и сестрой Люсей**

Шуры Шахматовой, Нининой мамы, достали из кадушек соленые огурцы. Закопали их, написали шифрованные письма, а потом искали...

И еще у нас была совершенно неприличная игра. **Если в Овсянке кого-то хоронили, то и у нас были поминки, а хоронили мы куклу моей сестры.** Устраивали стол, тарелками были крышки от банок, мы туда раскладывали конфеты... Сестру утешали: ты не плачь, мы сейчас твою куклу откапываем...

Рыбачили, конечно. В том числе на Фокином ручье. Это сейчас его почти нет, совсем заилился. А тогда там вода прилично прибывала весной-летом. А зимой на ручье стоял двухметровый лед, но и его вода пробивала. Помню, Нина Шахматова туда упала – ее чуть в Енисей не снесло, еле успели вытащить. В общем, ручей был сильный. Рыбок мы там однажды наловили мелких и решили заняться бизнесом – делать из них шпроты. Но задумались: как мы их в банки складывать будем, они же шевелятся? Нина взяла камень, стала их глушить, но в итоге пришлось отдать этих рыбок кошкам. Не пошел у нас тот бизнес.

Но, конечно, рыбачили и всерьез. Я крупную рыбу не помню, а мама моя рассказывала, что, когда только вышла замуж, были в Енисее таймени длиной в человеческий рост. Я на рыбалку ходила, но червей боялась наживлять. Приходила каждый раз домой, чтобы отец мне наживил. Из-за этого вот какой случай произошел однажды. Отец насадил мне червя на удочку, я ее поставила во дворе, отошла пообедать. А мимо удочки проходила курица, клюнула червя – и попала на крючок.. Уже позже мы узнали, что куры выживают даже с разорванным горлом. Но тогда мама решила, что остается ее только зарубить на суп. Помню, заходит к нам дядя Саша Шахматов и говорит: «Ну что у вас тут, уха из петуха?» Прямо в точку попал!

*А.Т. Трофимов и А.А. Шахматов.
1947 год*

Кстати говоря, мой отец, хотя и на фронте был, не мог ни курицу зарубить, ни скотину зарезать. Это все у нас делала невестка тетя Дрося. Она родом из Забайкалья, там умеют со скотом обращаться, бычков колоть. А резать поросенка дядю Сашу Шахматова звали. Отец никогда этим не занимался. И хотя всю жизнь жил на реке и рыбачил, но плавать не умел. Когда в Овсянке работала сплавконттора, там были лодки, катера, спасательные жилеты – и он рыбачил только в жилете, но воды не боялся.

Вообще, у него мягкий характер, и главой семьи была мама. Но зато он был легким на подъем, и в этом плане мы с Сашей скорее на него похожи – маму редко можно было уговорить куда-то выбраться. А отец – о, путевка горит! – сегодня чемодан собрал, а завтра улетел.

Помню такой случай. Овсянских коров массово прививали от ящура, а какие-то бандюки решили в них пострелять и ранили как раз нашу корову. Резать ее из-за прививки нельзя, мясо зараженное. Мы с мамой эту бедную корову лечили-лечили, уколы ей ставили. А отец в это время был на курорте.

*Галина Александровна
с мамой Александрой Ильиничной*

А вообще отцу было многое дано от природы. Например, он, хотя этому и не учился, по наитию мог починить любую технику. Он и музыкант-самоучка – прекрасно играл на баяне.

Особенно много музыки было в июне: там и Троица, и мой день рождения 19 числа, и его – 22-го. В это время все родственники, друзья обязательно собирались в Овсянке. Праздновали на берегу: народу много, музыка, веселье, песни под баян...

ВОЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ БЕТЕХТИНЫХ

У Трофима Сысоевича и Пелагеи Александровны Бетехтиных было четверо сыновей: Алексей, Николай, Федор и Александр. На фронте не был только Федор: он остался инвалидом из-за тяжелого заболевания, перенесенного в подростковом возрасте. Алексей и Николай с фронта не вернулись. Александр пришел с тяжелым ранением.

Вот как рассказывает об их судьбе Галина Александровна Бетехтина, дочь Александра Трофимовича:

— Отца призвали в 17 лет. Вначале он попал не на фронт, а в школу сержантов в Новосибирске. В 45-м был тяжело ранен. На него бабушке приходила похоронка, но он вернулся. Про его брата Николая известно, что он погиб, найдено было и место, где он похоронен. А о старшем, Алексее, ничего неизвестно до сих пор. Связь с ним прервалась в 1944 году.

Алексей Трофимович
Бетехтин

Николай Трофимович
Бетехтин
(1912-1945)

Александр Трофимович
Бетехтин
в ноябре 1943 года

Об Александре Трофимовиче Бетехтине по понятным причинам сведений сохранилось больше всего. В документах из фондов Астафьевской библиотеки читаем о нем следующее:

«Родился 22 июня 1926 года в с. Овсянка, Березовского района в крестьянской семье Бетехтина Трофима Сысоевича и Бетехтиной (Фокиной) Пелагеи Александровны. Русский.

Призван в армию 15 окт. 1943 г. Советским РВК, г. Красноярск.

Служба: зв. сержант, командир стрел. отделения. Служил в 10-й гв. мех. бригаде с 1943 г. по март 1945 г.

Участвовал в Великой Отечественной войне с 1944 по 1945 г.

Боевые награды: орден «Отечественной войны»; медаль «За Победу над Германией», юбилейными медалями.

Боевые ранения. Тяжелое ранение в лицо 12 марта 1945 г.

Уволен в запас 17 июля 1945 г. по болезни.

Послевоенный период: после войны вернулся в родное село. С 1951 г. по 1964 г. работал учителем начальных классов школы №7 пос. Овсянка. Проживал в с. Овсянка, на ул. Набережная.

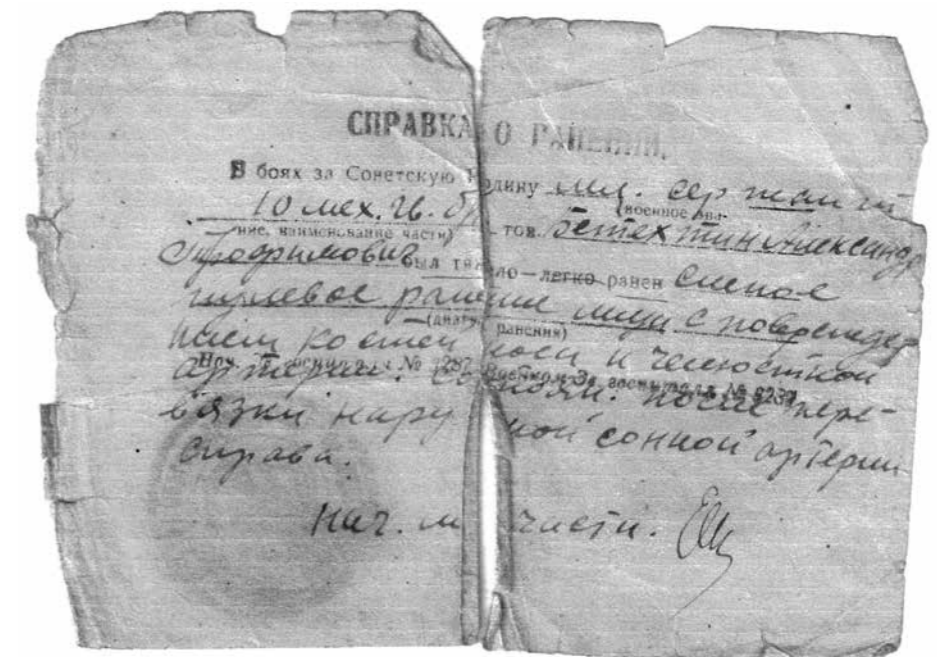
Умер 16 мая 1994 г., похоронен на кладбище п. Молодежный»

В фондах Астафьевской библиотеки хранятся и другие документы А.Т. Бетехтина.

Удостоверение
о награждении
медалью
«За победу
над Германией»
(1946)

Справка
о ранении
(1945)

Зачислен в 1944
научен
22.06.44

НА № 2589334

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ
НА № 2589334

Фамилия Бетехтин
Имя Александр
Отчество Трофимович
Число, месяц и год рождения 22 июня 1926
Личная подпись владельца Бетехтин Александр
Выдан Красноярский военный комиссариат
Красноярской области (республики)
1965 г.

1. Место рождения Красноярский кр.
Дивногогорский р-н
с. Обвинка 21
2. Национальность русский
3. Партийность (с какого года) чл. КПСС с 1951 года
4. Состоит ли в ВЛКСМ (с какого года) не состо.
5. Образование педагогическое
учище в 1951 году
г. Красноярск
6. Основная гражданская специальность учитель
7. Семейное положение жена Бетехтина
Александра Ильичича

II. Отношение к военной службе

8. Призывной комиссией при Советском
районном военном комиссариате
Красноярской области (республики) признан
сиротой
(указать статью закона о военной службе)
призыв на действительную военную службу и направлен
идти 16 октября 45 года.
М. П. Военный комиссар Бетехтин
(звание, подпись)
19 45 года.

9. Военный комиссариат
военного комиссариата
области зачислен в запас.
М. П. Военный комиссар
(звание, подпись)
19 45 года.

10. 19 года призван в Вооруженные Силы
военного комиссариата
области (республики)
М. П. Военный комиссар
(звание, подпись)

12. 17 июня 1945 г. на основании
по болезни уволен (демобилизован) в запас и направлен
к месту жительства в отпуск
на 45 дней.
М. П. Военный комиссар
(звание, подпись)
19 45 г.

13. 19 г. на основании
уволен (демобилизован) из Вооруженных Сил военной
части с места
и направлен в отпуск
на 45 дней.
М. П. Командир части
(звание, подпись)
19 45 г.

14. 19 г. на основании
уволен (демобилизован) из Вооруженных Сил военной
части с места
назначения обязан прибыть и встать на воин-
ский учет в отпуск
на 45 дней.
М. П. Командир части
(звание, подпись)
19 45 г.

НА № 2589334

Наименование воинской части	Должность и воинское звание по зачету	Дата зачисления в часть и № приказа	Дата исключения из части и № приказа

18. Участие в боях, боевых походах, партизанских отрядах и истребительных батальонах (где участвовал, в какое время, в составе какой части и в какой должности): В Великой Отечественной войне с 1944 по 1945 г.

15. Прохождение действительной военной службы

Наименование воинской части	Должность и воинское звание по зачету	Дата зачисления в часть и № приказа	Дата исключения из части и № приказа
<u>10 гв. мех бригада</u>	<u>командир сиротской бригады</u>	<u>август 1943</u>	<u>март 1945</u>
<u>Эвакогос- питель г. Саратов</u>	<u>врач интерната</u>	<u>апрель 1945</u>	<u>июль 1945</u>

Военный билет
Бетехтина
Александра
Трофимовича

Еще два удивительных документа из наших фондов.
Это сочинения об Александре Трофимовиче его внуков

Медведева Виктория
и Александра

Сочинение.
Как наш дедушка
был на войне.
А Бетехтин
Александр
Трофимович.
1926-1994

Как дедушка получил первое ранение.
Это было осенью 1943 года. Дедушке было 18 лет. Они сидели и грелись у костра. Все любимо пошутить. Дедушка решил тоже пошутить. Он взял консервную банку и ножом вырезал поты. "Дедушка" их одел и сказал, что он генерал. А там далеко сидел на дереве снайпер. А так как дедушка был самым заметным, потому что парочка блестящих снайпер выстрелил. Он попал дедушке в правую руку. Дедушка ушел. Потом его вылечили.

Как дедушка получил второе ранение?
Дедушка был командиром отделения. Они шли к границе пере Германию. Когда они подошли к мосту, они не знали, что там сидели иждивенцы. Они начали стрелять. Потом пуля прошила по спине по отделению. Дедушке пуля попала в переносицу. Потом прошила через рот. Ему раздробило язык. Потом пуля прошила в шею. Из отделения был дедушкин друг дед Вась. Дедушка ушел к его потам. Дед Вась вудил фляжку, а в ней был спирт. Фляжку отпустил дедушке горло, так как кровь лилась во всех стороны. Кровь свернулась и не текла. Потом его доставили в госпиталь. Но боини он не встал, так как он потерял много крови. Это было около 75 км от Берлина. Дед Вась спал нашего дедушку. Дедушка был награжден 11 медалями и 2 орденами.

БРОДНИКОВА АЛЕВТИНА АНДРЕЕВНА

Алевтина Андреевна Бродникова родилась в 1952 году, а в Овсянку приехала в 1975-м. Можно сказать, почти случайно, однако с тех пор так и живет в нашем селе.

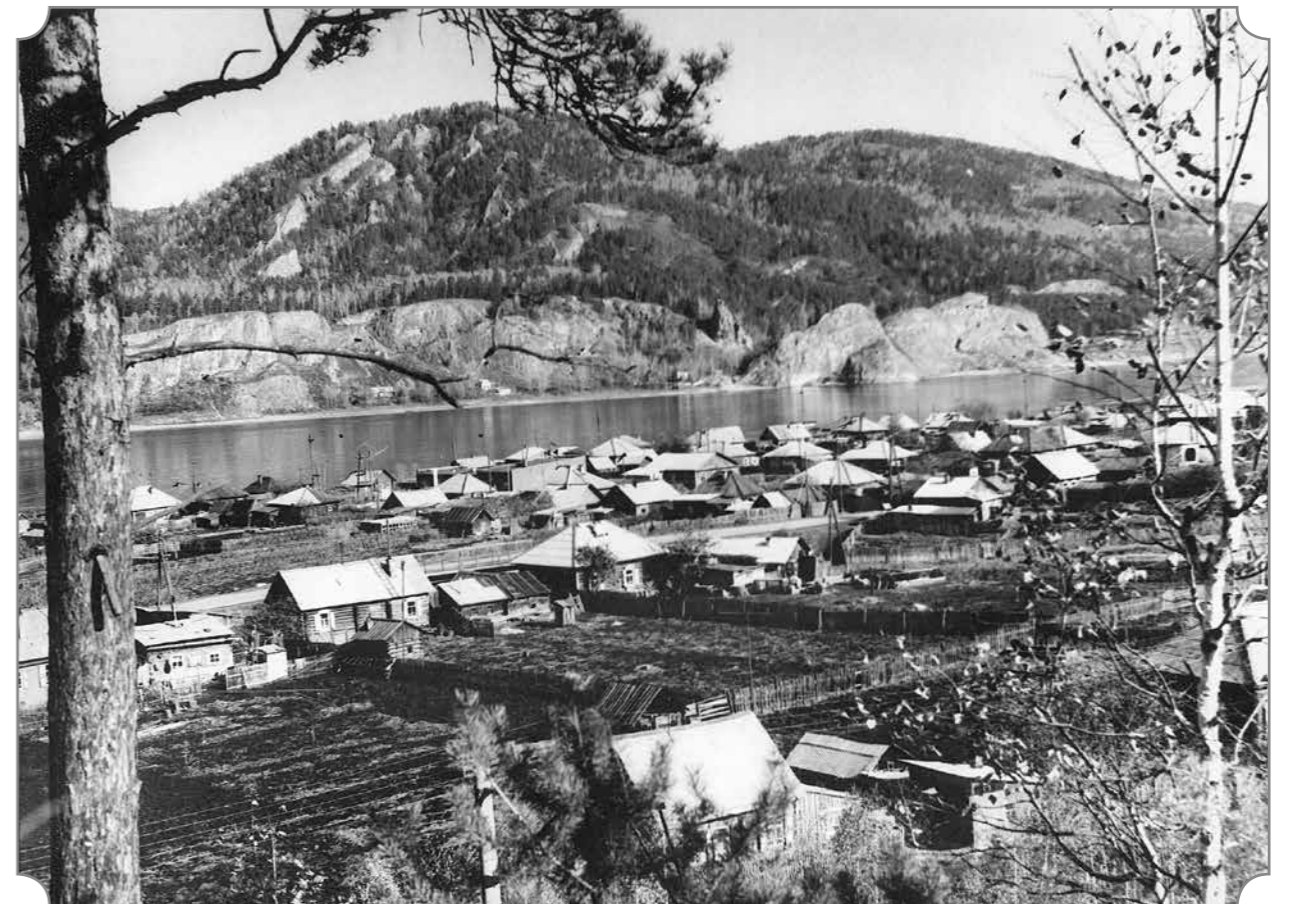
А.А. Бродникова – одна из первых сотрудниц овсянской библиотеки, созданной в 1975 году.

Ее рассказ о том, какой была Овсянка в 1960-е – 1980-е годы был записан сотрудниками Астафьевской библиотеки осенью 2021 года.

«ВСЁ БЫЛО КАК-ТО ПО-ДОМАШНЕМУ...» ВОСПОМИНАНИЯ АЛЕВТИНЫ АНДРЕЕВНЫ БРОДНИКОВОЙ

– После окончания культпросветучилища по специальности «библиотекарь» меня по распределению направили на север Тюменской области. Работать там было интересно и необычно для молодой девчонки, но по прошествии трех лет захоте-

Овсянка, 1950-е годы

Я Сошленин. Как мой дедушка воевал на фронте.
1) Повестька на фронт. 2) В сержантской школе. 3) На фронте. 4) Ранения. 5) На Ломисью друга. 6) Возвращение на родину.

1) Когда мой дедушка пошел на фронт, ему было семнадцать лет. Он учился в девятом классе. Директор школы прислал повесть на фронт, прямо в класс. И зачитал, что батянин Александр направили на фронт. Мой дед очень обрадовался. 2) Вначале дед пошел в сержантскую школу, учился в ней два месяца, ему при своем звание сержанта. 3) Затем фронт, дед и другие молодые ребята попали в страшную войну. Работать всегда боялись сибиряков. Сибиряки были смелые и стойкие. Мой дед был назначен командиром отделения в танковом десанте. Дед был самым младшим в

его отделении среди бойцов. Трудно приходилось солдатам, когда шла наступление, и отделение не вышло в танка по несколько часов. Не бояли по отделению дошли до Берлина, а мой дед был ранен дважды. Один раз легко в руку, а второй раз он получил очень тяжелое ранение в голову. Стучилось это в семидесяти пяти километрах от Берлина. Но из-за от смерти его товарища, Яким Василий ему заровил. Дед мог умереть от кровотечения, а но друг не растерялся и оказал ему помощь. После ранения дедушка попал в госпиталь и долго там лежал. Потом после выздоровления он вернулся в свое село. Дед имеет награды, является инвалидом второй группы Великой Отечественной Войны. Скоро праздники 90-летия и мы будем поздравлять нашего дедушку.

лось поближе к «цивилизации», – рассказывает Алевтина Андреевна. – Написала письма в разные сибирские города. Среди прочих пришло приглашение из отдела культуры Дивногорска. Оказалось, что в селе Овсянка формируется библиотека. В это же время туда приехала и Анна Епиксимовна Козынцева, которая на протяжении многих лет была бессменным руководителем библиотеки. И наша работа началась.

Библиотека находилась в одной из комнат заводоуправления ДОЗа – деревообрабатывающего завода.

– Это было градообразующее предприятие, там работала основная масса жителей. Кроме того, автобус привозил из Дивногорска рабочих и ИТР, – вспоминает Алевтина Андреевна. – Фонд библиотеки состоял и из технической литературы, и из нашей. Читатели пошли сразу: и взрослые, и дети.

Всех желающих одна комната вместить не могла, поэтому библиотекари встречались с читателями в школе – работали вместе со школьными библиотекарями, в подготовительной группе детского сада, иногда в клубе.

«ЛЮДИ БЫЛИ СПОКОЙНЫЕ, ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ»

Какой была Овсянка в то время? Как жили люди? Чем занимались?

Вот что запомнилось А.А. Бродниковой:

– Было много молодежи, занимались спортом. Спортивный сектор завода давал напрокат лыжи всю зиму. Причем катались все, независимо от возраста. Летом загорали на Енисее. Выходили на берег даже в обеденный перерыв, после столовой. Люди были спокойные, доброжелательные. Видимо, сказывались стабильность и уверенность в завтрашнем дне. Через 2-3 года работы в ДОЗе давали жилье. Мы с мужем (познакомились там же) жили немного в общежитии, потом получили однокомнатную квартиру. До сих пор вспоминаем директора ДОЗа Дарвина Вахидовича Алиева. Зайти в его кабинет можно было в любое время или просто подойти на улице для решения проблемы, хотя мы к заводу-то и не относились.

Также работали и комсомольская организация, и партком – все было как-то по-домашнему. Об этом говорит и тот факт, что на праздники соседи выносили на улицу столы и отмечали вместе это событие. Играл баян, пели песни. За остановкой автобуса, в глубине леса, был стадион – там праздновали уже официально День пионерии, День молодежи. А еще любили отдыхать на Фокином ручье. И никаких тебе клещей и медведей. Жарков было столько, что некуда встать. Под стать своей родной Овсянке был и Астафьев. Ходил в магазин в трико, сидел с мужиками, занимал им деньги до полочки. Такова Овсянка моей юности и моих друзей.

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

По поводу стадиона «в глубине леса» и массового отдыха на Фокином ручье мы решили внести ясность. Как объяснила Алевтина Андреевна, стадион «Маяк» находился (да и сейчас находится, только не все об этом знают) за остановкой «Поселок Молодежный», если ехать со стороны Дивногорска в Овсянку. «Вот там и отмечали официальные праздники, там и мероприятия были, и столы накрывали», – говорит она.

В той же стороне, за трассой (а вовсе не в Овсянке), отдыхали на Фокином ручье. «Дач там тогда еще не было. Ходили туда – загорали, разводили костры, картошку пекли, праздновали», – вспоминает Алевтина Андреевна.

– Сейчас-то ручей – не поймешь, есть или нет. А тогда, помню, мы с мужем грибов наберем, там же и почистим, и помоем, и домой принесим уже чистые, можно готовить. Там же люди и картошку сажали. Ну, не официально это было, конечно, просто раскопали – посадили. Выкопают – там же намоют, сколько надо, – говорит Алевтина Андреевна. – И черники много было. Идешь в гору, собираешь-собираешь. Остановишься передохнуть – а сзади на тебя прямо цепочкой наступают люди, дети, собаки, все идут за нами, все собирают.

Вот так неожиданно для себя мы узнали о прежде нам неизвестных «географических объектах» в окрестностях Овсянки.

Первая встреча В.П. Астафьева
с библиотекарями Овсянки и Дивногорска. 1982 год

ВЫЧУЖАНИНА АНТОНИНА ИННОКЕНТЬЕВНА

Антонина Иннокентьевна Вычужанина родилась в деревне Бирюса в 1923 году, а в Овсянку ее семья переехала в 1927-м.

С 1939 года – то есть с 16 лет – Антонина Иннокентьевна работала в школе, **была первой учительницей легендарного полярника, уроженца Овсянки Петра Георгиевича Астахова** (об этом мы упоминали выше). И где бы по долгу службы ни оказался Петр Георгиевич – а работать ему довелось и в Арктике, и в Антарктиде, и в Швейцарии, и во Франции, и в Пакистане – он не забывал писать Антонине Иннокентьевне, в том числе делился с ней самыми тяжелыми событиями своей жизни. А приехав в Овсянку, первым делом шел к своей учительнице.

Теплые отношения связывали Антонину Иннокентьевну и с Виктором Петровичем Астафьевым.

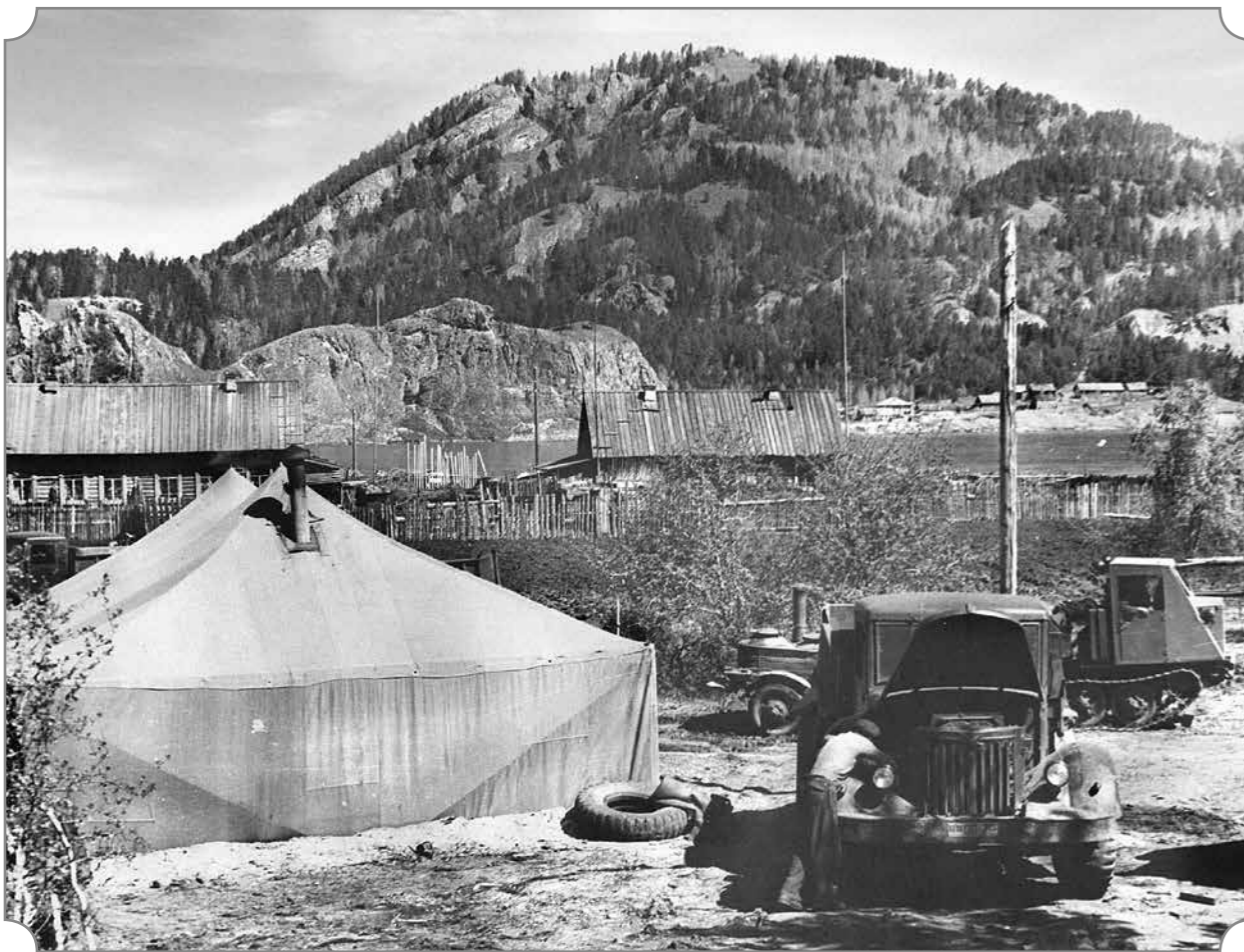
В 2000 году сотрудники Библиотеки-музея В.П. Астафьева записали на аудио воспоминания Антонины Иннокентьевны. В книгу «Овсянка: семейные истории» вошли их отредактированные текстовые версии.

Это, во-первых, рассказ А.И. Вычужаниной о ее семье, детстве, Овсянке 1930-50 годов. **Из воспоминаний Антонины Иннокентьевны мы неожиданно попадаем на страницы астафьевской повести «Последний поклон», узнаем новые, прежде неизвестные подробности о людях, ставших ее прототипами.**

Кроме того, А.И. Вычужанина вспоминает о съемках **фильма «Сюда не залетали чайки» по астафьевской повести «Перевал»**, проходивших в 1977 году в Усть-Мане и Овсянке. Антонину Иннокентьевну и ее супруга Карпо Абрамовича Гаращенко связывала тесная дружба с участниками съемочной группы, продолжавшаяся и после отъезда киношников. Рассказывает А.И. Вычужанина и об участии в съемках В.П. Астафьева – в те годы он еще не вернулся на родину, в Красноярский край, и, пока снимался фильм, жил у А.И. Вычужаниной и К.А. Гаращенко.

Антонина Иннокентьевна, как и другие жители Усть-Маны и Овсянки, сама снялась в картине – сыграла маленькую роль в эпизоде.

Воспоминания Антонины Иннокентьевны Вычужаниной – перед вами.

Рабочая площадка овсянского ДОЗа

День пионери в Овсянке. Начало 1960 годов

Антонина Иннокентьевна
Вычужанина,
1950-е годы

«НЕ ЖАЛЕЮ, ЧТО НЕ ПРОМЕНИЛА МУЖА НА ПАРТИЮ»

Я родилась 9 июня 1923 года в деревне Бирюса Мининской волости. **Мать – Ярославцева (Шахматова) Прасковья Николаевна**, родилась в 1894 году, умерла 21 декабря 1968 года, похоронена на Овсянском кладбище. Прямо на родителях ее похоронили, некуда было уже. А мы попросили. Варушкин был тогда председатель сельсовета, а я была депутатом. Кладбище только организовывали в Молодежном, и Варушкин разрешил здесь.

Отец – Вычужанин Иннокентий Николаевич. Отец мой был во время переворота председателем сельсовета и встречал Щетинкина с хлебом и солью (П.Е. Щетинкин – один из руководителей красного партизанского движения в годы Гражданской войны. – Прим. ред.).

У отца было три брата, все жили в одном крестовом доме. Занимались охотой и рыбной ловлей. Папа как-то раз на рыбалке простудил ногу. Положили его в емельяновскую больницу, он год лежал там. Ему сказали: «Иннокентий Николаевич, давайте отнимем ногу внизу». Он не согласился. Началась гангрена, нужно было отрезать выше. Он сказал – лучше умру и не дал резать. И оставил нас двоих сирот. Папа любил маму безумно, и она его. Они вместе прожили четырнадцать лет. Умер папа в 1927 году. Похоронили его в Бирюсе. Когда папа умер, мне было четыре года.

Второй папа был Ярославцев Алексей Федорович. Он сватал мою маму еще в девушках, но за него не отдали. Может, потому что он очень бедный был. Ярославцевы были из ссыльных. Их деда вели в Сибирь в кандалах, а на телеге сидела его жена и пять гавриков. Ярославцевы строили дома. В Овсянке они построили всей семьей 11 домов. И дома эти стоят такие хорошие, такие крепкие, из лиственницы.

Второй мой папа все время рыбачил, рыба у нас всегда была. Когда здесь Колчак проходил, отец забрал лошадей и ушел в тайгу, там пробыл какое-то время. Колчаковцы прошли, и он остался невредим.

Помню, папа сидит, сети вяжет, готовится к рыбалке. В войну ему уже 62 года было, в армию его не взяли и на завод тоже не взяли. Папа такой юркий был старичок. Не родной был, а меня любил.

А убили его 14 октября 1947 года, свои, овсянские же. Они поехали на рыбную ловлю на Ману, и его убили из-за крупы и за куль муки. Так его и не нашли.

Сестра у меня Вычужанина Агриппина Иннокентьевна, родилась в 1925 году в Бирюсе, умерла 22 ноября 1992 года в Алма-Ате. Брат – Ярославцев Николай Алексеевич, родился в 1928 году в Овсянке.

Когда папы не стало, Коля учился в шестом классе, Груша в восьмом. Мама не работала, она еще и глухая была.

В Овсянку наша семья приехала в 1927 году. Мама неграмотная была, а все равно знала весь алфавит и научила, можно сказать, меня читать. Я лучше всех читала в первом классе. Когда пришла, уже умела читать.

Помню, как первый раз кино привезли в Овсянку. Детям нельзя, а мы хоть под юбкой у мамы, но все равно пролазили и сидим смотрим. Кино показывали в клубе. Клуб был возле Фокиной речки на берегу. Помню, мужики крутили по очереди, динамо, что ли. Ой, сколько радости было! Ой, идут люди на нас, ой, задавят!

Я всю жизнь дружила с мальчишками. Мы все время вместе были: Ванька Скок (Скоков), Тонька Булка (Вычужанина) и Ванька Кот (Фокин). В четвертом классе нам с Ванькой поручение дали написать лозунг «Наша политика – политика мира». Я побежала домой за калачом, кушать хотелось очень. Скок Ваня остался писать лозунг и что написал: «Наша политка – политка мира». Я пришла, говорю: «Ты что написал?» – Он отвечает: «Ну все написал, домой сейчас пойдём» – «Да ты что, нам Елена Михайловна такое задаст! Давай на обратной стороне будем писать». А чернила уже кончились. И все испортили, так переживали потом, а надо было вывесить плакат на почетном месте в клубе.

С Виктором Астафьевым мы учились, кажется в одно время, но я постарше, что ли, на год была. По школе я его сильно не помню. А вот по ягоды мы ходили, помню. Увидели – низовские идут, опять нас налупят или отберут ягоды. Вот обязательно подкараулят низовские верховских бить! Вверх по Енисею – верховские до Фокиной речки, а ниже – низовские. В том числе и Витьку мы боялись Астафьева, как огня.

Председателем колхоза была Татьяна Яковлевна. Она заботилась о нас. Варили нам в тяжелое время 1933 года щи и раздавали в котелках. Придешь с котелком, нальют щей на троих ребятишек. И, помню, пшенку-кашу давали. Такое было тяжелое время. Но детей не бросали в такое трудное время.

Васю-поляка мы все дразнили: «Вася-поляк, штаны горят». А ведь, оказывается, он был сосланный, революционер. Нас потом мама крапивой нажалила, не стала я бегать дразниться. На скрипке он хорошо играл. Он мангазину сторожил. Это был большущий дом. Туда свозили зерно. Кому зерна не хватит, оттуда выдавали. У Васи-поляка прямо как землянка была, он рядом с мангазиной жил. Большинство людей жалели Васю, он слепой был. Ему подавали. Там возле него всегда много крапивы было и конопля. Мы, ребятишки, всегда насобираем, засушим и едим эти конопляные семечки. Очень вкусно.

Увалы Овсянские – сюда в Троицу выходила вся деревня. Делали верещаги, доставали черемшу. Верещага – это яйца, разболтанные на молоке и жаренные. А мы ждем, когда пирожки или что останется. Взрослые сидят водку пьют и песни поют. Здесь вся родня собиралась в кучу. Здесь сидят Юшковы, там Шахматовы, там Потылицыны, там Ярославцевы. Все перемешались, все переженились.

Я трудолюбивая была. Вот здесь, где мы сидим, были сплошные ягоды, была земляника. Утром галоши надеваем и идем за ягодами. А змей было полно, страшно. А еще змеи были даже летучие, красные. Раньше навоз на поля не вывозили, а в сторонку туда, за клуб за этот возили. Вот там и водились эти красные змеи. Мы туда не ходили, боялись. А все равно они приползали сюда. Мы сколько раз убивали змей. Убьем – ой, сорок грехов слетело.

Однажды я маму спасла. Я хорошо плавала. У Манского быка на ту сторону мы поехали за брусникой, в Боровую. И вот надо же было перевернуться лодке. Все оказались подводой, барахтаются все. Мама у меня оказалась на той стороне. И я ее раз – подхватила и ручонками гребу, гребу. И все-таки я ее спасла, вытащила из беды. Все спаслись, но такая там была быстрота, этот Манский бык. Там трудно было подниматься на лодках. Бурный он был.

Закончила я в Овсянке четыре класса, получила премию, дали три метра ситки за хорошие успехи.

Потом переехала в Красноярск учиться в пятом классе. Жила вначале у дяди Ивана Николаевича и тети Мани. Сижу раз у них, идет мимо тетя Дуся. Она заговорила со мной, спросила, чья я буду. Я ответила. Тетя Дуся пригласила меня к себе жить, и я согласилась.

Жила я у Евдокии Дмитриевны и Михаила Андреевича Белоглазовых тринадцатой по счету прислугой. Моя обязанность была мыть полы, ходить по воду, мыть обувь (галоши), чистить морковку и разные другие обязанности. По воду бегала на улицу Лебедевой. Два ведра воды стоили одну копейку. Далеко было носить воду. Для меня это была самая тяжелая работа. Особенно тяжело было, когда хозяйка затевала стирку и воды много надо было. У хозяйки была большая деревянная ванна, в ней и стирали. Учить уроки некогда было.

Спала я на полу, на матрасе, и еще две собаки рядом. После того как хозяйский сын приехал и пристыдил родителей, они разрешили мне спать на кованом сундуке.

В пятом классе папа за мной приехал. Он работал на Известковом заводе – это напротив Овсянки, на другой стороне Енисея. Они там жгли двухметровые бадюги и выжигали известь. Самую лучшую известь здесь выжигали, продавали в Красноярске. А летом папа рыбачил от сплава, для столовой рыбу добывал.

И вот папа приехал – говорит, что елку открывает известковый завод. Собирают на елку всех детей рабочих. И в клубе, помню, мне дали коньки за учебу. Настоящие коньки. Брат Колька их износил, эти коньки, а я всегда каталась на деревянных. Не санок ведь, ничего не было. Мы эти коньки сами строгаем – чурка да и чурка.

В мае месяце окончила я семь классов и приехала в Овсянку. Меня пригласили на комсомольское собрание. Луцаков был председателем сельсовета и сразу заинтересовался мной. Говорит: «Давай-ка, девушка, вступай в комсомол». Начали агитировать, и я с удовольствием в комсомол подала заявление, здесь, в Овсянке. **В 1938 году вступила в комсомол, и мне дали работу.** Сразу дали общественное поручение пойти в бригаду подсобного хозяйства, это за 6-8 километров. И я пошла с милиционером Субботиным вдвоем. Нужно было какой-то листок боевой выпустить. Были выборы, меня назначили агитатором, а голосовать мне еще нельзя было. Мне еще шестнадцать лет было.

В 1938-1939 году я закончила одиннадцатимесячные учительские курсы и назначена была заведующей Киндяковской школой. Образование у меня считалось среднее, потому что 7 классов и курсы были. Я в той школе учила допризывников с трех деревень. Три предмета было: русский, математика и география. С военкомата приехали, попросили обязательно их научить географии. **У многих ни одного класса образования не было.** Надо было хоть адрес научить писать, чтобы с армии могли письмо отправить. Все они колхозники были. Работали, учиться некогда было. Поработала там два года, потом переехала в Овсянку. В Овсянской школе вела физкультуру, а также третий и четвертый класс. Как раз в это время и Петя Астахов попал ко мне. Его учила. И моя невестка Люба у меня училась.

Бабушка Петра Астахова, **Надежда Антоновна Астахова**, была очень уважаемым человеком. Ее всегда просили попридти при родах, чтобы она направляла. Они вообще были очень уважаемые люди. Впервые у них в деревне появился граммофон, у Петиных родителей. Мы тогда все бегали, все слушали. Они поставят его прямо в окошко, а мы все смотрим: «Боже мой, там говорят, там поют!»

Но я помню, что одеты-то были не очень ребятишки. **Я помню, как ко мне Петя в школу ходил – у него была разная обувь.** Помню, в одном галоше и в каком-то одном чирке бегал в школу. Ребятишки смеялись, а я как тигрица за него. Он математик великолепный, а я детей-математиков страшно любила.

Детей у них в семье много росло. Клава (*старшая сестра П.Г. Астахова.* – Прим. ред.) моя подружка была, считай. Умерла уже. Петины мама и бабушка – «кузнечихи» их звали – мы с ними дружили и всегда ходили по ягоды в Шагино, за 50 км. Раз по ягоды пошли – я медведя живого увидела. Медвежонок ел ягоды возле меня, а медведица дальше была. Я закричала маму. А петина мать как увидела медведя, да как закричит: «Бабы, тошненьки!» Опрокинула подойник и начала стучать, чтобы отпугнуть медведя. У медведицы было два медвежонка, один возле меня, а один возле нее пасся. Медведица рычала, рвала когтями старый пенек и звала второго медвежонка. Мы убежали. С испугу мы тогда чуть не заблудились.

Когда Петя приезжает, он в первую очередь заходит к нам, к Коле с Любой, они же друзья.

Письмо П.Г. Астахова А.И. Вычужаниной

6

Антонова Икмоиенгевна,

Большой Телеский привет с ледяного дна нашего много-страдального Глобуса!

Если моя память в порядке, я Вам писал в начале этого приключения – куда и зачем. Надеюсь, расскажу боле подробно, покажу массу фотографий следующим летом. С семьёй и друзьями по Институту собираюсь посетить родные места, повидать школьных друзей. Посылая письмо на английском яз. Тоне Шахматовой (Антон. Емельян.), но не уверен, где она сейчас. Если её нет, а Вы увидите то письмо, вскрыйте и прочитайте.

Зимую на американской станции Южный Полюс в качестве обменного учёного и 1-5 февраля собираюсь домой (через Крайсчерч – Сидней - Сингапур - Бангкок - Рангун - Тегеран - Москва - Ленинград). Т.е. учу географию, как поёт Марк Бернес, - «не по учебникам». Конечно, очень много интересного, много новых друзей и знакомых, масса впечатлений но и масса работы, Все время кажется, что через 10 дней, через месяц, через год я всё сделаю, всё буду знать, выполню все планы,...

Но время летит со скоростью света, а новые проблемы и планы возникают постоянно и равномерно, как распределённые параметры радиоволновода.

«И никуда от них нам не уйти, когда мы их встречаем на пути».

Пример тому – изучение англ. языка. Года два назад, когда я заучил только самые необходимые разговорные фразы, в моей анкете писали «говорит и понимает без труда».

Теперь выступаю иногда даже в роли переводчика, но именно теперь мне кажется, что пора начинать учить язык. «...ничего не знаю, ... никому ничего не скажу».

Кстати мои познания в англ. яз. были не главной, но и не последней причиной, чтобы выбор для этой миссии пал на меня. Просто, любой специалист становится во столько раз сильнее, сколь-

ко языков имеет в своём арсенале. Боюсь, что школьникам трудно понять эту аксиому – я, лично, начал сознательно и философски воспринимать жизнь не раньше, чем класса с 9-10, хотя, как Вы знаете, детские и школьные годы не были розовыми и безоблачными.

Я желаю, чтобы ваши ученики были на 4-5 лет умнее нас (в те же годы). Это будет только естественно, т.к. дети всегда должны быть лучше родителей. А кроме того, нам, особенно Сибири, так нужны молодые, но уже «ранние» – грамотные, образованные, культурные, серьезные мастера всех профессий.

Вдруг подумал – Вы помните Сафиулина Валерия? В 1955, когда я делал дипломную работу на последнем курсе радиوفизического факультета Томского Госуниверситета, он учился на первом курсе химического. Потом в пурге своих приключений я потерял его из вида и собираюсь запросить о нём университет.

Поздравляю Вас с Новым Годом!
 Пожелание здоровья, радости
 и успехов в наступающем году
 Валерико, Карно, Ковалюхи и ученикам!
 И привет всем-всем-всем.
 С уважением Ваш Пегл.

Южный Полюс
декабрь 6 1967 г.

U.S. NAVAL ANTARCTIC SUPPORT ACTIVITIES

AD SCIENTIAS PROMOVENDAS

POLE STATION ANTARCTICA

UNITED STATES ANTARCTIC RESEARCH PROGRAM

USARP

NATIONAL SCIENCE FOUNDATION

Во время войны я старшей вожатой была по школе, работала физруком до седьмого класса. Зимой вот здесь на лыжах катались с ребятами.

Как комсомолку меня отправили с подарками в госпиталь в Красноярск – он был в школе № 10. Приехали, привезли подарки: молоко кружками, мой класс книги собрал. Человек пять нас поехало. Продавщица, помню, с Маны тоже поехала. Забрали полушубок, нашли варежки, носки шерстяные.

В госпитале нас встречал самый главный их комиссар. Сразу провели нас на сцену. Я помню, сидела с тувинцем. Они привезли для армии, для госпиталей целый вагон мяса. Я в тот раз не выступала, а сидела как почетная гостья. И что вы думаете? Утром у меня уроки в четвертом классе. Я ушла из госпиталя, даже не покушала (там обед для нас приготовили), а я пошла. Решила испытать себя: а как на фронте смогла бы я идти одной ночью от Красноярска до Овсянки.

Стала спускаться к железнодорожному мосту, загудели гудки. Видимо, в определенное время эти гудки были. И вот я одна шла этими сугробами, этой единственной дорогой. Тогда уже Зоя Космодемьянская прославилась. А я думаю: что я, хуже, что ли? И я пройду. Под утро дошла до дома. Утром пришла в школу, зашла в класс и начала урок. Вот так проверяла я себя на мужество.

Во время войны учителя не платили масло и мясо, а ведь надо было масла и мяса много уплатить – государству платили, такой налог был. И яиц надо было. С каждого, кто хозяйство держал. Нам с налогами было легче. Я приехала, правда, часы у меня были, я их продала одному учителю и уплатила налоги.

У мамы был налог на масло 5 кг и мясо. Курочек держали, с курочек тоже надо было по десятку яиц. Все это в сельпо принималось.

Тут нам американская помощь была, по 2 кг давали чего-то, масла что ли. Один раз даже вещи давали, кому блузочку, кому что. Это было всего один раз. И маме дали три вещички и платье.

В 1946 году я была назначена завучем Есаульского детдома. В 1947 году 15 мая у меня Валера родился, и меня поближе к маме перевели, чтоб водиться. Мама мне помогала растить Валеру.

В июле 1949 года я была назначена заведующей Скитской школой. Дали мне две лошади. На одной я еду, в руках Валеру держу, а на второй едет технорук в Скиту, везет мой радиоприемник и батареи, вот такие вот здоровые. Мне за два месяца дали зарплату, и я купила радиоприемник, большущий такой. А еще я с собой везла учебники, тетради и глобус. На лошади переплавлились через Ману.

Едем мы на лошадях, а сзади идет горюшко Карпо (К.А. Гаращенко. – Прим. ред.), отстать не может от Валеры. И проводил нас до самой Маны. И вот он мне чего-то так понравился. У Карпо было два класса образования, но до чего собеседник чудесный. Карпо Абрамовича когда из заключения привезли, поставили на квартиру к маме моей в Овсянке. И когда я на конференцию уезжала на семь дней, Валера его уже папой стал называть. Сын сам выбрал себе отца. А Карпо от него без памяти был. У него двое сынов на Украине было, а он привык к Валерке, уже и не мог расстаться. А мама немножко схитрила, она мне этого женишка-то и нашла. И приве-

ла потом мне его в Скит стайку отремонтировать. Но я ей высказала потом, когда и с ней сотрудники МВД начали говорить: **«Пусть она от него откажется! Подельствуйте на нее».** Но судьба, от нее никуда не уйдешь.

В 1950 году я закончила училище. Работала счетоводом-кассиром шесть лет. По тайге верхом на лошади с двух сторон два куля денег возила. А однажды еду – навстречу секретарь райкома партии. Остановливает и говорит: «Товарищ Вычужанина, разрешите изъять ваш партийный билет». А уже собрание было, уже исключили меня из партии за то, что не отказалась от моего Карпа. «А вы кто?» – спросила я. Он представился, и отдала я партийный билет. **Не жалею, что не променяла своего Карпа на партию. Мы с ним 41 год прожили душа в душу.**

Коллектив педагогов Есауловского детдома. 1947 год

Кто больше всего
Удовольствия мне
От Эвара
Спасибо и на Задубае
того кто исполнил
этот Счастлив
21.11.47 год. Засучева

Здравствуйте уважаемые товарищи!

Пишут вам бывшие ученики одной из старейших учительниц города Вычужаниной Антонины Иннокентьевны. В этом учебном году уже не будет её в школе, она ушла на пенсию. Поэтому мы просим, чтобы на страницах нашей городской газеты прозвучали слова нашей глубокой благодарности за её благородный труд.

Антонина Иннокентьевна была нашей первой учительницей, нашей «второй мамой», воспитателем, другом – добрым и требовательным, строгим и справедливым, по-матерински нежным.

Она знакомила нас с грамотой, учила трудиться, любить землю, на которой живем. Всё, что любит она сама, Антонина Иннокентьевна передала нам.

Она очень любит читать её эту любовь привила нам. Все её ученики самые активные читатели. Мы все с большим удовольствием постигали азы знаний, любили св... [текст нечитаемый, затёрт] своих учителей. Антонина Иннокентьевна ведёт большую общественную работу и мы, её ученики, всегда принимаем в небольшой участие, большинство и сейчас занимается ею.

Здравствуйте уважаемые товарищи!
Пишут вам бывшие ученики одной из старейших учительниц города Вычужаниной Антонины Иннокентьевны. В этом учебном году уже не будет её в школе, она ушла на пенсию. Поэтому мы просим, чтобы на страницах нашей городской газеты прозвучали слова нашей глубокой благодарности за её благородный труд.
Антонина Иннокентьевна была нашей первой учительницей, нашей «второй мамой», воспитателем, другом – добрым и требовательным, строгим и справедливым, по-матерински нежным.
Она знакомила нас с грамотой, учила трудиться, любить землю, на которой живем. Всё, что любит она сама, Антонина Иннокентьевна передала нам.
Она очень любит читать её эту любовь привила нам. Все её ученики самые активные читатели. Мы все с большим удовольствием постигали азы знаний, любили св... [текст нечитаемый, затёрт] своих учителей. Антонина Иннокентьевна ведёт большую общественную работу и мы, её ученики, всегда принимаем в небольшой участие, большинство и сейчас занимается ею.

Помимо обязательной программы она учила нас многому, что очень пригодилось нам в жизни. По репродукции вырезанным из журналов Антонина Иннокентьевна учила постигать искусство.

Учила готовить вкусные обеды, как сделать ремонт квартиры и даже, как правильно расколоть чурку дров. Вместе с ней мы изучали правила хорошего тона, сервировку стола.

Она научила нас любить стихи и музыку, любить и любить и понимать природу и всё живое.

Мы особенно благодарны Антонине Иннокентьевне за то, что она научила нас любить Родину, свой народ, вложила в нас чувство патриотизма.

Всё что мы имеем сейчас – в этом большая заслуга нашей первой учительницы. 80% ее учеников имеют высшее и средне-специальное образование. И со всеми она не теряет связи, знает кто чего достиг, кто как живёт. В преддверии дня учителя поздравления идут нескончаемым потоком.

Мы просим поздравить нашу Антонину Иннокентьевну с днём учителя и пожелать тебе всего самого наилучшего, счастья и крепкого здоровья.

Потайных, Шапочкина, Каскевич, Михайлов и все ученики 61-65 годов.

Письмо бывших учеников А.И. Вычужаниной в газету «Огни Енисея»

Всё что мы имеем сейчас – в этом большая заслуга нашей первой учительницы. 80% ее учеников имеют высшее и средне-специальное образование. И со всеми она не теряет связи, знает кто чего достиг, кто как живёт. В преддверии дня учителя поздравления идут нескончаемым потоком.
Мы просим поздравить нашу Антонину Иннокентьевну с днём учителя и пожелать тебе всего самого наилучшего, счастья и крепкого здоровья.
Потайных, Шапочкина, Каскевич, Михайлов, и все ученики 61-65 годов.

У меня осталась реликвия семейная. Образ Пресвятой Богородицы всех скорбящих. На картине прямо эта надпись сохранилась. Мама с папой любили друг друга. Мама шесть детей родила, и все они умирали. И вот как-то мать пошла по воду на Енисей, а мимо нее – старичок седой-седой. Остановился. «Что, матушка, на сносях?» – «На сносях, да вот бог детей не дает, умирают все». Старичок посоветовал маме после моего рождения взять веревочку, замерить меня и купить икону размером с мой рост. Мама так и сделала. Как мама рассказывала, купили эту икону в Скитском монастыре. Ей лет 300, не меньше. Вот эта икона меня в жизни, наверное, и спасает, выручает, когда мне трудно бывает. Я же и сына похоронила, когда ему был всего 31 год. Он умер 13 апреля 1979 года. Я его из Донецка привезла сюда похоронить. И Карпа похоронила, он умер 7 января 1991 года. Я же одна осталась.

Помню, когда снимался фильм («Сюда не залетали чайки». – Прим. ред.), художник Власов – он вроде это фильм оформлял, что ли – просил продать эту икону за 500 рублей. Я говорю: «Нет. Это личная реликвия, и я ее никогда никому не продам». Он меня очень убедительно просил. Но я твердо ответила нет.

«ФИЛЬМ ПРОСТОЙ, ДОСТУПНЫЙ ДЛЯ НАРОДА»
А.И. Вычужанина о съемках фильма «Сюда не залетали чайки»

Съемки проходили летом. Приехали они, кажется, в мае – вся группа, с аппаратурой, со всем. Артисты подъезжали и первым делом заходили к нам – повидаться с Виктором. Он их всех встречал, и я тоже. Баню им топили. А потом они ехали вверх по Мане – им там сколотили огромный барак.

Когда Виктор жил у нас, мы с Карпо спали в одной избе, а он другую избушку занимал. Много работал вечерами, ночами. Очень много писал! В его письмах есть про это: мол, Антонина, у вас я закончил две главы «Последнего поклона» благодаря тебе и Карпо. Приятно это читать. У меня вон стоят Астафьева книги – 14 штук он мне подарил. И письма там же хранятся.

В.П. Астафьев с участниками съемочной группы фильма «Сюда не залетали чайки». Усть-Мана. 1977 год

В.П. Астафьев и К.А. Гаращенко – супруг А.И. Вычужаниной – во время съемок фильма. 1977 год

Я ему готовила как могла. Утром бегала к соседям, у всех коровы были. Приносила ему простоквашу, он ее любил. Покушает – и пойдет гулять. Я еще тогда Виктору Петровичу говорила, чтобы он переезжал на родину, я бы ему помогала хоть овощами, картошкой.

Однажды уговорил меня: давай, Антонина, пойдем к Анне – там свежую рыбу привезли, она пирогов настряпала. Анна Константиновна (Потылицына. – Прим. ред.) – это и ведь его тетка, и моя тетка, она жила с его дядей Колей (А.К. Потылицына и П.Н. Ярославцева, мать А.И. Вычужаниной, – урожденные Шахматовы. – Прим. ред.). Помню, как мы с ним шли в гору и встретили змею. Начали за ней гоняться, а она от нас убежала в траву... **По дороге Виктор все вспоминал, как я учительствовала, как собирала цветы, как знала названия всех трав. Я-то от мамы это знаю, а он от бабушки. Лечились-то раньше травами.**

А.И. Вычужанина

Для артистов я тоже настряпаю чего-нибудь и повезу им – машину к нам подгоняли и везли. Не забуду никогда Павла Петровича Кадочникова: «Ой, – говорит, – Тонечка, ты опять привезла чего-то!». Я говорю: «Привезла вам пирогов и калачей». Он сидит рыбачит и перекусывает: то огурцами-помидорами – у нас огород был, – то свежей картошки ему наварю.

Артисты же вечно голодные. Я целую кадку насолила капусты, они пришли и всю капусту съели.

У них (у съемочной группы. – Прим. ред.) сколочена была баржа большая, костер прямо на плоту горел, чайник кипятили, я там была раза два или три. Смотрю – время они там хорошо проводили. Виктор Петрович тоже там был все время.

Из артистов еще, помню, Воскресенский был, такой молодой (*Вячеслав Воскресенский. – Прим. ред.*). И артисточка такая беленькая, хорошенькая, Фешу играла. (*Елена Мельникова. – Прим. ред.*) Феша была вроде продавцом, по участкам плавала, привозила водку, продукты, зарплату лесникам. И на каждом участке останавливалась. Вот такая роль у нее была. Приятная такая артистка. Все время ее на экране вижу.

В.П. Астафьев на съемках фильма

Вот фотографии – Воскресенский, Кадочников и Мансуров, самый главный режиссер. А вот собака большущая сидит – она всё время была с ними. Но ее чего-то потом не взяли на самолет без справки. Я говорю – да пусть у нас живет. Кормила ее. Она долго тосковала по Мансурову.

Однажды мне говорят: Антонина Иннокентьевна, собирайтесь, будете у нас действующим лицом. Приедет как будто ваш муж изда-лека, с севера, с рыбалки, а вы должны его встретить. Мне дали сарафан, платок. Я должна была подойти к лодке, руками вот так развести с радостью – вот, мол, приехал. Это есть в фильме – мы на высоте стояли, много нас там было баб, а в это время лодка подплывала – наши мужья приехали с севера. Интересно было.

«На память о доброй встрече. П. Кадочников. 1977г.»

Местные люди с удовольствием помогали, в съемках участвовали. К тому же платили три рубля в день, а в то время эти денюжки стоили дорого. Я и то заработала, но за это напучала от Виктора: «Ты че, тебе дома нету работы? Вон иди готовь на кухню!». Я и готовила – то рыбу ему жарю, то борщи делаю, то картошку с мясом.

А Карпо нравилось, что я туда хожу. Увезут, привезут, еще и три рубля в кармане.

Фильм очень хороший, он всем понравился. Простой, доступный для народа. И мне понравилась простота игры артистов. К нам сюда приезжала замдиректора «Мосфильма» Ада Репина, тоже жила у меня некоторое время. Говорила мне: «Антонина Иннокентьевна, очень удачный фильм получился, очень хороший».

Прощальный обед тоже у меня проходил. Виктор Петрович позвал 64 человека – всю съемочную группу и всех своих родственников. А с моей стороны три человека было...

Столы стояли во дворе буквой П, съемочная группа сидела отдельно. Тетя Нюра калач состряпала, а я принесла вот такую чашку рыбы – хариусов, сосед привез их с Байкала. И мясные блюда были, и пироги – соседи мне помогли настряпать. Водки было 20 с лишним бутылок – Виктор Петрович купил за свои деньги.

Павел Петрович Кадочников сидел в центре стола, Роза, его жена, рядом. Я когда эту рыбу к Павлу Петровичу затаскивала, аж под стол залезла – он меня там с этой чашкой встречал. И так он был рад этой рыбе – возьмет и аж целует ее. И говорит потом: «Никогда не забыть, Антонина Иннокентьевна, ваш дом и ваше гостеприимство», – в таком вот духе. Я стеснялась, конечно. Говорю: чем богаты, мол, тем и рады. И артисты были очень довольны тем, как прошли съемки. Адочка вот эта, замдиректора «Мосфильма», тоже всё говорила, как хорошо их встретили сибиряки.

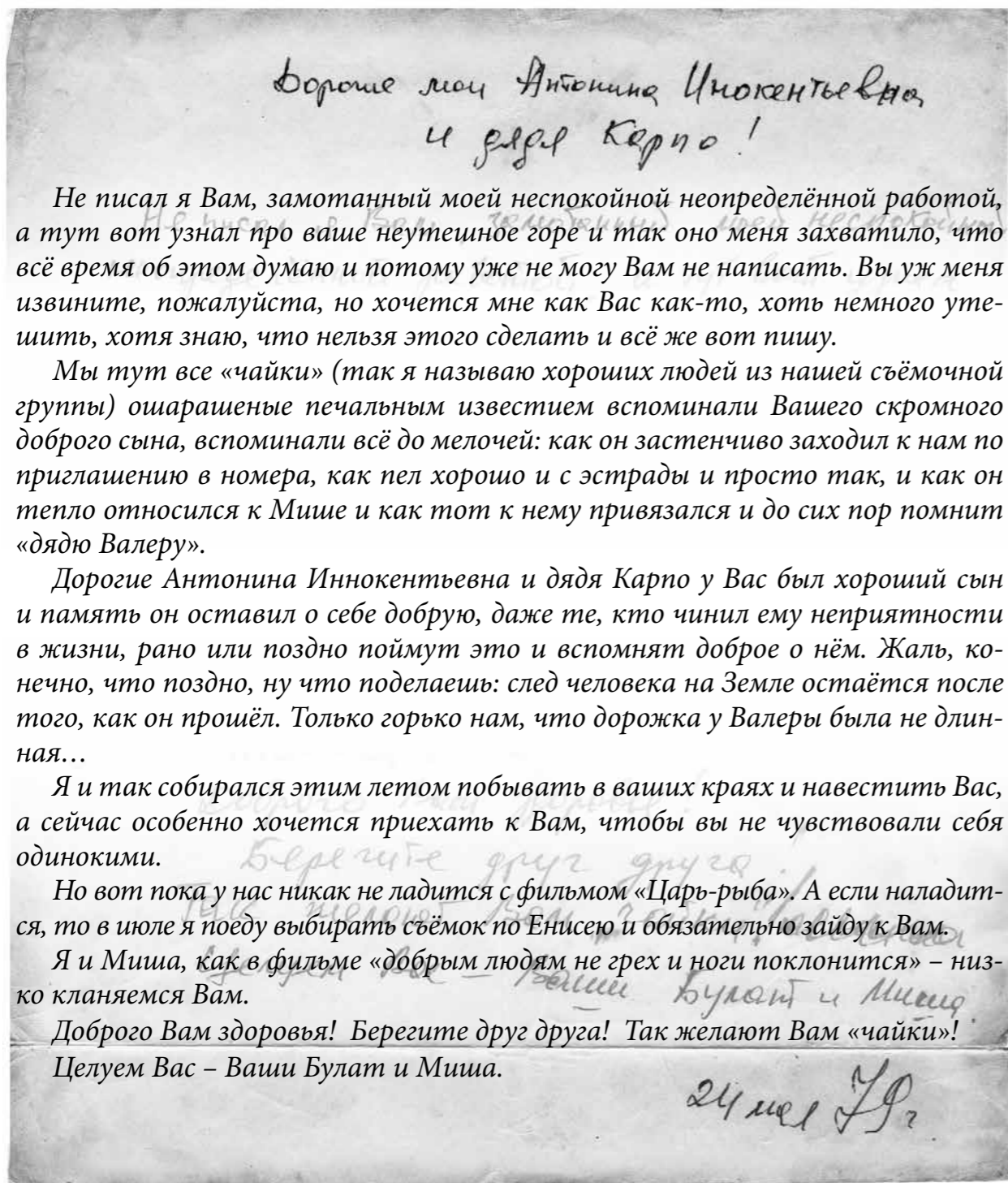
Я в то время еще плакала – мне жалко было сына отпускать: он с женой и с ребенком уезжал насовсем жить на Украину. Кадочников меня, помню, приобнял, отвел в сторону, вот здесь около бани мы стояли. Говорит: «Милая Антонина Иннокентьевна, вы любите своего сына?» – «Очень». – «Ну вот и отпустите его с богом». Ну вот и отпустила... Он ведь там разбился насмерть.

В.П. Астафьев и П.П. Кадочников на встрече с дивногорцами. 1977

Мы попрощались со съёмочной группой, очень грустно было расставаться. Очень коллектив хороший был, мы все стали как родные.

Потом письма писали друг другу. А артисты мне выслали 11 или 12 посылок, и все с конфетами. Ада Викторовна Репина тоже посылку прислала – пять железных тарелок. А я еще во время съемок подарочек сделала Мише (Миша Егоров, исполнитель роли Ильки. – Прим. ред.) – красную кофточку подарила. Зашел он как-то ко мне, я говорю: возьми, а то мерзнешь. Он сперва отказывался, а уж как надел, так больше и не снимал.

Письмо режиссера Б.Б. Мансурова А.И. Вычужаниной и К.А. Гаращенко, написанное вскоре после гибели их сына Валерия

ДОЗ: ГЛАВНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ОВСЯНКИ

Деревообрабатывающий завод – ДОЗ – несколько десятилетий был градообразующим предприятием Овсянки. Закрылся он уже в начале 2000-х годов, почти через 10 лет после того, как прекратился сплав леса по Мане и Енисею. **Об истории ДОЗа, о людях, которые там работали, о том, как завод повлиял на жизнь в Овсянке – наш рассказ.**

ЗАВОД С ИСТОРИЕЙ

В 1930-е годы Овсянка стала самостоятельным участком Красноярской рейдовой конторы. С этого времени одним из главных занятий жителей села были заготовка и сплав леса.

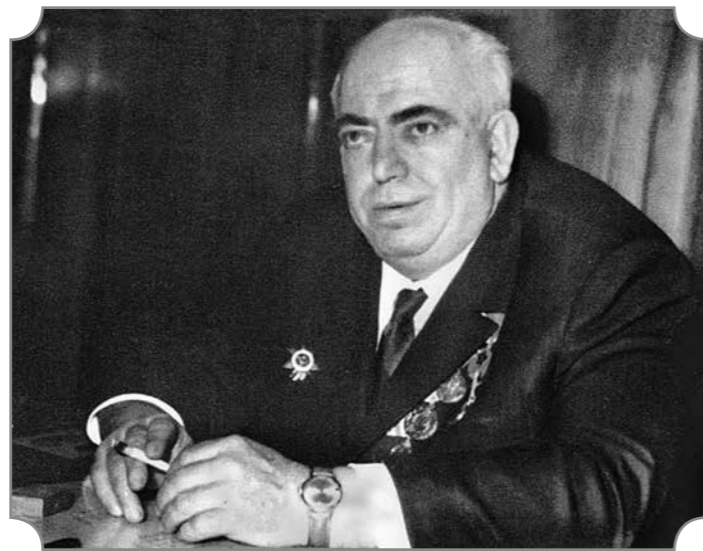
В первые послевоенные годы в Овсянке организовали две промысловые артели – промартель «Красный кустарь» занималась заготовкой дегтя и обжигом извести, ну а название артели «Лесозаготовитель» говорит само за себя. В 1950 году их объединили под названием «Лесозаготовитель», председателем нового предприятия стал Семён Хаймович Сморгон, до этого возглавлявший артель «Красный кустарь».

В 1958 году «Лесозаготовитель» вошел в состав КрасноярскГЭСстроя – уже в статусе деревообрабатывающего завода. Директором овсянского ДОЗа остался С.Х. Сморгон, проработавший на этой должности до 1971 года.

Сплавной участок в деревне Слизнево рядом с Овсянкой. 1960 годы

При создании ДОЗа «стояла задача: сплавляемый по реке Мана молевым способом лес принять, распилить, изготовить опалубку для блоков бетонирования плотины ГЭС, поставлять строителям оконные блоки, двери, половую доску, облицовку, плитус для строительства домов в Дивногорске». Об этом, в частности, сообщается в статье совета ветеранов КрасноярскГЭСстроя, основанной на воспоминаниях Владимира Леонидовича Дегтярёва, работавшего в ДОЗе с 1958 года вначале мастером, затем главным механиком, начальником столярного цеха, главным инженером, а в 1971 году сменившего С.Х. Сморгоня на посту директора ДОЗа.

С.Х. Сморгон,
первый директор овсянского ДОЗа

«За годы строительства Красноярской ГЭС деревообрабатывающий завод напилит полтора миллиона кубометров пиломатериалов, изготовил два миллиона кв. метров гидротехнической опалубки, 820 тыс. кв. метров столярных изделий. Выполняло предприятие и другие заказы, в частности, изготавливало мебель для детских садов, баки для засолки капусты (дашнаки) на склады ОРСа (отдела рабочего снабжения) и многое другое», – говорится в той же статье.

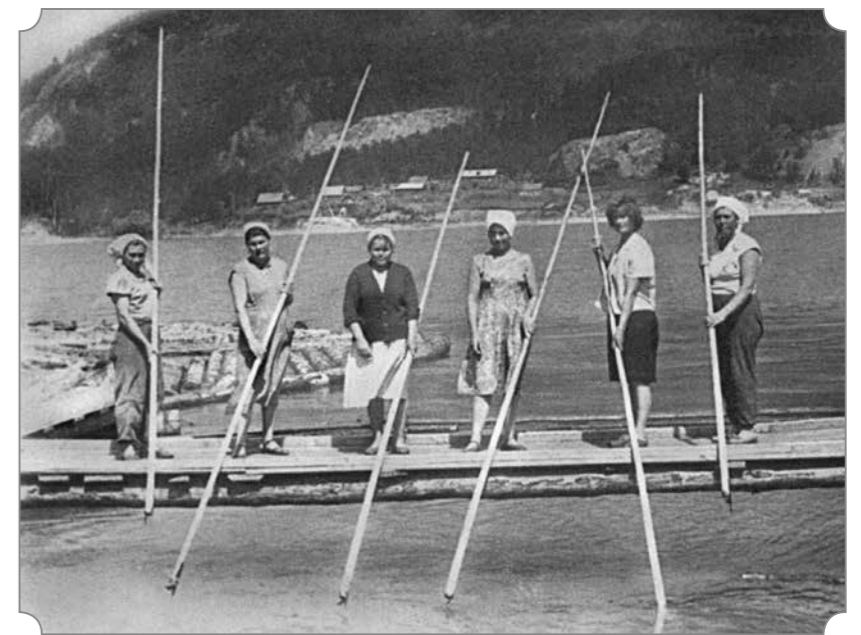
1959 год, коллектив столярного цеха. В.Л. Дегтярев – в центре в нижнем ряду

«В ДОЗе БЫЛО ВСЁ»

Работали на ДОЗе в основном жители Овсянки и поселка Молодежного. Для овсянцев, к тому времени больше 20 лет занятых на лесосплаве, это было делом знакомым.

«Здесь в переулочке, как идти мимо Фокиной речки, на самом берегу, стояла будочка, там единственный телефон был. Выдающийся у нас этот бережок в деревне. Катера здесь были постоянно, потому что здесь был сплав в Слизнево и по этой стороне плыл лес. Это место называлось «перехватка» или «схватка». Вот идет плот сверху, допустим с Усть-Дербино, обычно оттуда вели плоты, с Сисима, может быть, а здесь был перехват. Плоты здесь сторожили и распускали этот кошель. Распустят кошель и все эти ошлаговки затягивали как раз к этой будке. И расшлаговывали, распускали обратно, а плохи собирали, грузили на катер обратно увозили, для того чтобы шлаговать лес», – рассказывала в интервью Библиотеке-музею В.П. Астафьева жительница Овсянки Александра Ильинична Бетехтина.

Жительницы Овсянки на сплаве леса. 1957 год

С открытием ДОЗа овсянцы, прежде работавшие на сплаве, устроились на завод, в том числе многие женщины. А.И. Бетехтина объясняла это отнюдь не стремлением к трудовому героизму. «А куда было идти, пошли на сплав. Пенсию надо было зарабатывать», – говорила она.

Впрочем, героев на заводе было немало. Первый его директор, С.Х. Сморгон, был награжден медалью «За трудовую доблесть». Второй директор ДОЗа, В.Л. Дегтярев, – орденом Трудового красного знамени. Его заместитель Дарвин Вахитович Алиев – орденом «Знак почета».

С 1960-х по 1990-е на овсянском ДОЗ работали представители нескольких поколений семьи Ярославцевых. Николай Алексеевич Ярославцев за выдающуюся работу был награжден орденом Трудового красного знамени и медалью к 100-летию В.И. Ленина, такой же медали была удостоена и его супруга, Любовь Николаевна.

– В 1960-70-х ДОЗ был уже большим заводом. Там были лесопилка, сушилка, дробилка, делали разный пиломатериал, ДСП, – рассказывает их дочь Валентина Николаевна Ярославцева. – Мама устроилась на ДОЗ, потому что там хорошо платили. Бревна, которые сюда подплывали, она и другие работники багром вылавливали, и они по бревнотаске поступали в лесопильный цех. Бревна перекатывали в сушилки, потом обрабатывали. Там и столярка была, делали оконные блоки, двери, даже мебель. А отец работал в ДОЗе в кузнице, она в те годы была единственная на несколько сел и поселков – Овсянку, Ману, Молодежный, Слизнево. К тому же у него были корочки бензорезчика и сварщика – с металлом он полностью работал. Все заготовки, которые необходимо, все детали заказывали ему.

Работа в ДОЗе

ДОЗ был огромной структурой. В его состав входили биржа сплава леса и траления, цеха лесопильный, столярный, механический, транспортный.

Работники ДОЗа на субботнике

О том, как был налажен производственный процесс в ДОЗе, подробно рассказывает Нина Семеновна Пушилова. Она родилась в Овсянке в 1957 году, окончила в Красноярске технологический институт по специальности «технология деревообработки» и вернулась работать на ДОЗ.

– За территорией ДОЗа была лесобиржа. На воде размещались сорт-сетки. Там шла сортировка леса, чтобы в цех поступали бревна диаметром от 24, не меньше. Специалисты, работавшие на сорт-площадке, могли на глаз диаметр определить. Рабочих диаметров было несколько – 24-26, 30-32 и так, по-моему, вплоть до 42, чтобы в раму могло бревно пойти, – вспоминает Нина Семеновна. – Конечно, если что-то пошло не так, их пересортировывали в бассейне. Был и бракер по лесу, определявший неподходящий материал. Вот так их на бирже по диаметрам рассортируют по «дворикам», потом водой отправляют в лесоцех, а в лесоцехе стоят две рамы – на своем этапе сортируют, что и куда. А дальше идет распиловка по нужным размерам. В столярку отправляются уже доски под конкретные заготовки. Заказов было много от разных подразделений ГЭС, и людям выделяли стройматериалы. Делали и двери, окна, другие деревянные изделия. Приезжали и из Красноярска представители разных предприятий. Кому-то нужно было сырье с биржи, кому-то – заготовки из лесопильного цеха.

Производственная площадка в ДОЗе

«И ВСЕ ВДРУГ НАЧАЛИ СТРОИТЬСЯ»

Как вспоминала жительница Овсянки Александра Ильинична Бетехтина (ее рассказ приведен в одной из предыдущих глав), до открытия ДОЗа в селе Овсянка была, по сути, только одна улица Набережная. А с появлением завода и началом строительства ГЭС стали стремительно строиться и Овсянка, и поселок Молодежный. Овсянцам на ДОЗе выделяли материалы для строительства домов, но жилье для своих работников возводил и сам завод.

– Мне сначала дали в поселке Молодежном однокомнатную квартиру на улице Терешковой, а потом, поскольку я молодой специалист да еще и с семьей, – квартиру-полупотурку в кирпичном доме, – рассказывает Нина Семеновна Пушилова. – Там вначале построили 60-квартирный дом для ветеранов, потом, в конце

70-х – в начале 80-х, блочные дома. В них планировка была получше, хотя и квартир поменьше. В новых домах давали жилье не только ветеранам, но и семьям, в то время работавшим на заводе. Помню, мы заехали, а я все радуюсь: открываешь кран, а там вода! Хотя она и жесткая в наших местах. Обязательно надо кипятить. А чайники довольно быстро приходится выкидывать. Но вообще мы привыкли.

По приведенным выше воспоминаниям Алевтины Андреевны Бродниковой, ДОЗ и в общем и целом «задал тон» жизни в Овсянке – проводил спортивные мероприятия, праздники. Да и первая в Овсянке библиотека, с которой началась история Библиотеки-музея В.П. Астафьева, открылась в 1975 году на базе заводоуправления. Ее фонды первое время в значительной степени состояли из технической литературы.

«РАНО ИЛИ ПОЗДНО ЗАВОД ЗАКРЫЛСЯ БЫ»

«Ломая яростное сопротивление сплавщиков и местечкового куражливого начальства, удалось остановить сплав леса на Мане, почти уже погибшей от топляка. В первую весну после остановки молевого сплава, побывав на Манской гриве, я поразился пустынности реки Маны, ее какому-то сиротски-растерянному виду – так арестант, отбывший большой срок в неволе, неуютно себя чувствует, выйдя за ворота тюрьмы, – мир, ему открывшийся, кажется пугающе-просторным, в нем много дорог и нет конвоя, который хорошо умеет направлять именно на ту дорогу, по которой назначено идти.

Пятьдесят с лишним лет горная река, совсем не пригодная для сплава леса, делала подневольную работу, – тащила смертельно тяжелый груз и ослабела, износилась, обсохла. Богатая, свободная красавица, она выглядела бедной, бесприютной старухой. Много лет, много весенних ледоходов, много горных снегов и резвых речек потребуются, чтобы излечить обескровленную реку, чтобы воссиял ее прекрасный лик, чтобы воскресла она, оздоровела и снова сделалась той чудесной частицей природы, которую нам, дуракам, подарил Создатель.

Не с одной Маны был снят намордник, нужен был пример. Сразу на двенадцати реках края прекратилось насилие, был остановлен молевой сплав».

В.П. Астафьев. Отрывок из затеси «Манская грива»

На рубеже 1980-х – 1990-х годов Виктору Петровичу Астафьеву при поддержке В.И. Сергиенко, в то время – председателя Красноярского крайисполкома, удалось добиться запрета молевого сплава по сибирским рекам, в первую очередь – по Мане и Енисею. Варварская, по сути, технология, губительная и для рек, и для ее обитателей, а часто и для людей, ушла в прошлое.

– Лиственный лес плывет-плывет, постепенно насыщается водой, тяжелеет и идет на дно, – рассказывает житель Овсянки Николай Петрович Фокин. – В свое время японцы предлагали: давайте мы дно Маны очистим своей техникой. А наши правители и сами не чистят, и другим не дают. Так лес до сих пор там и лежит, на дне. Но не гниет – чем дольше лиственный в воде, тем крепче становится. Я знаю – у нас из листвяка дом построен. Как и у многих в Овсянке.

Но запрет сплава привел и к постепенному сворачиванию работы овсянского ДОЗа.

– Действительно, были у местных такие разговоры про Виктора Петровича: мол, из-за него градообразующее предприятие встало, – вспоминает Нина Семёновна Пушилова. – Но подобные предприятия закрывались по всей России, рано или поздно закрылся бы и наш завод. В те годы начались массовые проблемы с лесосеками, сырьё поубавилось, но и большой необходимости в нем уже не было – из дерева стали строить меньше. А реки из-за молевого сплава и правда были сильно засорены, да и на берегах было полно топляка. Чистить реки никто не чистил, хотя, по-хорошему, нужно было бы. Но руководители предприятий на такие вещи как-то не реагировали, для них план был важнее.

Овсянский ДОЗ остановился не в одночасье, не сразу же после запрета молевого сплава, – работал еще несколько лет.

– Продолжали действовать механическая служба, автотранспортное предприятие, столярный цех – на старых запасах. У завода было два детских сада на балансе, – рассказывает Нина Пушилова. – А что касается сотрудников ДОЗа, многие из наших потом работали на лесопромышленных предприятиях в Красноярске, и я в том числе. Кто-то устроился на работу в Дивногорске.

Окончательно завод закрылся уже в начале нового века.

На берегу Енисея в Овсянке. 1970-е годы

СЕМЬЯ ЖУКОВСКИХ

В Овсянке на улице Набережной есть дом, который старожилы называют «магазин Жуковского». Никакого магазина в том доме давным-давно нет. Нет в живых и человека, по имени которого односельчане называли это здание. Дом, где некогда находился магазин, несколько лет назад был продан новым хозяевам. А они не торопятся ни обосновываться там сами, ни перепродавать строение другим владельцам под жилье – всё надеются, что в доме, где был когда-то «магазин Жуковского», появится памятное место, что-то вроде небольшого музея.

Кто же такой этот загадочный Жуковский и почему его именем названо здание в Овсянке?

О Филиппе Кузьмиче Жуковском можно прочесть в затеси Виктора Астафьева, которая так и называется: «**Пойти к Жуковскому**».

«Кто он такой? Да всего лишь продавец сельского магазина, после – заведующий этим же магазином. Но, как видите, местная знаменитость – и до сель почитаемый всеми односельчанами человек. И хотя давно на пенсии, давно «не у дел», но помнят его люди, все еще идут «к Жуковскому», – пишет **Виктор Астафьев**. – Я много лет знал Филиппа Кузьмича, тихого, иногда вежливого, даже застенчиво улыбающегося, ко всем приветливого, доброго соседа, отца, мужа, деда. Проработал он в овсянском магазине с сорок седьмого года до конца годов восьмидесятых, ни разу не судим, не садим, за растраты, мздоимство, воровство и плутовство не привлекаем».

На фото в центре – Филипп Кузьмич Жуковский, слева – его жена Феодосия Ксенофонтовна, справа – Е.К. Беляева

Недавно сотрудникам Астафьевской библиотеки удалось почти случайно встретиться с дочерью Филиппа Кузьмича – Марией Филипповной. Она живет в Красноярске, иногда приезжает в Овсянку. Вот что она рассказала.

– **Моя мама, Феодосия Ксенофонтовна, родом из Забайкалья.** Ссылная, раскулаченная. У ее отца, моего деда, был какой-то офицерский чин, а после Гражданской войны он обосновался в Забайкалье. Кулаками они не были, работали сами на себя, но все-таки их раскулачили и сослали сюда, в Красноярье, в Даурский район. **А мой отец Филипп Кузьмич был местный, даурский. Там они и познакомились.** Я родилась в Усть-Дербино, тоже в Даурском районе. (Даурский район Красноярского края существовал с 1935 по 1962 годы, входившие в него поселения были затоплены при строительстве Красноярской ГЭС. Усть-Дербино попало под затопление в 1967 году. – Прим. ред.) Отец воевал на Дальнем Востоке. А после демобилизации, году в 46-м, перебрался с семьей в Овсянку. Не знаю почему – позвал его сюда работать какой-то приятель. А в 51-м году уже здесь, в Овсянке, у меня родился брат Владимир.

Мария, ее брат Володя и их мама Феодосия Ксенофонтовна

А вот фрагменты из затеси «**Пойти к Жуковскому**», описывающие, по сути, те же события:

«Их табунами гнали из Забайкалья в Красноярский край, а из Красноярского края табуны пылили туда, в Забайкалье. Повезло тем, кто двинулся вниз по рекам, каково было тем, кому выпало устремляться вверх по течению, в горы, в дремучую тайгу, в тундры, в степи, в пустыни?.. <...> Жуковские попали в благословенный приенисейский Даурский район, в село Смоленка, которое стоит так и на таком месте, что с него можно картинки рисовать иль открытки сымать и за деньги продавать»

«Я листаю его красный документ – военный билет: год рождения 1911, солдат, рядовой, орудейный номер, окончил пять классов в 1927 году, в Даурском районе, в селе Смоленка Красноярского края, бес – почему-то с переносом – партийный, русский и наконец означено – служащий».

Семья Филиппа Кузьмича
на крылечке «именного» магазина

«СЛУЖАЩИЙ» – ОТ «СЛУЖИТЬ НАРОДУ»

Когда же появился «магазин Жуковского» в Овсянке? Некоторые сельские старожилы нам рассказывали, что до 1949-1950 годов свой магазин в селе вряд ли был – приходилось ходить в соседнее Слизнево, и поход этот занимал целый день: очереди были огромные. А вот Астафьев в затеси «Пойти к Жуковскому» утверждает, что магазин был открыт уже в 1947 году.

– Папа проработал в этом магазине почти всю жизнь. Поэтому тот дом и называли «магазин Жуковского». Он там был и заведующим, и продавцом, и грузчиком. И мама ему помогала – она и продавец, а если надо – и уборщица. Хотя работала-то она в другом месте, – рассказывает Мария Филипповна.

Вот несколько выдержек из затеси «Пойти к Жуковскому»:

«Филипп Кузьмич понимал слово «служащий» буквально, безо всякого подтекста. Служащий – это человек, призванный служить народу. Он и «вид» и «марку» держал на людях соответственно редкостному званию – всегда в костюме, пусть и недорогом, но поглаженном, всегда в чистой рубашке, при галстукке, если сам за прилавком, то и с голубым карандашом за ухом. Летом и осенью в плаще ходил, зимою – в полупальто с меховым воротником, которое берег, и оно живо до сих пор, и его уж надевают только по хозяйственной надобности»

«Было всеобщее возбуждение в селе и тихий говор собравшегося возле магазина люда, сидят, пересуживают друг друга, молодежь протергивают, бывлые дни и годы вспоминают, и чем ближе к обеду, тем кучней у магазина. Это значит, с утра пораньше Жуковский уехал на базу. На городскую. База та где-то на Бугаче, и работают там сплошь дружки-приятели Жуковского, и он уж непременно привезет товару всякого от дядюшки Якова»

«Ведь он-то, служащий-то – хоть днем при карандаше за ухом и за прилавком отдохнет, а она-то, Феня-то (супруга Феодосия Ксенофонтовна. – Прим. ред) на производство, да при дворе и при детях. А производство-то, Господи, спаси и помилуй – все те же лесозаготовки, все тот же лесосплав.

– До того утряпаемся, Виктор Петрович, что мокрые норовим на нары упасть. И никаких мечтов о гулянках иль о баловстве каком. Иной раз так одежонка и не досохнет на теле, в сыром снова в лесосеку».

Филипп Кузьмич Жуковский и «магазин Жуковского»

РАБОТАТЬ ПРИХОДИЛОСЬ ВСЕМ

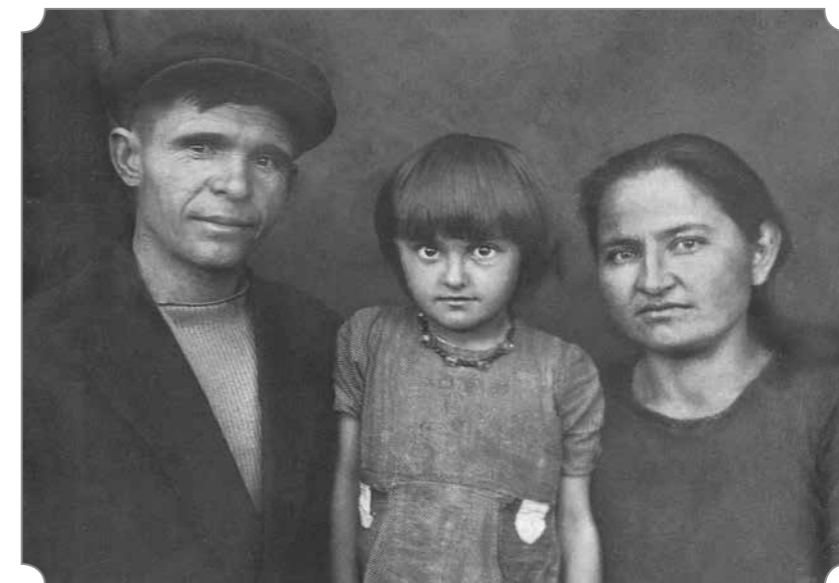
Работать приходилось много не только Филиппу Кузьмичу. Его главным делом был магазин, а хозяйство держалось на жене, Феодосии Ксенофонтовне. К работе рано приучали и детей, а потом и внуков.

– Дед в магазин рано утром уходил и поздно вечером приходил. А дом был на бабушке. И все летние работы – тоже в основном на ней, – рассказывает Константин Федорович Хомяков,

внук Филиппа Кузьмича. – Но уж на покос дед, конечно, ходил. Все лето овсянцы косили по полянам и косограм. Потом собирали все в кучу, приезжала машина, забирала. А зимой трактор сено привозил, лежало все это у нас в огороде. Вообще хозяйство было большое: и коровы, и телята, и свиньи. Огорода на всё не хватало – еще и картошку отдельно сажали. Ягоды, грибы собирали – ехали за ними в сторону Дивногорска. Ходишь-ходишь, а тут ведь надо и в гору,

Филипп Кузьмич и Феодосия Ксенофонтовна
с дочерью Марией.

Предположительно 1941 год, Даурский район

и с горы, и бурелом там, и болотистая местность, и мошка – работа тяжелая. И покос так же – одно дело на машине доехать, а мы-то поначалу ходили пешком. У нас покос был, где исток Фокиной речки. Она начинается тоненьким ручейком, потом становится все больше, больше. Там вода чистая, брали ее, чай делали, варили суп. Ставили на том месте шалаш – у нас там как бы база была. Косили в разных местах, но приходили всегда к шалашу.

Хотя дети и внуки Филиппа Кузьмича и Феодосии Ксенофоновны из Овсянки разъехались, собраться в родной деревне, чтобы помочь старикам, было делом обязательным. Из Красноярска добирались на электричке. В 1960-70 она была длинная – 10 вагонов, и в обоих направлениях всё битком, – рассказывает Константин Хомяков. – Никаких дачных маршрутов в то время в дивногорском направлении не было.

В начале 80-х у семьи появились «Жигули», добираться стало проще.

– Если посчитать, нас было человек десять – бабушка с дедушкой, родители и мы с сестрой, еще трое – семья дяди Володи. И всем работы хватало. Каждый выходные мы вместе в Овсянке собирались. Как весной посадка началась – так до осени и работаем, – рассказывает Константин Федорович. – Моя задача, помню, была нарвать крапиву для поросят, встретить корову – их примерно в полседьмого вечера пригоняли. Коров было много в Овсянке. Нанимали пастуха. А если не получалось нанять, то сами дежурили – пасли по очереди. И мне приходилось! Это тяжело, конечно. Коровы хвосты задрали и побежали – лови их. Вообще у коров был свой маршрут, они им шли уже привычно, но за день так набегаешься за ними, думаешь: теперь только спать. А тут пацаны зовут гулять – и все, пошло-поехало.

«КТО ТАКОЙ АСТАФЬЕВ?»

То ли Жуковские не сразу поняли, кто такой Виктор Астафьев, то ли не связывали образ человека, в 1960-1970-х лишь иногда бывавшего в Овсянке, с именем известного писателя, – в любом случае, **судя по рассказу Марии Филипповны, в то время Жуковским мало был известен литератор, впоследствии увековечивший их семью.**

Дом семьи Жуковских на улице Щетинкина в Овсянке

– Мы в те годы не знали Виктора Петровича, – рассказывает она. – Брат тогда в школе учился, говорит: у нас какой-то писатель выступал, вроде местный. А к нам приехал наш двоюродный брат с Дальнего Востока, он про Астафьева знал больше, чем мы. И вот мы сидим за столом, он говорит: Астафьев же откуда-то из этих мест, из Овсянки. И как раз соседка к нам заходит, мама ее спрашивает: «Августа, ты не знаешь, вот такой Астафьев жил у нас?» А она: «Так это мой племянник!» (Августа Ильинична, урожденная Потылицына, – родная тетушка В.П. Астафьева, сестра его матери. Августа Ильинична упоминается во многих рассказах «Последнего поклона». – Прим. ред.)

Мария Филипповна – врач-инфекционист (в городе Красноярске)

Кстати, одно время семья Августы Ильиничны, судя по воспоминаниям ее дочери Капитолины Тимофеевны Курденко, жила в доме, где позже начал работать «магазин Жуковского». Такая вот неожиданная связь...

– Астафьев к нам в гости приходил, мы – к нему. А с дедом он прямо дружил, – рассказывает Константин Хомяков. – Я уехал учиться в Москву в 89-м, потом поступил в аспирантуру, остался там. А до того, когда я бывал в Овсянке, мы, по сути, каждый день виделись. И жена с дочкой, когда летом сюда приезжали, видели его. Помню, мы с дядюшкой Владимиром Филипповичем к нему пришли, взяли водку, два стакана, помидоры, посидели немножко – Виктор Петрович уже болел, это был 98-й год.

И еще одно интересное пересечение случилось у семей Жуковских и Астафьевых. Мария Филипповна успела поучиться в Овсянке в начальной школе, расположенной в доме, который строил еще прадед Виктора Петровича. После того как в 1930-х Астафьевых раскулачили, их дом был приспособлен под школу.

– В Овсянке была школа-десятилетка, на Набережной. Директором в то время был Федор Трофимович Бетехтин. Помню, мы утром в тот дом приходили, печку топили, пекли картошку, ели там и учились. Я кончила 4 класса, и нашу среднюю школу перевели в Усть-Ману. А потом как-то классы стали «скакать»: я училась, например, в шестом, а он стал пятым. Поэтому заканчивала школу я уже в Красноярске, там у нас родственники были, – рассказывает Мария Филипповна. – После школы окончила мединститут, стала педиатром. Пораспределению работала в Бурятии, в поселке Онохой Заиграевского района. Потом в Иркутске. А в 1970-х мы вернулись сюда.

В РОЛЯХ – ЖИТЕЛИ ОВСЯНКИ

А еще Филипп Кузьмич Жуковский... успел сняться в кино!

В начале 1980-х в Овсянке проходили съемки нескольких эпизодов фильма «Ненаглядный мой» (1983 год), поставленного по рассказу Виктора Астафьева «Тревожный сон» и по его же сценарию. Главную роль в ленте сыграла актриса Татьяна Шестакова. А во многих небольших ролях снялись жители села Овсянка, их имена мы видим на афише.

Филипп Кузьмич сыграл... конечно же, продавца сельского магазина! Съемки проходили в «магазине Жуковского».

В фильме снимались:

Татьяна Шестакова
Виталий Базин
Юрий Трещенков
Юлия Моисеева
Ф. Чернякова
Ф. Лактионова
С. Сорокина,
Ф. Резниченко,
Ф. Духонов,
Л. Климова,
К. Скопцов,
Е. Тюменцев,
Т. Елефантьева
В. Федотенко,
В. Селиванов,
В. Родиченко,
В. Трищенко,
А. Шадрин

жители с. Овсянка
Жуковский Филипп Кузьмич
Фокина Анна Ивановна

Режиссер: Артур Войтецкий
Сценарий: Виктор Астафьев,
Артур Войтецкий

по мотивам рассказа Виктора Астафьева «Тревожный сон»

**На афише – имена не только профессиональных артистов,
но и жителей Овсянки**

Из затеси «Пойти к Жуковскому»:

«Ушел на пенсию Кузьмич, отрешился от торгового дола, спокинул свой магазин – и начал расклеиваться, болеть, но все корову, поросенка, домашнюю птицу держали – дети и внуки в городе живут, помощь им нужна, понаедут на выходные полон двор народу. Но трудно стало с сенокосом – негде скот пасти – все удобы, поляны, электротрассы дачами застроены. И вот отчего-то заболела корова – лишились главного кормильца, притих двор, и сам Кузьмич слег, как оказалось, окончательно и навсегда. Среди лета, в погожий солнечный день провозжали односельчане Филиппа Кузьмича Жуковского в последний путь».

«НА ФОКИНОЙ РЕЧКЕ ЖИЗНЬ КИПЕЛА»

Константин Федорович Хомяков, внук Филиппа Кузьмича Жуковского, поделился с Астафьевской библиотекой фотографиями из личного архива и воспоминаниями об Овсянке его детства.

Публикуем его рассказ.

Я родился в Красноярске, потом родители уехали в Иркутск, но на лето привозили меня в Овсянку, я лет с трех ее помню. Можно сказать, сколько помню себя, столько и Овсянку.

В Красноярский край мы вернулись, когда мне было 8 лет. Все лето и все зимние каникулы я проводил в Овсянке. Да и во время учебного года тоже бывал: в школе мы учились пять дней, а на субботу и воскресенье я приезжал сюда, надо ведь бабе с дедом помогать.

У нас в детстве тут была компания – в нее входили и местные, и приезжие. Разошлись мы уже во взрослом возрасте. Да я еще и уехал после института в аспирантуру, в Москву – на том, можно сказать, и расстались. Но все детство мое

прошло здесь, в том числе на берегу Енисея. Это сейчас зашел летом по колено в Енисей – и все, хватило: ноги от холода сводит. А в детстве мы в Енисее купались, как только научились плавать, класса с третьего-четвертого. Искупишься, костерок разожжешь, обогреешься – и обратно. А плавать мы учились в запруде, которую для нас сделали овсянские мужики, водоемчик такой. Мне после 1-го класса купили ласты, я с ними приехал с родителями из Иркутска, модный такой, в них и плавать учился. Потом вода в запруде стала загнивать, и ее убрали.

В Енисее купаться холодно, а на Ману нам ходить запрещали – далеко, да и бревна там – сплав ведь еще не под запретом был. А для нас самым большим приключением было сбежать из дома и поехать одним на Ману – купаться у моста. Бревна-то были, да. И в воде, и на берегу. Мы рядом с ними плавали, с них ныряли. А когда в Овсянке шел сплав, мне было интересно на них смотреть.

Во время сплава лес везли в сторону Маны, там сортировали, потом загоняли на Слизнево, грузили и везли на ДОЗ. Лес шел не только местный, но и привозной. Из-за сплава у нас и река, и берега были захламлены топляком. Но я был пацаном, мне было интересно.

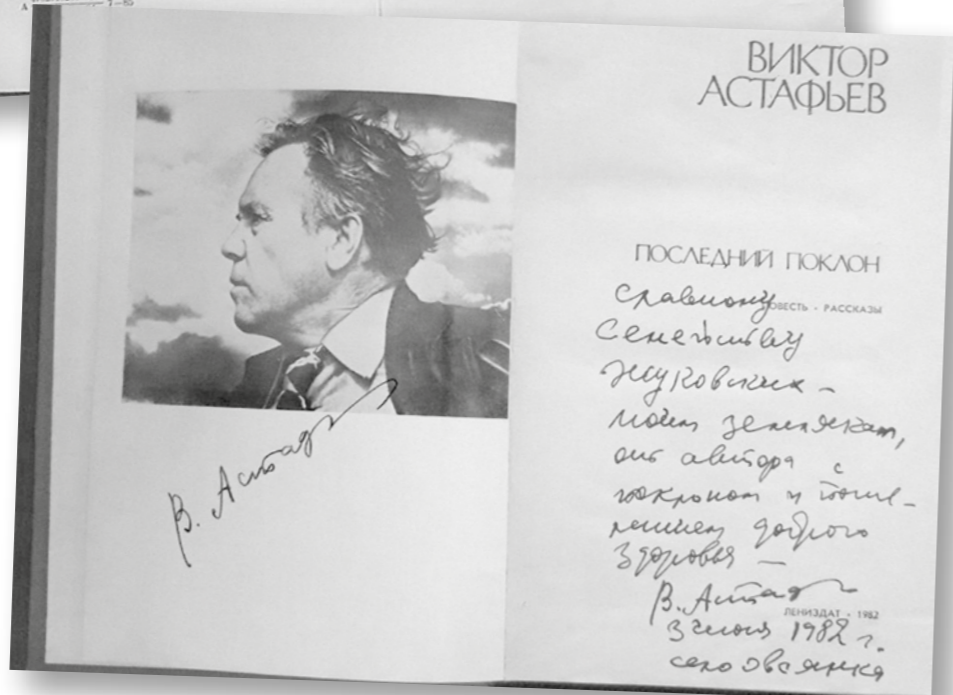
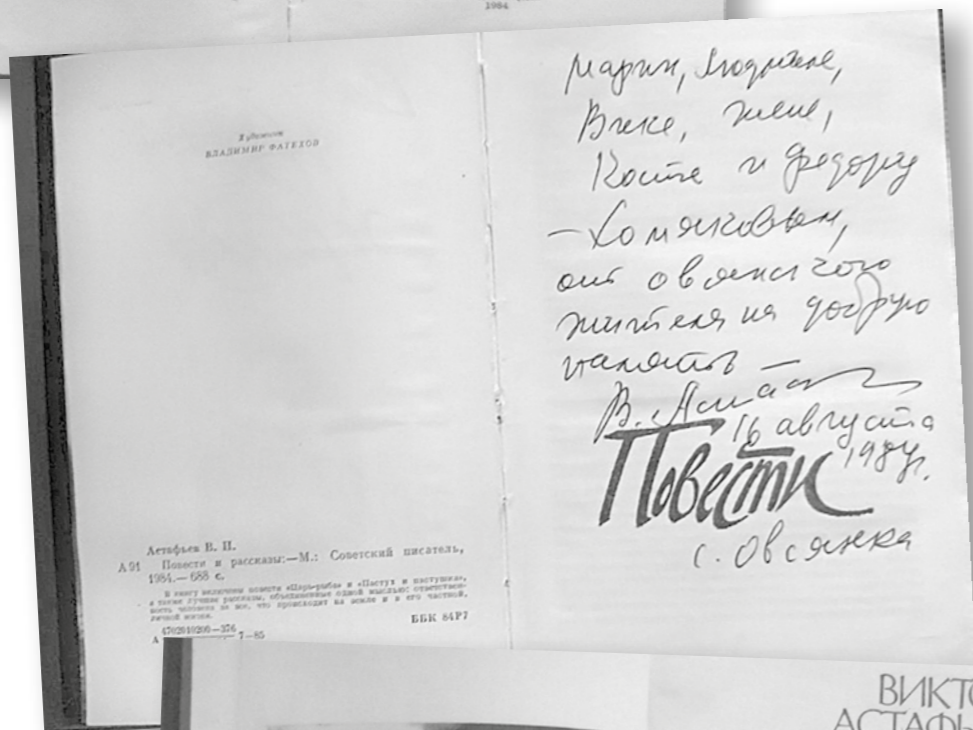
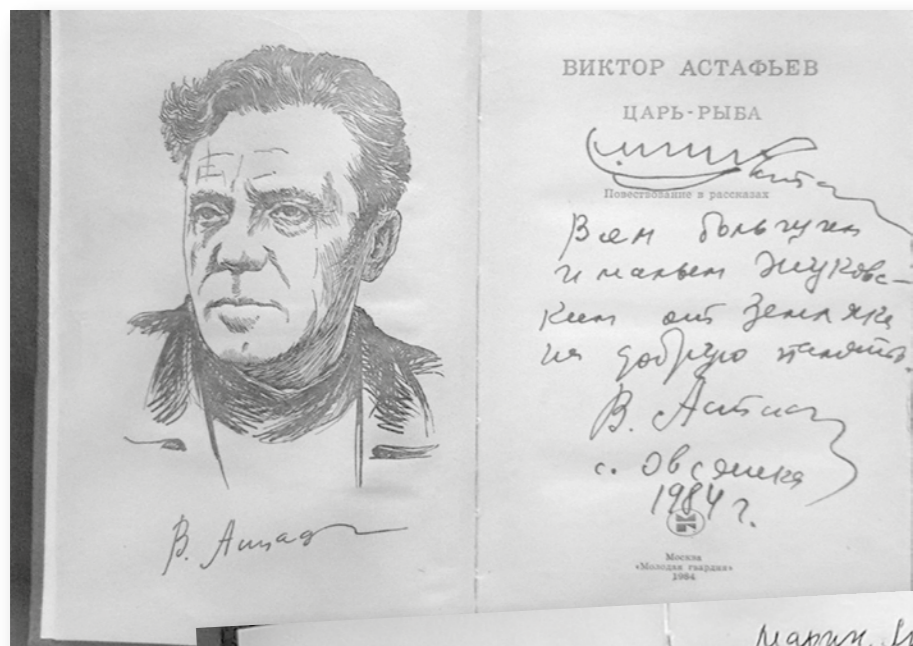
И еще одно запретное место было, которое мы любили, – остров Овсянский. Катер возил по Енисею рабочих ДОЗа, дачников и нас прихватывал. Нам тогда было 9-10 лет. Мы весь день там купались, потом нас катер забирал. А бабушка всегда узнавала, что мы были на острове. Я все гадал – откуда она знает? Оказывается, сам же катерщик дядя Андрей, который нас на остров возил, ей и рассказывал. Мол, я сейчас твоего туда-то отвез. Сам нас на это дело подбивал, сам и сдавал.

Сейчас я вот пришел к берегу – и сразу оказался у Енисея. А раньше по берегу шла широкая дорога, по ней грузовики, лесовозы шли с ДОЗа. А там, где ЛЭП сейчас, было много земляники, грибы. Мы там и в индейцев играли. У нас особо-то спортивных площадок не было, только в Молодежном, но это далеко, неохота туда ходить. В футбол играли на поляне, купались в Енисее – вот и все наши развлечения. С местными ребятами играли еще в шахматы, ну и в карты, естественно. Зимой бегали на лыжах, на коньках – каток опять же был на Молодежном. Так что катались здесь, когда речка замерзнет.

И на Фокиной речке жизнь тоже кипела. Люди там собирались праздники отмечали, песни пели. В общем, можно сказать, у меня было счастливое детство. Есть что вспомнить.

На фото:
слева в нижнем ряду –
Мария Филипповна,
слева в верхнем ряду –
Владимир Филиппович
Жуковские

Автографы
В.П. Астафьева
семье
Жуковских

Фотографии Овсянки
1960-70-х годов,
предоставленные
К.Ф. Хомяковым

КРАЕВЕДЫ ИЗ ОВСЯНСКОЙ ШКОЛЫ

Школа села Овсянка №7 имени В.П. Астафьева совсем небольшая – в ней учатся около 200 ребят. Тем не менее в школе действуют сразу несколько краеведческих и исторических объединений. Самое известное и масштабное – поисковый отряд имени В.П. Астафьева, которым руководит учитель истории и обществознания Александра Васильевна Шуднева.

В школе, кроме того, на постоянной основе действует проект «Интересные люди села», проводится фестиваль «Родом из Овсянки» (координирует их замдиректора по воспитательной работе Ирина Анатольевна Кошкина).

Неудивительно, что ученики и педагоги овсянской школы поддержали и наш проект. Мы, в свою очередь, были удивлены тому, насколько бережно ребята и их родители сохраняют истории своих семей и насколько хорошо и глубоко их знают.

В книгу мы решили включить рассказы ученицы 5 класса школы №7 села Овсянка Юлианы Мельниковой и ученика 3 класса Владимира Паутова.

ЮЛИАНА МЕЛЬНИКОВА
ученица 5 класса школы №7 села Овсянка

Меня зовут Юлиана Мельникова, я учусь в 5 классе. Я хотела бы рассказать о моём **прадедушке Владимире Яковлевиче Борисове**.

Мой прадедушка родился 25 ноября 1925 года в деревне Черниговка Новосибирской области. 10 марта 1943 года в возрасте 17 лет был призван Чановским районным военным комиссариатом Новосибирской области на военную службу. В Новосибирском военно-техническом училище прошел подготовку артиллеристов и в должности наводчика орудия был отправлен на второй Украинский фронт в воинскую часть 1712 артиллерийского полка 38-й зенитно-артиллерийской дивизии. Принимал участие в операциях на Украине, в Румынии, Венгрии, Молдавии.

С 25 на 26 августа 1944 года в районе Вишеу де-Сус состоялся ожесточенный бой, где прадедушка открыл огонь из своего орудия – артиллерийской пушки гаубицы по атакующей пехоте и коннице, 2 раза ходил в контратаку и убил из личного оружия 7 немецких солдат. За проявленную храбрость был награжден медалью «За отвагу». В феврале 1945 года прадедушка окончил курсы младших лейтенантов и в должности командира взвода продолжил воевать.

После увольнения в запас 15 июля 1945 года вернулся в деревню Черниговку, работал электриком на маслозаводе. Женится на Любове Лукьяновне Василенко, растит дочь Галину.

В шестидесятые годы прадедушка приехал с семьей на строительство Красноярской ГЭС, работать начинал электромонтером на бетонном заводе №1. После того как семья поселилась в поселке Молодежный, прадедушка работал на деревообрабатывающем заводе электриком до выхода на пенсию.

Фото из личного архива В.Я. Борисова

отправкой на фронт зашел к другу, у которого бабушка была знахаркой. Она посмотрела на молодого паренька, вытащила стельки из сапог, пошептала что-то, поменяла их местами и уверенно сказала: «Живой вернешься!». Ранение оказалось легким, так как осколок гранаты попал в пуговку на левом кармане гимнастерки.

Еще одно воспоминание – о пианисте из Ленинградской консерватории, который однажды в полуразрушенном здании увидел рояль и долго играл музыку Шопена, Брамса, Чайковского. Музыка так сильно запала прадедушке в душу, что он стал просить свою дочь (мою бабушку) научиться играть на пианино и когда-нибудь сыграть ему Полонез Огинского. Его мечта сбылась, бабушка стала музыкантом. (О.В. Горбунова, бабушка Юлианы, – учитель музыки и изобразительного искусства в овсянской школе. – Прим. ред.)

В свободное время я занимаюсь в кружке «Фелтинг», рисую, играю в шахматы, люблю снимать пластилиновые мультфильмы, пою в школьном ансамбле «Ассоль», участвую в социальных акциях помощи животным, в школьных мероприятиях, городских конкурсах, стараюсь хорошо учиться.

Мой прадедушка прожил нелегкую жизнь, как и многие другие, на чью долю выпали военные годы. Как сложится моя жизнь неизвестно, но знаю точно, что я бы хотела стать честным человеком, как мой прадедушка.

В свободное время прадедушка любил рисовать. Писал маслом на холсте пейзажи, животных.

6 апреля 1985 года прадедушка был награжден орденом Отечественной войны II степени, почетными грамотами и медалями за добросовестный труд.

18 августа 2002 года моего прадедушки не стало.

Владимир Яковлевич был добрым, честным, начитанным, рассудительным человеком. О войне не любил говорить, но иногда делился воспоминаниями. В сентябре 1943 года, находясь на лечении в госпитале по поводу ранения в руку, он вспомнил, как перед

На семейном фото Юлиана в центре

ВЛАДИМИР ПАУТОВ,
ученик 3 класса школы №7 села Овсянка

У меня большая и очень дружная семья. Мы часто собираемся вместе. Я люблю слушать истории о том, как раньше жили мои родители, дедушки и бабушки, рассматривать семейный альбом. Мои дедушка и бабушка много рассказывают мне о своих родителях. Но иногда они не могут вспомнить какие-то события из их жизни, ведь прошло уже очень много лет. В 2019 году я побывал на родине моего дедушки в Колывани. **У меня появилась идея сделать альбом о моем прадедушке Паутове Василии Кирилловиче Паутове.**

Мой прадедушка родился 23 декабря 1923 года в селе Усть-Белое Алтайского края.

Ему не исполнилось еще и 18 лет, когда он был призван в ряды Рабоче-Крестьянской Красной армии. Участвовал в освобождении Молдавии, Румынии, Венгрии, Чехословакии. Гвардии сержант Паутов В.К. воевал на должности командира отделения, а затем помощником командира взвода.

Мой дедушка был участником Сталинградской битвы – одного из самых страшных и решающих сражений Великой Отечественной войны.

В феврале 1942 года воинский эшелон, в котором ехал на фронт дедушка, прибыл под Тулу. Последовали команды: выгружаться, строиться, а затем многокилометровый ночной марш. И прямо с марша в атаку.

Этот бой навсегда остался в его памяти. Тогда их, молодых, кое-как обученных ребят, бросили на штурм хорошо укрепленных позиций противника. Каждый бугорок, каждый откосик немцы тщательно полили водой, а мороз превратил все это в ледяной панцирь, по которому невозможно было нормально пройти, а не то что спрятаться куда-то. Огонь противника был настолько плотным, что нельзя было поднять голову, и для того, чтобы вести ответный огонь из своего пулемета, деду приходилось обкладывать свою позицию телами убитых солдат.

В августе дивизия была отправлена под Сталинград. Ночью, не доезжая до города, высадились из эшелонов и двинулись к фронту. Дивизия, в которой воевал дедушка, вошла в состав Донского фронта и вела оборону города. Днем шли бои, а по ночам солдаты собирали и хоронили погибших однополчан.

19 ноября наши войска перешли в наступление на Сталинградском направлении. На позиции противника обрушился шквал артиллерийского огня. По словам деда, стоял такой грохот, какого он не слышал до самой победы.

На войне дед был четырежды ранен, но после госпиталя снова возвращался в свою часть и воевал за свою Родину.

За боевые заслуги он награжден двумя Орденами Славы, II и III степени, Орденом Великой Отечественной войны I степени и многими медалями.

После войны вся жизнь деда была связана с лесом. Придя с фронта, он продолжил дело своего отца, который погиб в 1942 году. Заочно учился, чтобы быть хорошим специалистом в своей отрасли, многое узнал о лесе, о деревьях и травах, о зверях и птицах.

Став специалистом, дед многие годы разводил лес. Под его руководством сделаны посадки не на одном десятке километров вокруг Колывани. В поселке на месте бывшего пустыря шумит молодая березовая роща. Берег водохранилища не стал осыпаться, его украсила

Василий Кириллович Паутов

целая аллея из тополей. Вдоль трассы Курья – Колывань шумят лесополосы из молодых сосновых посадок. Склоны горы в центре поселка украсили сосны-великаны. Новые леса, шумящие вокруг Колывани и за ее пределами, – это все труд моего прадедушки.

Но у деда есть еще одна необычная заслуга, вызывающая не меньшее уважение, – это музей леса, созданием которого он занялся, когда пошел на пенсию.

Все пришлось начинать с нуля: учиться умению оформлять экспозиции, поймать и сохранить красоту крыльев бабочек, делать чучела животных и многому другому. Все это он делал совершенно бескорыстно, не получая за это ни копейки. Зато, как живые, стоят в музее на лесной поляне красавцы лоси и хозяин здешнего леса – огромный бурый медведь с устрашающими клыками. А еще макет пасеки на лесной поляне, фигурки вальщиков и обработчиков леса, спилы различных пород деревьев

и фотографии самых живописных окрестностей Колывани. Трудно даже перечислить все экспонаты, которыми располагает музей.

И за всем этим стоит огромный труд скромного пожилого человека. Недаром ему присвоено высокое звание Заслуженный лесовод России.

По словам деда, прадедушка был очень скромным человеком и не очень любил рассказывать о войне. О его военных подвигах мы узнали из документов, размещенных на сайтах «Подвиг народа», «Солдаты Победы», «Победители». А лесные посадки и музей леса в Колывани – свидетели многолетнего труда моего прадедушки. О моем дедушке помнят не только в нашей семье. В Колыванской школе тоже хранят память о дедушке. Ребята собрали материалы о нем, оформили стенд. **А действующий музей леса, который ежегодно посещают тысячи туристов не только нашей страны, но и других государств, – пример преданности и любви своей Родине, делу, которому он посвятил свою жизнь.**

ПОТЫЛИЦЫНА АННА КОНСТАНТИНОВНА

Анна Константиновна Потылицына (урожденная Шахматова; 1913-2007) – тетушка В.П. Астафьева, жена его родного дяди (брата матери) Николая Ильича Потылицына (1911-1985). Анна Константиновна, как и Николай Ильич, родилась и всю жизнь прожила в Овсянке. С Виктором Петровичем ее связывали теплые и близкие отношения вплоть до последних дней жизни писателя.

Анна Константиновна – прототип образа Нюры-песельницы в повести «Последний поклон»; ее супруг Николай Ильич является прототипом образа Кольчи-младшего в «Последнем поклоне», затеси «Большой стратег» и других произведениях.

Воспоминания А.К. Потылицыной были записаны в начале 2000-х годов В.Г. Швецовою. В книгу они вошли в отредактированном и сокращенном виде. В раздел, посвященный А.К. Потылицыной, мы также включили воспоминания о ней Антонины Федоровны Пантелеевой – ученого-филолога, фольклориста, преподавателя Красноярского государственного университета, кандидата филологических наук. **В течение многих лет Антонина Федоровна руководила студенческой фольклорной практикой, проходившей в том числе в Овсянке.** Результатом этих экспедиций стал сборник «У астафьевских родников. Фольклор Овсянки и Усть-Маны», вышедший в свет в 2003 году и подготовленный при участии сотрудников Библиотеки-музея В.П. Астафьева. В отдельной главе книги собраны песни, записанные от Анны Константиновны Потылицыной.

**Анна Константиновна Потылицына и Виктор Петрович Астафьев.
Овсянка, август 1998 года**

«МЕНЯ ЗДЕСЬ ЗОВУТ «АСТАФЬЕВА ТЕТКА»

Воспоминания А.К. Потылицыной

Я, Потылицына Анна Константиновна, родилась 23 января 1913 года в селе Овсянка. Родители мои были крестьяне. Отец рассказывал, что в сиротстве вырос, и мать так же. **Мама была Шахматова Анна Петровна, а папа – Шахматов Константин Федорович.**

У нас семья считалась маленькая, потому что нас у родителей четверо ребятишек было. Старшая сестра – Ирина Константиновна 1905 года рождения. Брат был, Алексей Константинович 1908 года рождения – погиб на фронте, хороший парень был. Дальше уж я иду. А четвертый, Александр Константинович, с 1917 года. Он учиться хотел, да его не принимали, в ФЗУ пошел и все. Отец-то помер в это время, он у нас и остался один. И нам-то помочь ему нечем.

А сдавал он в институт. Коля-то мой (Н.И. Потылицын, супруг Анны Константиновны. – Прим. ред.) приехал к нему – брат в общежитии живет, у туфли подошва отстала, а он кончает институт. Война уже была. Коля приезжает говорит: «Саша-то босиком ведь ходит». А мы как раз нетель сдали, и деньжонки у нас тут появились, и, значит, он говорит: «Купим катанки ему». Поехал купил ему катанки на зиму. Трудно ему жилось, войну захватил он.

**А.К. Потылицына,
1950 годы**

Я помню, я была лет шести-семи. Где-то это двадцатый год был. И вот, по-моему, в Троицу катер подошел. Приехала молодежь, все с наганями. Пьяным-пьяно. Они в вольной были одежде. И они давай поросят ловить, у кого бегают поросята.

У нас, где сейчас медпункт, дом стоял пустой. И они собрали там мужиков на сходку. А вот че они говорили, я этого не помню. Но подняли они драку, стрельбу. Стреляли и в потолок, но, видать, не все были вооружены. Если бы все, они бы выбили Овсянку. Одного убили насмерть они овсянского и ранили двоих, кажется. Вот тут взяли мужики дробовичишки, свои ружьишки. И давай их понужать кто палками, кто чем. И разогнали. Некоторые успели на катер и уехали, а один переплыл Енисей с испугу и бежать. А уже стояли красные за Мониной примерно и речкой Караульной вышли. Они хотели нашу деревню всю поднять на воздух.

Говорят, и Колчак проходил через Овсянку, но я этого не помню.

Я помню, казаки шли, казаки ехали. Справляли им все: еду, мясо, сало. Я помню, у мамы печка топится, отца нету. Мы еще небольшие. И они: «Давай кормовать, давай». Она говорит: «Вот че есть, все вытащу, хоть обыщите!» Че было, она им поставила, что-то стала им говорить. А они: «Замолчи, а то сейчас в печку забросим тебя». Печка-то топится русская. А мы тогда под кровать забрались с испуга. Вот это врезалось в память.

Вот напротив, как мост Манский проезжаешь, на той стороне Енисея домики, вот там мы во время войны весь берег объехали. Как навигация, сейчас сни-

мают навигацию там открыть (Н.И. Потылицын был бакенщиком. – Прим. ред.). Приедет начальство или вызывают в контору, что ты должен идти. Вот Серебрянка есть, Минжуль, мы открывали там навигацию. Между ними километров 30, как не больше. Потом обратно.

А я-то с дочкой Галей, она совсем маленькая была. А трое детей у нас схоронены. Жили плохо, как раз голод был – тридцать второй, тридцать третий годы. Мало их тогда выжило. Я уже на Мане работала с чужими мужиками. Есть нечего. Там дают кусок – молодые, есть охота, наработаешься. А в войну-то все годы были голодные, считай. Военные эти налоги-то какие платили большие. Коровенку имели – масло сдавали, мясо сдавали. Если курицы есть, яйца отдай. Кое-как выжили. А теперь вот говорят: «Ой, худо!»

Вот мы с Виктором (В.П. Астафьев. – Прим. ред.). Он хватил голоду и холоду, дак он не понимает вот это, что худо. Ну, сейчас, конечно, он зарабатывать начал. А сколь он пережил, он это помнит. Какой он голод пережил, какой холод.

Анна Константиновна поздравляет В.П. Астафьева с 75-летием. Май 1999 года, Астафьевская библиотека

Отец мой в 1932 году ушел из колхоза. Колхоз продержался до 1937 года. Я в колхозе два раза побывала: с отцом зашла, потом, когда отец ушел, и мы ушли, я пошла на сплав работать. А потом уж вышла за колхозника, пришлось вернуться в колхоз.

Муж мой Николай здесь родился, в Овсянке, Виктору Петровичу он дядя родной. Мать его, Виктор, была сестра родная моему мужу. А меня зовут «Астафьева тетка», потому что я одна осталась в его родне. Любима тетка. И он у меня любимый, он добрый. Бывает, может, что и горячий, не без того.

Они, Потылицыны, все горячие, но ненадолго. Могли и фугануть, и сказать. А драться с женами никогда не дрались. У них все братья хорошие, моего-то мужа. Сказать вот – десять человек Катерина Петровна вырастила. Десять человек – и все мужики хорошие.

Когда отец ушел с колхоза, и мы с братом ушли. Отец купил конишко. Мы уже разбрелись, надо работать. Я одиночна была. Мне, наверно, шестнадцать годов. Уже пошла работать багром с чужими мужиками. С пилой на сплаве, работа тяжела. А когда на него взъелись, что он ушел да конишко купил, всё сдал, как есть. Были лошади, были коровы – три или четыре. Лошадей было четыре, запрягали. Пашни немного было, наши заимки. Тележная дорога туда была и пешком ходили. Это сейчас далековато, а раньше было ничего.

Ну вот и давай, и давай его, отца-то. Его под кулачество и подвести-то нельзя – ничего у нас не было, домишко недостроенный.

Выгнали нас, и мы пошли. **У нас все отобрали. Мама у меня помешалась. Отец тоже загоревал.** В 1932 году он еще работал. В 1934 году умерла мама, а через год и отец.

Что у него было – своими руками все делал. Старый домишко вот этот. Только мы маленько начали подрастать, он этот дом поставил. Пять лет прожил в нем, не больше. Так непокрытый дом и остался. Он хотел красиво его покрыть, железом, и покрасить. И вот он все это продал и купил на это конишко. Это же ужас! Сейчас этот дом в Слизневой, его перевезли. Я знаю, где он стоит. Зачем было изломать такой дом? Три или четыре дома у наших овсянских разобрали и увезли. Че-то все ломали? Народ был такой, со злости, что ли. Председатели наши были. Вот таких пошлют, что он и руководить не может, но начальник над деревней.

В школе я училась в Овсянке, а дале Овсянки никуда. У нас и родители родились тут, и выросли, и мы, и у мужа так же.

Школа, в которой я училась, находилась, где первый переулок по дороге, где Виктор Петрович живет. Вот этот переулок выходит прямо на первую школу. До той второй школы, которая потом в доме Астафьевых была, школа была у нас вот по Набережной. При школе была небольшая комната, как бы сторожка, там учительница жила. Она с отцом приехала. Я была любопытная, видать, росла, – к ним приходила в гости: что-то надо было мне с ними разговаривать. Она молоденькая была, поэтому отец и не пустил ее сюда одну. Они были люди городские. Нина Петровна учительница эта, я запомнила ее хорошо.

В школу я пошла, годов, наверно, в девять или в восемь. Потом была вечерняя школа, в этой же школе у другой учительницы. Ее я не помню. В вечерней, может, зиму поучилась, и все. Подошли к жизни-то мы такой – началось раскулачивание. А когда у Виктора Петровича сослали стариков, вот тогда уж школа-то Астафьева была. (После раскулачивания семьи Астафьевых их дом был приспособлен под школу. – Прим. ред.).

А.К. Потылицына и В.П. Астафьев, 3 октября 2000 года

Через дорогу от теперешнего домика Виктора Петровича его бабушка Катерина жила. Вот там большая была семья. Они занимали весь дом. Потом молодые парни армию отслужили, сразу же женятся – и свой дом у них. Грамотным он вышел (*Речь о В.П. Астафьеве. – Прим. ред.*), ему бог дал такой талант. Он вот пишет, ведь он все правильно пишет, нисколько не преувеличивает. Да еще ведь всех хуже прожил, ведь у него такое детство-то.

Когда я со своим сошлась – ни свадьбы, ничего не было, сошлись, да и все. Наше поколение сильно плохо прожили. Только начали жить, пускай бы в деревне, своим хозяйством – и вдруг этот колхоз и раскулачивание, все в одно время. Люди так бились, не знаю куда, в колхоз боялись идти. Которые не отдали все в колхоз, так у них отобрали. Выбора у людей не было. Есть такие, кто бросали дома и уезжали. Город близко. В город уехали, дома бросили.

У нас отцу сказал мой крестный: «Кум, бросай все на свете. Что можно, продавай, что нельзя, бросай!» Но из деревни боялись ехать в город жить.

Единолично-то совсем другая жизнь была. Советовались они: вот сегодня надо ехать, наши пашни далеко все-таки. Переезжали туда, там свой домик небольшой был, печка. Как дачи примерно. В земле они толк знали, и разумно, и хорошо, все у них вовремя было. И нами руководили: «Давайте, ребяташки, вот это вы сегодня должны сделать и вот это». Все было по порядку. А теперь... Вот сейчас у нас, например, весна. Мы тогда все бежали пилить дрова. Мы много дров заготавливали, зимой возили дрова продавать на базар в Красноярск. Возили на лошади, на саях, дорога хорошая по льду. У нас сильно коней любили мужики, все как есть на лошадях у них.

В.П. Астафьев среди родственников в Овсянке, на Фокиной речке

Отец уже к посевной готовится, там уже сеять начинает, а мы долго пилим. Потом отцу помогаем. Ну а там уже пошло полоть, это женское дело – полосы прополоть. В Петровке мужики уже пахут, землю на будущий год готовят. Все грядки здесь были, а там поля, картошка тоже там. Овес, пшеницу, всё там сажали и там же оставляли. Некоторые и рожь, и гречку сеяли.

Когда нас выгнали из дома, я уехала на Ману. **Была еще не замужем, но потом вскоре вышла замуж за Николая, в 1934 году.** В 36-37 годах мы с ним в колхозе работали. У нас тогда в Овсянке посадили семь мужиков, которые в колхозе тоже работали. Вроде там целая партийная шайка. В начале 1937 года их посадили. Да их ни за что, просто надо было их выгнать, а сами на их места встать – кладовщиками и прочее. Всякую ерунду про них плели. Потом на суде заврались. В общем, им ничего не дали, нашим мужикам. И колхоз весь развалился. **Увезли всех наших коней и коров в Есауловку куда-то. И дома. Домов много увезли. Вот и дом Астафьевых, школу, тоже увезли.**

Вот где стоит библиотека, там старенький был дом, тоже раскулаченных и сосланных. Наверное, есть он и на фотокарточках. А был там поссовет. И вот когда началась библиотека, я начала ходить туда. Там газета есть в библиотеке. Когда был праздник Овсянки, и вот я там много писала, кто выучился у нас в Овсянке. **Астаховых семью я знала. Семья-то у них большая была.** Они приезжие, не помню, в каком году приехали. Он был кузнец хороший. И дети все хорошие. Все выучились. Друг друга уже учили, так сказать, помогали.

Дочь у меня, Галина Николаевна Краснобровкина, работала в институте, в проектном в красноярском. Инженер какой-то, я путем-то не расскажу теперь. Она заканчивала техникум в Красноярске. Муж был летчик у ней. (*Галина Николаевна Краснобровкина – директор Мемориального комплекса В.П. Астафьева в Овсянке. – Прим. ред.*)

Часто ко мне приезжает сын Юра. Юра работает тоже у хозяина на алюминевом, крановщиком. Работа тяжелая, пыльная, вредная. Зарабатывают не сильно. Ему вот будет 55 лет в субботу. Говорит, что хлопчет уж че-то по пенсии. Дак не знаю, что у них получится как? Теперь ведь везде крутят, лишь бы не платить. Тут вот начальник: «Зачем тебе пенсия, пенсию-то будешь получать, мы тебя и уволим». Какое ихно дело. Работать будет. Получать будет государственное, не его ведь.

У Юры семья. Жена – врач, Галина Михайловна Потылицына, преподаватель в мединституте. Сын психиатр, Роман Юрьевич. И еще внучка, двадцать первый год ей, тоже институт уже кончает, Василина Юрьевна. Семья очень хорошая у них.

Роман тот бедненький, у них же сильно плохо платят врачам. Умница, хороший такой. И Сережа такой. Он книгам торгует, магазинчик какой-то есть у него. Юре тут говорю: «Юра, ты бы хоть свозил меня в город. Я, наверно, у вас года два

*Николай Ильич
Потылицын,
1935-36 годы*

А.К. Потылицына с сыном, внуком и правнуками

не была». Он говорит: «Годов пять не была, вот сколько». Юра у меня тоже добрый. У меня добрые ребяташки, добрые, хорошие. И отец был добрый, гостеприимный. Он сказал бы: «Ну, ты че сидишь-то, че чай-то не налаживаешь, ты че поесть-то». Это уж первым долгом. У нас вот так было у всех.

И у нас в нашей семье родной, и туда вышла – и там такая же простота. Екатерина Петровна – простая она была, только она серьезна была. Но серьезна как, все-таки десять человек их вырастить надо.

Раньше внучата были здесь всегда. А нынче не едут ни один. Вот сяду вот так и подшибусь. Другой раз и заплачу. А потом думаю, да че я, дура, плачу-то, не едут – и хорошо, что не едут. Значит, у них все хорошо.

«В ЛЮБУЮ МИНУТУ ОНА БЫЛА ГОТОВА ЗАПЕТЬ»

Воспоминания А.Ф. Пантелеевой об А.К. Потылицыной

Никогда не умела я понять, тем более объяснить, отчего «Последний поклон» мне кажется книгой, насквозь пронизанной-просвеченной-прогретой солнечными лучами. Как это возникло, откуда берется у меня это чувство: ведь только сунься в текст и сразу же наткнешься на какую-нибудь насаду: «Мужики – дедушка, Кольча-младший и я – слушали бабушку и понимали, что с нею не пропадем, лишь бы не сдала она, не свалилась». И таких насадных ситуаций полным-полно, но всегда находился лучик надежды: «Ничего, мужики, ничего. До весны доживем, а там...»

Возможно, это вот солнечное восприятие усиливается длительным знакомством и общением со многими, так сказать, героями «Последнего поклона», которых застала в живых. Обласкана теткой Августой, особенно за студентов филологического факультета КГУ, особенно юношей, которые во время фольклорной практики чисто выпалывали ее огород в благодарность за ее песни и рассказы. Смеялась вдоволь над остроумными речами тетки Апрони, диалоги с нею запечатлены и Виктором Петровичем.

Встречалась в тексте «Последнего поклона» и Анна Константиновна, увидев которую впервые, я была поражена большим сходством с Виктором Петровичем. С годами это сходство усиливалось, только лицо ее неуловимо напоминало еще и преподобного Серафима Саровского, одного из самых почитаемых ею святых. Это сходство замечала не я одна: по моему описанию без посторонней помощи нашла ее в толпе приехавшая на «Литературные встречи» Надежда Тихоновна Добровольская, учительница Новокамалинской школы Рыбинского района.

А.К. Потылицына в доме Екатерины Петровны Потылицыной – бабушки В.П. Астафьева. 2001 год

Очень много Анна Константиновна помогла успешному течению фольклорной практики студентов КГУ, которой я руководила.

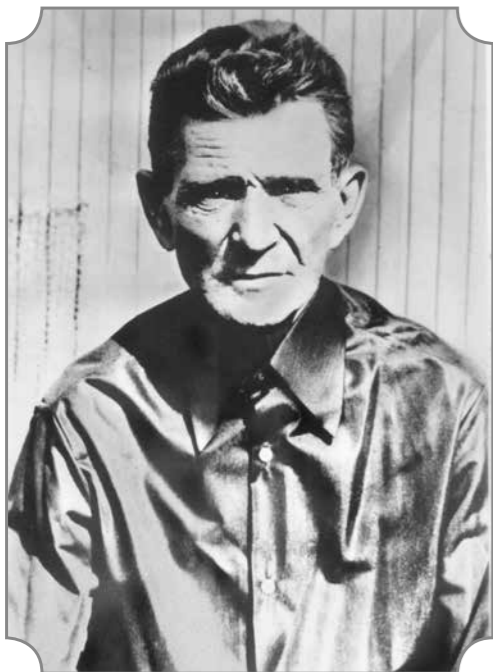
На мое сетование, что народ отнекивается, трудно раскрывается, она отозвалась очень живо: взяла меня за руку и предложила пройтись по улице. И вот: одну она обнимет-поцелует, другой пригрозит, что любить ее не станет, если она не будет помогать, третью начнет увещевать: «Думашь, легко Антонине со студентами-то управляться? А вот твоим бы детям так отказывали бы, а с них ведь спросится, их работа оцениваться! Да и что Овсянку-то срамить, что мы песен не знаем, не певали?» С каждым встречным свой разговор, но со всеми – с любовью.

Вот главное ее «оружие» – любовь. Смысл и двигатель ее дней всегда и во всем.

Николай Ильич, Кольча-младший, тогда уж был серьезно болен, но меня встречал так же приветливо, как и она: усаживал пить чай, принимался мне пересказывать какую-нибудь книгу, однажды особенно подробно передал роман А. Черкасова «Конь рыжий», да так талантливо (вероятно, это у них в роду, ибо и не очень разговорчивые их дети, Галина и Юрий, если уж прервут свое молчание, то заслушаешься), что я затихала и внимала, пока Анна Константиновна не вмешалась: «Ты, Коленька, соображаешь, кому это рассказываешь? Она студентов учит!»

Я совершенно искренне заступалась, просила продолжать рассказывать, мне действительно интересно было его слушать.

Анна Константиновна просила приходить к ним с утра пораньше (вместе со студентами ночевала я в поселке Молодежный, а во второй половине нашего пристанища жили молодые строители-грузины): «Приходи пораньше, а то он еще затемно

Н.И. Потылицын

начинат спрашивать, пришла ли Тоня. И днем почаще к нам заходи».

Тут была некоторая «хитрость»: Анну Константиновну огорчало, что все труднее было уговорить мужа поесть, а со мной он по долгу гостеприимства поднимался и усаживался лиш- ний раз попить чайку, ибо одна я чаевничать от- казывалась, Анна же Константиновна могла со спокойной душой отлучиться по разным быто- вым надобностям: не одного оставляет. Она пе- редала мне его последние слова привета: узнав, что я уехала навестить родных, больную маму, Николай Ильич сказал: «Если бы Тоня была здесь, она вылечила бы меня». Мы с Анной Кон- стантиновной так истолковали его слова: болел он довольно долго, все повседневные заботы ле- жали на Анне Константиновне. Дети не рядом, в городе, работают, приезжают в выходные, а я посижу с ним за чайком, да попрошу что-нибудь рассказать, принесу свежую ягоду с огорода, и такая вот малость больному была отрадой.

Само собой разумеется, что поминаю его в своих молитвах, как и всех родных, о которых рассказывала Анна Константиновна: особенно часто о своем отце, сы- ночке Петеньке, который прожил на свете всего пять годочков, о любимом брате Александре, водила меня на могилки.

На фото в центре – Анна Константиновна Потылицына

Я еще застала довольно бога- тые количеством родни и голосо- ми овсянские застолья. Не были мне в диковинку сибирские песни, сама росла в деревне Покрово-Тугач Ирбейского района Успенского сельсовета Красноярского края. Но то ли стала старше, то ли уже редко доводилось слышать такую мощь, но в первом моем в Овсян- ке застолье случилось вот что: меня, как одну из гостей, усадили в центре, я была в веселом, счастливом расположении духа, и не пришло в голову запасть лишним носовым платком. Впрочем, немного проку было бы от него, тут понадобилось бы целое полотенце. Внезапно я ощутила, что не только щеки, но все лицо, шея, грудь были залиты ручьями. Растерянно я стала выбираться из-за стола, постеснявшись, не дога- давшись попросить какую-нибудь тряпицу. Кто заметил мои слезы, начали спрашивать, в чем тут дело; Анна Константиновна быстро нашла какое-то убедительное объяснение, и все успоко- ились, тем более что я очень скоро вернулась в застолье и включилась в хор...

И душа моя плакала, до конца еще тогда не понимая причину. Анна же Константиновна в любую минуту готова была запеть.

А.К. Потылицына, начало 2000-х

Во дворе Потылицыных

После кончины Николая Ильича она сильно загрустила. Поскольку моя мама умерла вскоре после его ухода, то я, что называется, зачастила в Овсянку. Анна Константиновна просила меня не говорить ее детям и внукам, как сильно она скорбит. Возьмет, бывало, горсточку земли на огороде, рассматривает ее и говорит: «Все-все меня отседа выживают с этого света. Смотри, в земле какие-то червячки, коих я никогда не видывала, капусту вон кака-то холера ест. Все-все выживают меня с этого света...»

Станет вспоминать, как они, бывало, сядут на скамеечке в огороде, начнут ворошить все дорогое-пережитое, «забумчат» свою любимую песню «Однажды в комнате уютной...» Уж в самые последние дни своей жизни Николай Ильич посокрушался о том, как мало он говорил ей о своей любви слов: «А ведь я тебя сильно любил». Можно подумать, что Виктор Петрович «списал» такое объяснение в любви отсюда в рассказе своем «Ясным ли днем», да рассказ-то написан намного раньше. Никогда не могла обойтись без слез, сколько бы ни читала его.

– Ну да, конечно, себя-то жальче всего. Чего доброго, можно еще научиться брюзжать, ворчать, возненавидеть в тоске весь белый свет, всю свою доброту забыть-погубить. Не-ет, я все же Гале скажу, а при случае и Юре. Может, Галя не любит вас?

– Еще не лучше!!! (Когда Анна Константиновна чему-нибудь удивлялась или если что ее возмущало, она произносила это свое «еще не лучше»: «На эту Галю никакой управы нет! Себе ничего не сошьет, дома ходит, как не знай кто, а мне то сошьет платье, то халатик, то блузку, то пальто купит, то плащ. Ну куда мне тут наряжаться? И хоть говори, хоть не говори, не слушатся, все для меня старатся»).

– Так, может, Юра старается вас сжить со свету? – задираюсь я.

– Ну что ты, Юранька меня жалет и понимает.

Как только она возвращалась к грустным мыслям, я напоминала ей о любви, о любящих ее детях, внуках, правнуках, вспоминала о любимых ею людях. Она расцветала на глазах, ибо любила людей, не переставала удивляться и Бога благодарить за свое окружение. Души не чаяла в сотрудниках библиотеки: «Анна Епиксимова такая спокойна, рассудительна, добра; Надежда Яновна все старатся что-то

сделать по дому. Скажешь ей, что ничего не надо, что все в порядке, она оглядится и что-нибудь да найдет и сделает. А как Валентина Георгиевна придет – нахохочешься с ней, обязательно развеселит, будто у самой и горя не бывало. И муж у ей такой славной. Зовут, приглашают меня всегда и на все, что бывает в библиотеке».

Я и сама участвовала в юбилеях Анны Константиновны, которые с великой любовью и вкусом устраивали для нее в библиотеке, спаси, Господи, этих добрых людей!

Да, еще об Ольге Ильичне Захаровой: «Ты только погляди, кака мастерица, как красиво она все устраиват».

Юрий Николаевич и Галина Николаевна – дети Анны Константиновны. Овсянка, 2002 год

– То-то же! Она-то красиво устраиват, а как вы, Анна Константиновна, чучела полюбили ли? Я так и не могу войти туда, в бабушкин дом, душа содрогается от безвкусицы!

Анна Константиновна меня не спросила, о чем это я, тут же сказала: «Ох дал бы им Вихтор за них! Послушали бы они его слов, кое-каких его словечек да выбросил бы их, чучела-то вон!»

Наверное, Анна Константиновна ценила еще многих сотрудников библиотеки, но в общении со мной, вероятно, называла она тех, с кем чаще всего общалась, говорила: все они там хороши, добры. Значит, это и Лариса Николаевна Крашенинина, и Ирина Петровна Владимирова, давно там работающая, и Вера Владимировна Дегтярева, которая, написав диссертацию, не оставляет библиотеки. Верится, что библиотека имени Астафьева всегда будет держаться любовью по молитвам Виктора Петровича и Анны Константиновны.

До последних дней помнила всех, просила приезжать, прибавляя, что уже немогутна, и может быть, скоро уж уйдет к Коленке, тятеньке, Витеньке...

А в тот памятный декабрьский день мы с ней нажарили картошки, приготовили салатики и разную деревенскую снедь и только накрыли на стол – калитка хлопнула и вскоре на пороге Виктор Петрович, громко радующийся: «Ух, как у вас тут тепло! Видел, видел, как вы пометелили, Анна-то шибче Антонины скакала!»

– Садись давай! Небось сам не хуже нас летел, – смеялась Анна Константиновна.

Славненько так мы подкрепились, и когда читали благодарственные молитвы, я еще запела «Царице...». Анна Константиновна вступила сразу.

Виктор Петрович, отметив, как здорово у нас получается, попросил повторить, потом еще. В третий раз уж и он подтягивал.

Помнится мне и совсем иного плана картинка. Июльским днем мы с Анной Константиновной пили поздний утренний чай, и она вздохнула о старости. Я со смехом сказала, что от старости у нас на столе есть замечательное средство. Анна Константиновна удивленно подняла бровки, а я, схватив крупную клубничку, быстро-быстро намазала свое лицо и, не дав опомниться, то же самое сделала и с ее лицом. Она спросила:

– И я така красна?

– А то как же! Еще краснее!

Тут в дверь легонько постучали и вошел ее племянник Леня. Анна Константиновна всполошилась: «Ой, Леня, ты уж, пожалуйста, не говори никому, тетка-то твоя самашедча, умок-то потеряла на старости лет! Это Антонина, не спросясь, меня так разукрасила!»

– Ну конечно! – сказала я со смехом, – это Анна Константиновна меня научила!

И все трое мы превесело смеялись, особенно при еще одной просьбе Анны Константиновны «никомушеньки» об этом не говорить.

– Садись, Леня, чай пить, салатик попробуй, Антонина готовила, не знай от чего и помрешь, столь всего она туда пихат, правда, мы уж ели его и, как видишь, живы.

Май 2004 года. А.Е. Козынцева – первый директор Астафьевской библиотеки – с А.К. Потылицыной

Иногда летом, прикатив в Овсянку ранним утром, я не заходила в дом, а шла в огород и садилась на грядку прополоть сколько успею. Успевала же немного, ибо Анна Константиновна не грешила многоспанием. Вскоре раздавалось: «Ах тошно мне! Гостенька на грядке! Да как же Тишка тебя пропустил, не подал голоса?!»

Тишка – это собака, целую повесть написать – до чего умна. Скажу только, что запросто можно было определить, в каком углу Овсянки искать Анну Константиновну, если не застанешь ее дома. Тишка везде и всюду неотступно следовал за ней.

С ним бесчисленные разговоры вел и Виктор Петрович, до чего осмысленные очи в ответ смотрели. Прямо-таки личность!

Однажды на летней кухне Потылицыных собрались особенно голосистые песнопевницы, чтобы для студентов спеть старинные песни. Особенно сильные голоса были у Анны Константиновны, ее двоюродной сестры Елизаветы и Анны Павловны Юшковой. Студенты прилежно записывали их на магнитофон. Вдруг в форточку просунулась довольно крупная голова Тишки и подала голос. Очень даже выразительно подпел!

Можно представить, какое тут поднялось веселье! Как ни настраивались потом, записывать больше не могли в этот день: кто-нибудь да не удержится – прыснет.

Возможность побывать в церкви была для нее величайшей радостью. Поскольку в Овсянке церкви не было, она вместе со мной выбиралась в Никольскую кладбищенскую церковь, знаменитую еще и тем, что в годы войны в ней служил архиепископ Лука Войно-Ясенецкий, хирург, автор трудов по гнойной хирургии, позже автор духовных книг «Дух, душа, тело», «Я полюбил страдания» – не только потому, что я прихожанка этого храма, но именно на том кладбище похоронен особенно ею любимый брат Александр.

*А.К. Потылицына и А.Ф. Пантелеева в Астафьевской библиотеке.
День памяти Виктора Петровича, 2002 год*

Церковь св. Иннокентия Иркутского в Овсянке

Однажды мы с Анной Константиновной пережили там нечто мистическое. Было чудесное воскресное утро, мы вышли пораньше, ибо она опасалась, что не скоро сама сумеет отыскать эту могилу. Войдя в кладбищенскую ограду, мы помолились и свернули, было влево. С минуту шли и вдруг услышали сильный, чистый мужской голос: «Идите правее, правее». Мы замерли на месте, а голос повторил: «Идите правее!».

Перекрестились мы, и я сказала: «Посмотрите, Анна Константиновна, какая роса, давайте на могилку пойдём уже после службы». Она молча кивнула, и мы отправились в церковь. В церкви она всегда буквально распластывалась перед аналоем, благодарила Господа за счастье, возможность помолиться там.

Ночевала она в такие дни у меня, умоляя внука, живущего неподалеку, не обижаться, потому что нам надо было готовиться к исповеди и причастию. Сережа относился с пониманием, и если на другой день он был свободен, то приезжал к концу службы на машине и вез свою любимую бабушку домой, случалось, что и в Овсянку.

Радости Анны Константиновны не было границ, когда появилась часовенка в Овсянке. Молодого священника, о. Александра, она называла «мой батюшка». И он отвечал ей любовью: соборовал, причащал дома, когда она уже не могла стоять на молитве в церкви. Причащал и тогда, когда она перестала видеть. Племянница Наталья, дочь Александра, врач, настаивала на операции, но Анна Константиновна не решалась, а скорее всего приняла эту беду как Божью волю, молилась, но все же ее иногда настигало уныние и утешить ее можно было скорее всего чтением Евангелия, молитв. Ей очень нравилось чтение дочери, говорила мне: «Галя красиво молитвы мне читает, только вечером, потому что днем работают». В последнее время она стала плоховато слышать, и тогда я садилась с ней рядом и прямо в ухо читала псалмы и молитвы. На прощанье говорила ей, чтобы она сохраняла подобие ангела, ибо сходство с ним она обретает, когда молится. Она говорила: «Ты у Гали спроси, что за ангел бывает, когда заблажу, когда нападет на меня дурь, всем тогда тошно».

Гостеприимство в этой семье беспримерное, и стержнем его всегда была Анна Константиновна. Ее шаньги, калачи, булки, пироги, блины и прочие вкусности, мастерски выпеченные отведали и писатели, и журналисты, и артисты, и киношники, и кого только не поили чаем в этом доме! **Вологодский поэт Александр Романов даже воспел в стихах это гостеприимство в стихотворении «В Овсянке»:**

*В Овсянке, в доме тети Нюры
Такие шаньги на столе,
Что не сдержат натуры-дуры –
Опять сидим навеселе.*

С ее пирогами связано немало воистину славных событий, особенно вот это.

Приехала я в Овсянку аккуратно к обеду. Да какому!

Пироги удались на славу! Ела я да нахваливала. После обеда Анна Константиновна наладила гостинец: большую миску с пирогами поставила в пакет и сказала: «Пойдем к Вихтору, гостя его порадуем, Валентина Курбатова. Сам-то он ругатца, знаешь, де, что не могу отказаться от твоих пирогов, вон как пузу наел и не надо мне их показывать!» Я пыталась отнекаться, но Анна Константиновна спросила: «Ты что, така горда или стесняешься? Стесняться нечего, мы несем пироги, свеженьки да румяны!»

И мы явились, застав во дворе Валентина Яковлевича в фартуке, громко сетующего, что то и дело Виктор Петрович заставляет его чистить картошку, мыть посуду, прибираться да еще и не угодишь ему! Виктор Петрович в ответ сочинял всякие небылицы о том, какие неудобства причиняет ему этот постоялец. Искрометные эти сценки – оба непередаваемо артистичны! – довели нас с Анной Константиновной до коликов, да и все вволю нахотались.

Виктор Петрович усадил всех за стол, Анне Константиновне он так обрадовался, будто давно ее не видел. Она потом говорила: «Вот всегда он эдак радуется при

Гости во дворе Потылицыных

встрече. Мы с им с детства понимали друг друга». Когда я ему рассказала, как она радуется этому, он заметил: «Какая, однако, красивая старуха из Анны получилась!»

Я, конечно, передала это Анне Константиновне, она засмеялась и сказала: «В детстве мы с им пели, а теперь гуляю по вечерам. Как устанет от своих книг и писанины, так идет меня звать на прогулку. Беру свой батажок и ходим, часто молчим, я стараюсь не забивать ему голову, пуцай отдыхат. А то, бывает, зачнем спорить, кому вперед помереть. Бывает, скажет: «Вот помру, с кем будешь гулять?» Я зареву на него: «Ты думаешь, что несешь? Ты думаешь, что буровишь? Ты должен меня хоронить-то!» Эдак вот накричу на него, он замолчит, а то скажет, что о часе смерти только Богу ведомо».

Часто-часто она вспоминала о том, как его утешала, когда с могилы дочери его, Ирины, унесли, срезав, часть ограды: «Не могу я тебе сказать, Тоня, какой он был расстроенный, прямо лицо почернело. Я уж ему: «Да Витя, да разве можно так? Кака железяка стоит такого расстройства, ты что?!» Чего уж только ему не говорила, как не убеждала, а он все вспоминал и вспоминал и не мог успокоиться. «Витя, ну скажи, когда ты успокоишься, почему ты аж так расстраиваешься?» Он тогда и сказал, что ему страшно – вот возьмут кого-то и похоронят рядом с Ириной, ему места не будет рядом с дочкой, уж вот во все плохо готов был поверить».

Люблю вспоминать рассказ ее, как пришла в дом мужа к свекрови Екатерине Петровне («генералу в юбке» по «Последнему поклону»), которая не хотела, чтобы сын ее оставил первую семью, где уж была дочь Люба. Я годы и годы не могла понять, что вот эта Люба падчерица, застала я их уже любящими друг друга; всегда Люба и вся ее семья были желанными гостями в доме Потылицыных. Однако, когда Николай Ильич только ввел в дом молодую жену, свекровь встретила ее не очень радушно, правда, спросила, как ее дома называли. Невестка сказала, что тятенька звал ее Анкой. Свекровь тоже стала называть так: Анка. Вскоре они должны были к какому-то празднику стряпать пироги, шаньги. Свекровь закомандовала, чтобы каждая заводила свою квашню, спросила: «Ты стряпать умеешь?»

Она умела, завела квашню, выпечка, слава Богу, получилась пышная, свекровь, хоть сдержанно, но похвалила, довольна осталась. В конечном счете она смирилась, ибо молодые были дружны, а как уж стали жить отдельно, так и вовсе ладили.

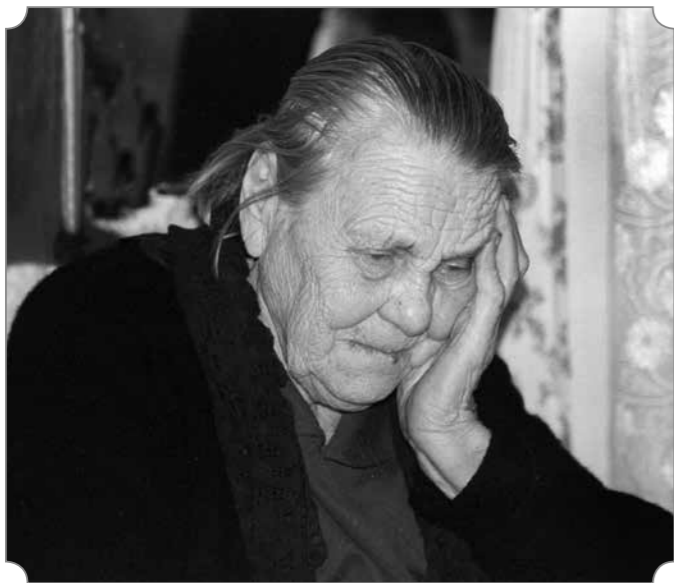
Была еще одна черта у Анны Константиновны: очень любила она дарить, и с такой любовью это делала, что отказаться было бы просто нехорошо. Живы у меня ее рученьками связанные прихваточки, чудная салфеточка, всего не упомянуть: чайнички, чашечки и т. п.

Последнюю кружку дарила она мне, когда глазыньки ее уже не видели.

Сказала: «Открой сервант и найди там самую красивую кружку. Она сама черна, по ней цветы розовы и фиолетовы и листики зеленые, я ее помню». Когда я на-

**А.К. Потылицына и В.Я. Курбатов
в Овсянке. 2006 год**

7 декабря 2001 года

шла кружку, Анна Константиновна попросила меня ее подробно описать, осталась довольна моим описанием и сказала: «Я для тебя ее берегла и столько раз переживала, что опять забыла отдать, память-то уж дырява. Вот будешь из этой кружки, когда гостей нет, одна, пить чай и меня вспоминать».

Сама же от подарков отбивалась, говорила, что и так всеми задарена. Много раз мы возвращались к этой теме, и Анна Константиновна рассказала, как от нее скрывали смерть Виктора Петровича, хотели, чтобы подольше о ней не знала.

Пришли Люба и Капа, дочь тетки Августы, их он тоже нежно любил. Пришли и сидят, и сидят. Сначала Анна Константиновна радовалась, потом стала тревожиться: «Чего это вы домой так долго не идете? Дел у вас дома нет?» Они так бодренько ответили, что вот, дескать, управились и время у них есть.

«А мое сердце начинат все больше болеть, и, наконец, говорю имя: «Да что случилось-то, с кем? Что вы от меня скрываете!? Может, с Галей что? С Юрой? С кем, говорите!» Тогда уж оне сказали, включили все, а то сидят, ничего не включают, чтобы я не слышала, что уж нет Вити. Что тут поделашь? Все под Богом ходим, знала уж, что сильно хворат».

После отпевания и похорон Виктора Петровича большинство родных и близких уехали на поминки в Красноярск, в ресторан, а мы с Анной Константиновной остались в Овсянке на поминальной трапезе, устроенной в столовой ДОЗа. Несмотря на печаль, я все же запомнила, какая это была благородная трапеза. Шел уже Рождественский пост, и это было распорядителями учтено: все было приготовлено так, как и должно быть на православных поминках. Несмотря на большое число поминающих, все было чинно, не было никакой суеты, шума. Нас подвез домой какой-то юноша, кажется, вернувшийся из армии. Не успели мы раздеться, кто-то нам позвонил и сказал, чтобы включили ТВ. А с экрана смотрел на нас живой Виктор Петрович, и мы прожили счастливый из вечеров, благодаря замечательному режиссеру-петербуржцу, верному другу Виктора Петровича Михаилу Сергеевичу Литвякову: слушали Виктора Петровича, смеялись с ним и печалились, и до конца дней этот вечер останется в числе отраднейших, как были мы тогда утешены. Мы с Анной Константиновной до самых последних ее дней не только постоянно вспоминали об этом, но молитвенно благодарили режиссера, создавшего такой замечательный фильм, и тех, кто способствовал, чтобы фильм был показан именно в этот вечер и этот час.

Упокоил ее Господь 9 сентября 2007 года, положил рядом с любимым Коленькой. Похороны ее и поминки по всему напоминали пасхальные дни: погода была прелестная, народу великое множество – не только родные, друзья, но и просто любящие ее люди.

РЕЦЕПТЫ ИЗ ОВСЯНКИ

Сотрудники Астафьевской библиотеки, собирая материалы для проекта «Овсянка: семейные истории», расспрашивали односельчан и о вещах житейских, бытовых: как принято было обустраивать дома, вести хозяйство, работать на огородах и, конечно, о том, что обычно готовили в их семьях.

Вот несколько отрывков из записанных нами бесед с жителями Овсянки – простые, но интересные, самобытные кулинарные рецепты.

ШАНЬГИ, КАША В ПОДУШКАХ И ПЮРЕ ИЗ ПЕЧКИ

Что такое сибирские шаньги? Мы задали этот вопрос нашим читателям, и оказалось, что многие представляют их чем-то вроде беляшей. **На самом деле шаньги не похожи не только на беляши, но даже и на ватрушки, с которыми их сравнивают чаще всего. В шаньжках нет начинки в привычном понимании этого слова – их поверхность лишь смазывается сметаной (чаще всего) или тонким слоем толченой картошки, давленной ягодой и т.д.**

Вот что рассказала о приготовлении шанег **уроженка Овсянки Вера Ивановна Заболотникова**. Рецепт ей достался «по наследству» от мамы, Елены Филипповны Телиной. Елена Филипповна была родом из села Казачинского, но ее рецепт шанег пришелся ко двору и в Овсянке.

Нам понадобятся один пакетик сухих дрожжей или четверть пачки сырых, стакан молока, стакан воды, четыре столовых ложки сахара, половинка чайной ложки соли.

– А яйца мама в тесто для шанег никогда не добавляла, – уточняет Вера Ивановна. – Два раза тесто должно подойти, каждый раз надо хорошо его взбить. Потом еще разок подбиваем и делам круглые булочки. Их тоже оставляем подниматься.

Тем временем делаем смазку для булочек («помадку», по выражению Веры Ивановны): смешиваем сметану, сахар и муку. Получается довольно густая смесь, ей смазываем булочки и запекаем в духовке.

Детство Капитолины Тимофеевны Курденко (двоюродной сестры В.П. Астафьева – дочери его родной тетушки Августы Ильиничны Потылицыной. – Прим. ред.) пришлось на военные и ранние послевоенные годы.

– Мама умела, конечно, готовить, но было не из чего, – вспоминает Капитолина Тимофеевна. – После войны кисель варили из отрубей – овсяных, пшеничных. Отруби проварили в кипятке – и все. Получается мутная кисельная вода. Сахар не добавляли – не было. А для взрослых и брагу ставили – на муке и воде. Мама еще сушки вкусные пекла, мягкие, у меня такие не получаются. А шаньги делала комочками посыпанные сверху. Мама работала на лесозаготовках, там отоварили мукой. А однажды мама отоваривалась яичным порошком, принесла в дом и спрятала в сундук, сверху поставив на него швейную машинку. Мы три сестры как-то стащили машинку, открыли сундук и съели этот яичный порошок...

Рассказ Александры Овдиной о ее бабушке – Александре Ильиничне Бетехтиной – мы опубликовали в одной из предыдущих глав. О бабушкиных угощениях Александра-младшая тоже вспоминает с удовольствием.

– У бабушки всегда был большой, на целый лист, пирог с рыбой и рисом. Пекла его бабушка в русской печи и даже в Москву мне отправляла, когда я там училась, – рассказывает Александра Овдина. – А еще бабушка часто готовила рисовую молочную кашу «в подушках». Вот она сварила ее с утра – видимо, почти до готовности – а потом поставила на кровать, обложила подушками, одеялами, и она там «доходит», допревает несколько часов и не остывает.

И картошка у нее, конечно, отборная была. А картошка – она же вообще замена всему и всему голова. Вот я к ней приеду из города, сплю, утром она меня будит – вставай завтракать, картошка стынет. Я говорю: «Бабушка, ну сколько раз я уже объясняла – я не ем на завтрак картошку!». Но когда ты встаешь и видишь бабушкину картошечку... Она делала ее такой пюрешкой, взбивала горочкой, а после этого ставила в русскую печку. И на этом пюре такая корочка образовывалась... ничего мне надо, только бы съесть эту корочку все целиком! Это очень вкусно, и это было одним из любимых бабушкиных блюд.

Александра Ильинична готовит в русской печке

ТРОФИМОВА ЕВСТОЛИЯ ЕМЕЛЬЯНОВНА

Евстолия Емельяновна Трофимова родилась в Овсянке в 1933 году. Ее предки – представители старинной овсянской семьи Шахматовых. Впервые эта фамилия в документах, связанных с Овсянкой, упоминается в конце 18-го века. **Евстолия Емельяновна работала в овсянской школе – преподавала английский язык.** Но не только – она участвует в фольклорно-этнографическом ансамбле «Енисеюшка», посещает все праздники и концерты, проходящие в Астафьевской библиотеке (и выступает на них сама вместе с подругами по ансамблю) и в свои 89 лет (когда мы записывали ее воспоминания) остается активным, жизнерадостным, трудолюбивым человеком.

Кроме воспоминаний самой Е.Е. Трофимовой, мы включили в книгу рассказ о ней Натальи Андреевны Емельяновой – бывшей ученицы Евстолии Емельяновны.

Евстолия Емельяновна Трофимова в Астафьевской библиотеке

«НАДО ЗА ВСЕХ СРОДСТВЕННИКОВ МОЛИТЬСЯ»

Воспоминания Евстолии Емельяновны Трофимовой

О СЕМЬЕ И ДЕТСТВЕ

Моя баба Аня мне все время говорила: надо за всех сродственников молиться. Я сейчас как встану – так и молюсь за всех: это же ужас, сколько сродственников у меня! Хотя о многих не знаю, многих не помню уже.

Внучка Ксюша, она сейчас в Петербурге живет, говорит мне: «Баба, теперь архивы открыты, что угодно можно узнать». И буквально через неделю после этого приезжает из Красноярска внук Ромка, говорит, что в архивах узнавал про папу моего, Емельяна Николаевича. В архивах-то что сказано – что он пулеметчиком был и, оказывается, накрыл вражескую точку, столько людей спас! Был представлен к награде. Что был пулеметчиком – я знала. А про награду – нет. Что это за награда – мы до сих пор не знаем.

Знаю еще, что папа был два раза ранен, второй раз – под Ельней. После ранения он сутки пролежал в холодной воде и сильно заболел. Вернулся совсем больной: в 43-м пришел, в 47-м умер. Помню, как мы с ним на машине в Красноярск в военный госпиталь ездили, там он и умер.

Е.Е. Трофимова (слева в нижнем ряду) – участница ансамбля «Енисеюшка»

А до войны папка на сплаве работал, а до этого был кладовщиком, там, где поселок Манский, далеко от нас. Помню, мне было года три, я сама дошла к нему в кладовую – он мне меда положил...

В 38-м его просили переехать в Березовку, стать там председателем. А он не согласился. Ну как не согласился? Помню, как это было. Мы сидим дома, он маме рассказывает, что его в Березовку зовут. А она в него ковшиком как бросит, ковшик аж загнул: мол, не поедешь никуда. В это время в избу как раз наш родственник Леша заходил – она его этим ковшиком чуть не зашибла ненароком.

Мама моя, Анастасия Григорьевна Спирина, не местная, с Бирюсы. Так пол-Бирюсы, как ехали в город, у нас останавливались, ночевали. А одна бабушка еще дальше Бирюсы жила. Помню, она бобами кормила лошадь свою. Когда она уезжала, бобы оставались. И мы с сестрой их мыли и ели.

Овсянских бабушку и дедушку по отцу я не помню. И где их могилы – не знаю. Никогда мне мама их не показывала. Но показала две другие могилки, у папки в ногах. Она говорила – ношу сюда цветочки своим девочкам. Видимо, у нее были детки, которые мертвые рождались. А я ведь двойняшка – моя сестра мертвой родилась. Мама говорила – ты ее и забила. Она была полненькая девочка, а я худощая. Класа до седьмого такая худая, что меня в школе синюхой дразнили.

Имя Евстолия мне мама придумала. Все удивлялись, какое редкое. А когда я уже в школе работала, стала Антониной называться, а то детям трудно Евстолию выговаривать. **Меня многие Антониной и знают. А по паспорту я Евстолия.**

У нас был большой огород, в конце огорода свинарник. А еще дальше в первые годы после войны жили пленные японцы. Мама, кроме овощей, на огороде садила табак, сушила, продавала стаканами. Вот я принесу японцам стакан табака – они дадут мне платок какой-нибудь или мыло, ихние японские товары. Потом их увезли домой. Но много их умерло здесь. Мой брат работал на лесосеке – говорит, они там и пилят, и пилят, и умирают прямо за работой. Климат-то для них был тяжелый. Тогда у нас морозы-то сильно большие были в Сибири.

На огороде мы в детстве много работали. Мама уходит – на работу или куда-то по ягоду – оставляет наказ: вот это вам выполоть, вот это вам сделать. Полешь-полешь, сбегаешь покупаешься – и опять. И один раз я далеко заплыла, а там, видно, яма была. Я хотела встать – устали руки – и не смогла. И меня начало крутить. И с тех пор боюсь воды, стараюсь далеко не заплывать. А купались только в Енисее, Фокина речка в то время холоднее была, чем Енисей.

СЛУЧАЙ ИЗ КНИГИ

В.П. Астафьев в рассказе **«Вечерние раздумья»** из повести **«Последний поклон»** вспоминает о случае, произошедшем в конце 1940-х годов: по пути из Красноярска в Овсянку на Енисее, покрытом льдом, перевернулся грузовик, груженный бочками с вином. Вспоминает Астафьев и о том, как это чуть не погубило овсянских мужиков, потянувшихся за «дармовым» вином...

Оказывается, Евстолия Емельяновна была участницей этого происшествия!

Вот что она рассказала.

– Я училась в восьмом классе, мы пошли с мамой сдавать корову на мясокомбинат. Корову собирались гнать в Красноярск своим ходом, и я в школу не пошла – надо маме помочь. Но в это время кто-то знакомый на санях в город ехал, корову мы связали, на сани положили, и я с ней поехала одна, без мамы. Как сейчас помню, это было 23 февраля.

Корову сдала, возвращаюсь, в районе мелькомбината стою голосую. Едет грузовая машина-полупортка, груженная вином. Меня подхватили. В кабине с водителем сидел наш овсянский дядя Федя Фокин (мы его звали Федоран), а я в кузове.

Енисей подо льдом такой гладкий. Но в одном месте, возле рыбосбыта, за совхозом Удачным, льдины встали вот так вот, а шофер ехал на большой скорости, машину завертело. Я приготовилась выпрыгнуть. Не знаю, на сколько метров от этой машины отлетела, мне ногу бочкой придавило, лежу без сознания. Сама машина перевернулась, бочки все высыпались, из них потом приходили ведрами черпали вино.

Федоран ко мне подходит, лицо у него все поцарапанное, говорит: «Дорогая, как ты тут?» А потом как взглянул на мою ногу... «Ты же раненая вся, надо тебя везти!» Остановил другую машину, хотел меня доставить до рыбосбыта, а там дорога крутая, мы не смогли подняться. Поехали домой, а оттуда в Красноярск, в скорую помощь, ногу зашивать. А скорая помощь была в том же госпитале, где папка умер, и мой брат Виктор – он меня вез – меня там не оставил.

Мы после операции приехали в квартиру на Сурикова в Красноярске – там жил папкин брат Иван, там и мама меня дожидалась. И я прошла весь двор на своих ногах. На следующий день все швы разошлись, мясо такое там, такие страхи. А когда меня снова мама в скорую помощь привезла, нам сказали – мы уже теперь больше ничего делать не будем, ждите, когда заживет изнутри.

Всю третью четверть я в школу не ходила, и учителя ко мне не приходили, я всё сама – училась ведь неплохо. Помню, что первый раз пошла, но еще с повязкой, когда мы с классом садили елки на кладбище.

Эта нога тревожит меня всю жизнь, потому что нарушено кровообращение. Я каждый год ездила куда-то ее лечить. На Иссык-Куль, в Нилову пустынь, еще куда-то.

Я кончила 10 классов. Мне очень захотелось познакомиться, как работает радио, и мы с дочкой нашего химика сразу после 10 класса поехали в Томск. Ехали в телячьем вагоне. Сколько мы претерпели всего – лучше не вспоминать. Все экзамены мы сдали, а химию завалили. И она, дочка химика, тоже на двойку сдала. Да и я – хотя у меня в аттестате по химии четверка. А физику я на пятерку сдала. Приемная комиссия говорит – ну передайте вы эту химию, пятерка же по физике у вас. Я говорю: а что передавать, не знаю я химию, там одно упустишь – другое не узнаешь.

Куда нам деваться? Пошли мы в горный техникум, там форма красивая. Прочулись три дня. А потом встретили Петю Астахова – он в Томске в университете учился. А мы ведь в Овсянке в одной компании были. (П.Г. Астахову, напомним, посвящена одна из глав этой книги. – Прим. ред.)

Ну вот Петя узнал, что с нами случилось, как-то передал это в Овсянку, нам отправили по 10 рублей и сказали: выкуривайтесь из этого Томска. И мы уехали. В техникуме гул поднялся: мы вас зачислили, где нам теперь взять других студентов? А мы: нас родители ждут, остаться не можем.

Вернулась в Овсянку, сколько-то времени прошло – меня директор вызывает: «Ты комсомолка?» – «Комсомолка». – «Поедешь вожатой в детдом». Я поехала в Есаулово, год там отработала, а потом только поступила в пединститут. Они меня не отпускали до самого до конца, а надо было ведь подготовиться маленько.

Почему на иняз пошли – теперь уже даже не знаю, так сложилось. Но вела я не только его. И не только в Овсянке.

В 59-м году учительница манской школы уехала, прямо во время учебного года, в ноябре. А моего Трофимова (мужа Евстолии Емельяновны. – Прим. ред.) как раз в армию забрали. А я же еще и физику преподавала в Овсянке, потому что у меня в школе по ней пятерка была. И директор манской школы Федор Никифорович говорит: «Давай обменяемся: я за тебя буду физику вести в этой школе, а ты у меня английский». Но здесь-то у меня физики было 2-3 часа, а там – целую школу вести надо. И я настолько уставала – 5-6 уроков проведу здесь, а потом 2-3 раза в неделю ходила пешком до Маны, автобусов тогда еще не было. А потом обратно.

О ПРЕДМЕТАХ С ИСТОРИЕЙ

Особых реликвий у меня нет, все раздали. Каток вот у меня остался – глажу я им. Который с рубцами-то, на деревяшку я белье наматываю и катаю. Вот я выстирала пододеяльники, простыни, полотенца – и белье после катка такое гладенькое становится и мягкое.

Когда соседи продали дом, я в сарае этот каток нашла. Недавно приехала их родственница, говорит: отдай мне на память. А я говорю: уж возьмете когда меня не будет, а я им работаю. Мне это легче, чем стоять с утюгом, гладить да переворачивать. А так я сложила, покатала – красота.

ПЕСНОПЕВИЦА ЕВСТОЛИЯ

Воспоминания Н.А. Емельяновой

В этом году юбилей нашего выпуска, пятьдесят лет, как мы окончили овсянскую школу. Написала и самой страшно, неужели 50! И когда жизнь пролетела, промелькнула, как один день, поневоле задумаешься: что было, что будет, чем сердце успокоится? А тут ещё эта дурацкая пандемия, никуда особо не съездишь, ни с кем не встретишься. Пообщаться – только телефон да интернет. И не специально, так само получилось, на связь со мной вышли многие одноклассники. Мы почти не общались все эти пятьдесят лет. А тут – разговаривай, вспоминай детство, друзей, узнавай, как сложилась их судьба.

Короче, роюсь в интернете, а про мою родную Овсянку, родину Виктора Петровича Астафьева, столько много всего, и про музей, и про построенную Астафьевым библиотеку. А при библиотеке, оказывается, организован фольклорный ансамбль «Енисеюшка». Местные жительницы собираются и так душевно поют старинные песни. **Среди «песнопевцу» (таким красивым словом поющих женщин называл Виктор Петрович) мелькает знакомое лицо: да ведь это моя классный руководитель, Антонина Емельяновна Трофимова!**

Я сначала засомневалась: неужели она? Ведь наша Антонина Емельяновна 1933 года рождения, да и называют её здесь по-другому – Евстолия. Оказалось – она, точно! Имя Евстолия у неё в паспорте, а Антониной она назвалась, когда работала в школе, чтобы детям было проще общаться.

Евстолия – необычное имя. Оказалось, оно есть в святцах, совсем рядом с её днем рождения. И означает оно – «благодеечная». Женщина с именем Евстолия – добрая, трудолюбивая, живет ради детей и внуков. Имя мягкое, нежное, льётся песней. Евстолия – не красавица с типичной русской внешностью, но человек редкой доброты, она любит всех и каждого, кто попадает на её жизненном пути.

Ансамбль «Енисеюшка» в Библиотеке-музее Астафьева

Да это же всё про нашу Антонину Емельяновну (мне привычнее так ее называть)! Видимо, тайное имя, даже скрытое от людей, определяло её жизненный путь.

Антонина Емельяновна пестовала нас с пятого класса и до самого выпуска. И только сейчас, с высоты наших лет, пришло понимание: сколько же своей души она в нас вложила, сколько доброго каждому сделала.

Мы никогда не задумывались, есть ли у неё семья, дети. Какие могут быть дети, когда она наша классная и всё её внимание и забота должны принадлежать только нам, ученикам. Но оказывается, дети были, два сына, сейчас уже взрослые, вполне успешные люди. И муж был. А её заботы и внимания хватало на всех.

Чем больше я узнавала о жизни Антонины Емельяновны, тем больше удивляла неёмность её энергии, открытость души, желание как можно больше сделать для людей.

Одноклассники в телефонных разговорах не навешивали на неё каких-то эпитетов, просто рассказывали, как она живёт. Многих судьба разбросала по стране, но, став пенсионерами, они вернулись в родную Овсянку. Что за место такое притягательное, эта Овсянка?

Сейчас стало престижным – иметь дом в Овсянке. Всю её застроили элитными коттеджами. **От прежней деревни почти ничего не осталось. Антонина Емельяновна живет в своем старом крестьянском доме.** Муж её давно умер. Много лет она жила одна. Но однажды в её доме случился пожар, прогорела крыша. Она наняла мастера починить крышу. Тот всё аккуратно сделал, да так и остался у хозяйки. Ну и делов-то, что он моложе её на много лет. Сейчас именно он по-стариковски сидит на лавочке у ворот. Соседи спросят: «Где твоя Емельяновна?» – «На спевки убежала, где же ей ещё быть». А по средам и не ищите, ездит в Дивногорск в бассейн, вместе со Светланой Ивановной, такой же бывшей учительницей. А по воскресеньям, это уж святое дело, в церковь.

**Жители Овсянки празднуют Троицу. 2007 год.
В центре первого ряда – Е.Е. Трофимова**

У овсянской церкви своя трагическая история. Это сейчас она красуется на въезде в Овсянку как символ села. Так оно и было: в 1916 году в Овсянке закончили строительство Никольской церкви, и деревня стала именоваться селом. Но эта церковь просуществовала недолго, здание было приспособлено под пекарню, а в 40-е годы и вовсе разобрано.

И только в 1998 году в Овсянке вновь построили храм. Деревянная шатровая церковь с отдельно стоящей звонницей возведена попечением В.П. Астафьева. Во всех источниках отмечается, что сделано это было по просьбе жителей села.

Но кто же эти безвестные жители, попросившие Виктора Петровича поспособствовать строительству церкви? В любом деле всегда есть инициатор, и уже вокруг него собираются единомышленники. И я очень легко вычислила этого инициатора. Это моя классная руководительница Антонина Емельяновна. Она в то время была председателем женсовета на селе, активисткой во многих других общественных делах. Она мне рассказала, что люди обращались с просьбой о постройке церкви во многие организации и к известным людям, посещавшим Овсянку. **Но только после обращения к Виктору Петровичу дело сдвинулось с места.**

А уж как стройка началась, Антонина Емельяновна постоянно там бывала и сельчан приглашала: помочь кто чем может, прибрать, поднести. **Собирала будущих прихожан благоустраивать территорию, сажать цветы.**

Храм был освящен 15 сентября 1998 года как церковь Иннокентия епископа Иркутского. Изначально храм сконструирован как «холодный», поэтому по благословлению правящего архиерея службы приостанавливаются в зимний период и начинаются на Пасху. Но первый священник Овсянской церкви, отец Лазарь, проводил службы по требе, невзирая на погоду на дворе. А день Иннокентия Иркутского 9 декабря, в самые морозы. В таких случаях в храме включали калорифер, но он мало помогал. А отец Лазарь уже в годах и здоровьем слаб, сильно простыл, долго лежал в красноярской больнице. А когда выздоровел, его перевели на службу в храм при красноярской 20-й больнице. А вскоре овсянцы узнали, что их любимый батюшка скончался. И никто не мог им сказать, где его могилка. Но вы просто не знаете Антонину Емельяновну, она всё разыскала, собрала овсянских женщин, и они съездили, поклонились могиле отца Лазаря.

Вот такая она – Антонина Емельяновна. И ничего удивительного, что именно она однажды на прямой линии с президентом задавала вопрос о лекарственном обеспечении страны. Тогда на экране телевизора я её сразу узнала.

Такой же неугомонной была она и в наши школьные годы. Вечно наш класс дёргала, чего-то затевала. А как ругала за неблагоприятные поступки, словно мы её лично обидели.

В перестроечные годы мы с Антониной Емельяновной встретились случайно дивногорской электричке. Она сказала, что ездит преподавать английский ещё и в красноярской школе. И поделилась своим огорчением по поводу уровня развития городских детей.

– Представляешь, по программе английского языка тема «Театр». И весь класс выдал мне фразу: «Я никогда не был в театре, я не люблю театр». А ведь это городские дети! Мы овсянских и то постоянно возили и в театр, и на концерты.

Конечно, я помню эти поездки. К школе подъезжал автобус, и мы всем классом ехали в Красноярск. Да и свои спектакли под руководством Антонины Емельяновны мы ставили...

Но вернемся к тому, с чего возник мой интерес к жизни Антонины Емельяновны – к фольклорно-этнографическому ансамблю «Енисеюшка».

Она сама мне рассказала, что началось всё со встречи Виктора Петровича с жителями Овсянки. А Антонина Емельяновна не только старожил Овсянки, но ещё и родня Астафьеву. В «Последнем поклоне» Виктор Петрович упоминает несколько овсянских семейств: Фокины, Шахматовы, Бетехтины. Так вот, Антонина Емельяновна из Шахматовых. А её родная тётя Анна Константиновна Шахматова была замужем за Кольчей-старшим. У бабушки Виктора Петровича было много детей, среди них Кольча-старший и Кольча-младший. Почему? Почитайте «Последний поклон», станет всё понятным.

На встрече со старожилами Виктор Петрович подарил каждому свою книгу с дарственной надписью. Чтобы встреча получилась более праздничной, были приглашены артисты. Виктор Петрович поблагодарил их за душевные песни, и сказал, что в Овсянке всегда пели, и на праздниках, и на посиделках, знали много старинных песен. А уж, какие овсянские женщины голосистые – «песнопевицы». Хорошо бы вспомнить, возродить эти старинные сибирские песни.

После этой встречи Антонина Емельяновна проснулась среди ночи. Слова Виктора Петровича не выходили у неё из головы. Мы же можем сами петь и песни старинные помним. Кого же позвать на спевку? Давай вспоминать родню, ближних и дальних голосистых соседок.

Сначала набралось пятеро, потом подошли и ещё желающие попеть. Стали собираться, вспоминать старинные песни, выступать на праздниках. Антонина Емельяновна оставалась за старшую. Но через несколько лет поняли, что им не хватает музыки. И Антонина Емельяновна поехала в Дивногорск в управление культуры. Ансамблю подарили баян. А вскоре появился и настоящий грамотный руководитель – Елена Геннадьевна Вопилова. Она с большим воодушевлением взялась за работу. Сшила для певиц сценические костюмы, настоящие народные, с соблюдением всех традиций. И выступать стали не только в родном селе, но и на многих краевых праздниках. В 2012 году, получив благословение местного батюшки, поехали в Шушенское на международный фестиваль «Мир Сибири» и стали лауреатами в номинации «За верность традициям». В 2014 снова поехали – и снова призы, дипломы. Но главное, что запомнилось, это душевный приём зрителей, цветы, аплодисменты. Видно, нужны людям эти старинные сибирские песни.

В 2006 году был записан первый компакт-диск «Молодой чубарик», в него вошли 26 старинных овсянских песен. А в 2014 свет увидел и второй диск, «Голос Овсянки», с народными календарными песнями и любимыми песнями Виктора Петровича Астафьева.

Ещё Антонине Емельяновне запомнилась встреча с артистами МХАТа. Они готовились к постановке спектакля по произведениям Астафьева и приехали на родину писателя. Участницы «Енисеюшки» спели тогда им немало песен, в том числе и самую любимую Виктора Петровича, «В зеленом садочке». А когда через год Овсянцы посмотрели этот спектакль, обнаружили, что мхатовцы включили эту песню в свою постановку.

Сейчас ансамблем руководит выпускница овсянской школы Анна Трофимова. Отучилась, вернулась в село грамотным специалистом, музыкантом-народником. Фамилия Трофимова – это у неё от мужа, тоже музыканта, руководителя ансамбля «Сибирская вечора». А Антонине Емельяновне Трофимовой он даже не родня, просто однофамилец.

– Муж обратился к своим друзьям из Санкт-Петербурга, у них в архивах хранится немало песен, записанных в сибирских сёлах. Из присланных записей моим песенницам больше всего понравилась старинная песня «Выкупайте сына из неволи», – рассказывает Анна Александровна.

Оказалось, что записана она ещё в 1980 году именно в Овсянке, а пели её тогда родственницы Антонины Емельяновны. Так песня вернулась домой, в родное село.

СЕМЬЯ ФИЛИППОВЫХ

Овсянская школа, 1932 год. Именно об этом фото В.П. Астафьев упоминает в рассказе «Фотография, на которой меня нет»

В проекте «Овсянка: семейные истории» мы рассказываем не только о людях, родившихся в нашем селе и проживших в нем много лет, но и о тех, кто оказался здесь волею судьбы, иногда – и против своей воли...

В феврале 2021 года мы опубликовали фотографию из фондов Библиотеки-музея – ту, что открывает этот материал. На фото 1932 года – ученики овсянской школы. Сняты они на фоне бывшего дома семьи Астафьевых. В 1931 году прадед и дед Виктора Петровича – Яков Максимович и Павел Яковлевич Астафьевы – были раскулачены, а дом, построенный их руками, стал школой. В ней начинал учиться маленький Витя.

«Дом, приспособленный под школу, был рублен моим прадедом, Яковом Максимовичем, и начинал я учиться в родном доме прадеда и деда Павла. Родился я, правда, не в доме, а в бане. Для этого тайного дела места в нем не нашлось. Но из бани-то меня принесли в узелке сюда, в этот дом», – пишет Астафьев в рассказе «Фотография, на которой меня нет».

Астафьевский рассказ описывает реальные события. Писатель перечисляет ребят, изображенных на фотографии (его самого там действительно нет – во время приезда фотографа Витя заболел, и бабушка не отпустила его сниматься). Сотрудникам Библиотеки-музея также удалось восстановить имена некоторых односельчан, запечатленных на фото. В их числе – люди, уже упоминавшиеся в этой книге: Нина Шахматова, Федя Бетехтин (будущий директор школы Федор Трофимович Бетехтин), Саша Шахматов. Где-то среди ребят есть и Тоня Вычужанина...

СОТРУДНИКАМ АСТАФЬЕВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ УДАЛОСЬ ВОССТАНОВИТЬ ИМЕНА НЕКОТОРЫХ ОВСЯНЦЕВ НА ФОТО

В первом ряду сверху второй от знамени (слева направо) – Шахматов Саша, в этом же ряду пятая – Шахматова Нина, во втором ряду сверху пятый слева направо от школьного знамени Бетехтин Федя (1918 г.р.), шестая слева направо от школьного знамени в белом платке – Валя Сидорова, в третьем ряду сверху слева направо шестой – Юшков Василий, во втором ряду снизу вторая (центр) – Мошкина Дуся (1920 г.р.)

В фондах Астафьевской библиотеки хранятся и фото замечательных учителей – **Евгении Алексеевны и Евгения Сигизмундовича Городыских** (в рассказе они названы Евгенией Николаевной и Евгением Николаевичем). Астафьев пишет об их огромной доброте, деликатности, интеллигентности – и о безмерном уважении и всеобщей любви, которыми окружали учителей овсянцы...

Е.А. и Е.С. Городыские

«Уважение к нашему учителю и учительнице всеобщее, молчаливое. Учителей уважают за вежливость, за то, что они здороваются со всеми кряду, не разбирая ни бедных, ни богатых, ни ссыльных, ни самоходов»

В.П. Астафьев. «Фотография, на которой меня нет»).

Об интересной детали рассказала А.И. Вычужанина, воспоминаниям которой посвящена отдельная глава. Антонина Иннокентьевна училась в школе в то же самое время, когда была сделана эта фотография.

«Они приезжие были, с Кубани, что ли. Жили они недалеко от нас. Я один раз была у них. Когда учительница родила, мама меня отправила яиц ей отнести. У них на стене вместо ковра висела карта восточного и западного полушария», – вспоминала она.

ИСТОРИЯ С ФОТОГРАФИЕЙ

Вскоре после этой публикации нам написала Дарья Харламова – она живет в Санкт-Петербурге. Дарья пыталась разыскать школу, в которой ее бабушка училась подростком, набрала в интернет-поисковике «Овсянка», «Овсянская школа» – о месте учебы деда она знала только это – обнаружила наш пост и... узнала на фото своего дедушку! Точно такая же фотография хранится в семье Дарьи Харламовой.

Вот что тогда написала Дарья:

«У нас дома была фотография, которую бабушка очень берег. Смотреть ее можно было только в бабушкиных руках из-за ее огромной ценности для бабушки. Его звали Филиппов Михаил, 1919 года рождения. И он есть на этой фотографии! Родом он из Московской губернии. Вся семья была сослана в Усть-Ману в ссылку. Это страшные и тяжелые дни для всей семьи, но особенно для детей. В подростковом возрасте он наравне со взрослыми сплавливал бревна по Енисею, дважды тонул во время работы, но его успевали вытащить. На фотографии ему предположительно 13 лет. Он старался не рассказывать о ссылке.

Прочитала рассказ «Фотография, на которой меня нет», и вдруг на секунду стало легче, что в его жизни были такие замечательные учителя.

А наша фотография всегда была с ним и в Советско-Финскую войну, и в Великую Отечественную. И какой был шок, когда вчера мы пытались узнать по фотографии, где он учился, вбивая в поисковик название школы, и обнаружили такую удивительную историю...

А детей фотографировали не только на общую фотографию, а еще похоже и каждого отдельно».

*На копии фотографии Дарья отметила бабушку красным кружком.
А справа – он сам. 1932 год*

Дарья не первый год пытается восстановить историю семьи. Но это очень непросто: за 90 с лишним лет часть информации оказалась утрачена, а некоторые сведения изначально были неточными, в том числе в старых документах. Например, в семье долго считали, что Филипповы были сосланы в Сибирь в 1929 году или в начале 1930-го. Затем изучили справки о реабилитации родственников, материалы их дела, полученные из государственного архива, и поняли, что сослали их в декабре 1930-го, а до Сибири они добрались уже в 1931 году. В тех же документах Манский район назван Майским, поселок Известковый, что напротив Овсянки, – деревней Известково и т.д. Словом, путаницы хватает. И это очень затрудняет поиски.

«МАЛЬЧИК В ТРЕТЬЕМ РЯДУ»

Вот что известно Дарье Харламовой о ее дедушке Михаиле Степановиче Филиппове. Приводим ее рассказ полностью, в незначительно отредактированном виде.

– Мальчик, что на фотографии, если смотреть справа, он в третьем ряду сверху, третий от края. Тот, у которого белые козырёк и ушки на шапке-ушанке. Между ним и другим мальчиком просвет, как будто не хватает кого-то. Это и есть мой дедушка, Филиппов Михаил Степанович, 21.11.1919 г.р.

Родился он в деревне Тимково Богородского уезда Московской губернии. Сейчас это Московская область, Ногинский район. Семья его была большая и очень верующая. Все старообрядцы.

Семья, хоть и из крестьян, была зажиточная и предприимчивая. Старшее поколение Филипповых – это три сына: Степан (старший, отец моего дедушки) 1887 г.р., Федор 1889 г.р. и Степан (младший) 1891 г.р. (В то время детей, особенно в верующих семьях, называли по святцам, и не столь уж редко родные братья могли носить одно и то же имя. – Прим. ред.)

У каждого из братьев в деревне был дом. У родителей Михаила – Степана Осиповича и Февроньи Николаевны (урожденной Тарасовой) – детей, как и полагалось в то время, было много. На момент выселения из дома в нём находились: Олимпиада 19 лет, Николай 17 лет, Василий 18 лет, Иван 13 лет, Михаил 11 лет, Федор 8 лет и маленькая Капитолина (точный возраст не установлен)».

Семья Филипповых. 1924 год. Степан Осипович Филиппов – второй справа в среднем ряду. На руках у него Миша.

Гонения на семью начались еще в 1923 году.

– В то время все братья подверглись притеснению со стороны властей, ограничению прав, судя по документам, их причислили к лишенцам Богородского уезда, фамилии занесли в список лиц, не имеющих права избирать и быть избранными в советы.

А 22 ноября 1930 года было вынесено решение в отношении Филиппова Степана Осиповича как подлежащего выселению. Дом Февроньи и Степана власти забрали под детский сад.

В ссылку отправили всех трёх братьев. Отправились ли в ссылку жены и дети других братьев, нам неизвестно, а семья Михаила почти в полном составе оказалась в Восточно-Сибирском крае (Красноярский край был образован в 1934 году. – Прим. ред.). Спасти удалось двум детям Филипповых: Николаю во время выселения не было в деревне – он уехал на учебу, а Олимпиада, когда за семьей пришли, с узелком в руках выпрыгнула в окно и убежала.

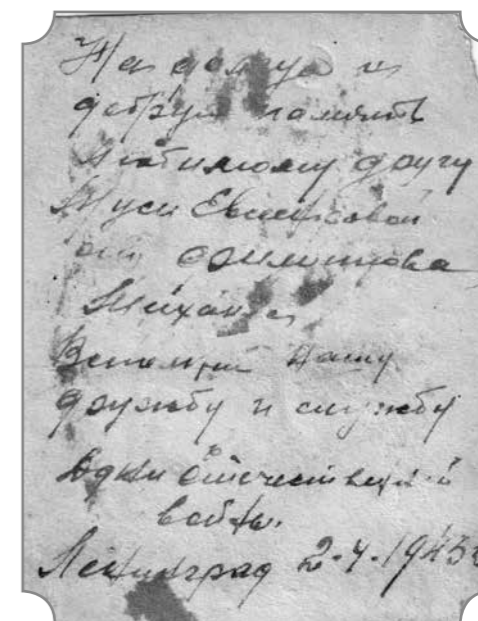
Из-за непривычного холода, неустройства и недоедания больше всего страдали дети. Мы не знаем всех лишений и трудностей, которые испытывала семья. Но решено было каким-то образом вывезти из Сибири самого слабого ребенка, Федора. Летом 1933 года в Усть-Ману приехал двадцатилетний Николай и увез Федора из спецпоселения. Он полностью взял на себя заботу и ответственность за одиннадцатилетнего брата. Родственники выделили им маленькую кладовку, где братья и ютились. Федор всю жизнь считал этот побег своим спасением, до конца своих дней вспоминал и благодарил Николая. И даже когда появилась возможность вернуться к матери, он решил остаться со старшим братом.

А Михаил закончил 4 класса школы в Овсянке и в 14 с половиной лет начал работать на сплаве леса. Работа была очень тяжелой для подростка. Он чудом выжил после двух падений в Енисей во время работы. Мужики очень ловко успели вытащить его из воды.

Позже выяснилось, что у него есть математические способности, а точнее, он хорошо умеет считать. Поэтому его назначили на должность счетовода.

В Красноярском крае Михаил прожил и проработал до 1938 года. В 1939-м ушел на Советско-Финскую войну, а после неё – на Великую Отечественную. Все войну он служил в Ленинграде, в 194-м артиллерийском зенитном полку, в звании старшего сержанта, командовал отделением. Там же встретил свою будущую жену Марию.

Военное фото Михаила Филиппова, подписанное будущей супруге

Михаил Филиппов с женой и дочками

Дедушка прожил 64 года. Хотя до войны он окончил всего 4 класса, но постоянно занимался саморазвитием, после войны поступил в техникум. Дедушка был очень грамотным и интеллигентным человеком. Он очень любил лес, природу. Много рассказывал о деревьях, растениях, очень хорошо разбирался в грибах. Для нас, троих его внуков, пойти с дедушкой в лес было огромным приключением.

Всех братьев Филипповых жизнь раскидала по разным городам. Михаил жил в Ленинграде, Федор в Киржаче, Иван в Москве, Василий в Павловском Посаде. Но до последних дней это были самые близкие люди. Они всегда поддерживали связь и знали друг о друге все. Февронья Николаевна, их мать, прожила долгую жизнь. Жила в маленькой однокомнатной квартире в Павловском Посаде. Она никогда не рассказывала о том, что произошло с ней в 30-е годы. Умерла в возрасте 95 лет. Все её дети хоронили маму вместе.

«ГЛАВНЫЙ ХРАНИТЕЛЬ НАШЕЙ ИСТОРИИ»

Не только Февронья Николаевна, но и младшие Филипповы старались лишней раз не вспоминать о ссылке. О том, что семья была раскулачена и сослана, иногда не знали даже самые близкие: жены и дети. С уходом из жизни людей, помнивших те времена, были утрачены многие страницы из истории семьи...

В мае 2021 года Дарья Харламова получила в Государственном архиве РФ копию дела № 49316. Это дело Филипповых – ее родного прадеда и его братьев. Часть дела по неизвестным причинам «пропала», но благодаря полученным документам и тем сведениям, которыми Дарья располагала прежде, удалось в целом восстановить события.

Причины репрессий в отношении Филипповых были, в общем-то, типичными для того времени: состоятельная семья, имевшая текстильное и кирпичное производство, да еще и глубоко верующая. В протоколах «собраний сельской бедноты», заседаний «тройки» и суда заявляется, что Филипповы «в своей старообрядческой моленной проводят злостную антисоветскую агитацию. Под видом религии эксплуатируют крестьян путём раздачи им работы, а беднота под влиянием Филипповых категорически отказывается вступать в колхоз». Обвинения звучат и в адрес детей – они «советскому воспитанию не поддаются» и «дезорганизуют других».

– Удивительно, что свидетелем со стороны обвинения против детей выступила учительница, – говорит Дарья. – И в то же время именно в ссылке дети встретили таких учителей, какими они и должны быть.

Филипповы, как «социально опасные», которым не место в деревне Тимково, были приговорены к 7 годам ссылки с конфискацией всего имущества. Вскоре, правда, приговор был пересмотрен: очередная инстанция не нашла подтверждений обвинениям, выдвинутых в адрес Филипповых, однако приговор не отменила вовсе, а лишь сократила ссылку до 3 лет. Вот так и попали Филипповы в наши места – работали и в поселке Известковом (название говорит само за себя – там добывали и жгли известь), и на лесосплаве. А дети учились в овсянской школе.

Февронья Николаевна
и Степан Осипович Филипповы.
1909 год

Двое братьев Филипповых – Степан-старший и Степан-младший – пытались бежать из ссылки. Их поймали. Старшего брата вернули на поселение, младшего отправили в лагерь на Колыму. Там он пробыл всего год и вернулся на родину, в деревню Тимково. Умер в 1975 году и до конца жизни ни разу не обмолвился ни детям, ни внукам о том, что был в ссылке и лагерях.

О том, что после этого происходило со старшим Степаном, родным прадедом Дарьи, и его братом Федором Осиповичем, известно очень немного. В 1933 году Федора Осиповича Филиппова вызвали в Красноярск, в прокуратуру. С ним поехал и Степан Осипович – решил, что их освободят: срок ссылки подходил к концу. Но вместо этого братья получили новый срок и были отправлены на север, в сторону Енисейска. Степан прислал с этапа единственное письмо, которое передала родным ссыльная землячка. Он писал, что их «гонят в лютые сибирские морозы пешком, почти не кормят, дают полстакана муки в день, и этап через несколько дней должен продолжиться». Больше ни о нем, ни о его брате Федоре никакой информации не удалось найти до сих пор. Где и как они погибли, неизвестно.

Федор Степанович Филиппов (сын Степана-старшего) пишет дочери спасшего его брата Николая о судьбе семьи: «В январе 1933 года брата отца, дядю Федю, вызвали в прокуратуру в Красноярск. Отец думал, что его освобождают (т.к. пришел срок) и без вызова поехал вместе с ним. Вместо освобождения они получили еще срок и были этапом отправлены в низовья Енисея. Из Енисейска получили одно-единственное письмо (страшное письмо). Гнали пешком в лютые сибирские морозы и совершенно почти не кормили (полстакана муки, и все). Письмо переслала его землячка, которую он встретил в Енисейске, тоже ссыльная. Этап через несколько дней должен был продолжиться. Остальное ничего не известно. В январе 1989 года отца и его братьев полностью реабилитировали. Документы об их реабилитации я получил летом 1990 года. Но где и когда они погибли, неизвестно».

О судьбе детей Степана-старшего, родных братьев Михаила, семье известно хорошо, тут никаких «пробелов» нет. В Великую Отечественную все они воевали. **Николай Филиппов, спасший из ссылки маленького брата Федю, был тяжело ранен и умер в госпитале 20 марта 1942 года.** А Федор Филиппов в звании капитана технической службы дошел до Берлина. И уже там получил тяжелейшее ранение – в одном из домов спрятавшийся фашист проткнул его штыком.

– Врачи сочли его безнадежным и не взяли в эшелон с ранеными, – рассказывает Дарья Харламова. – На следующий день этот эшелон подвергся бомбардировке. Мало кто тогда остался в живых... **А Федору не суждено было тогда погибнуть, как не суждено было погибнуть в Усть-Мане.** Он прожил длинную и достойную жизнь. Похоронил всех своих сестер и братьев и умер в окружении большой семьи в возрасте 94 лет в 2016 году. **Он и стал главным хранителем воспоминаний нашей семьи.** В 1990 году Федору Степановичу удалось получить документы о реабилитации отца и дядьев. А вместе со справками – и первые данные о том, что происходило с нашей семьей в 1930-е годы.

Дарья продолжает поиск сведений о своей семье. Она предполагает, что на «той самой» фотографии могут быть и другие братья Филипповы. Например, Федор, которому на тот момент было 9 или 10 лет: возраст школьный, а Николай увез его из Овсянки только через год... Но все это еще предстоит выяснить. Возможно, и с помощью овсянцев, в семейных архивах которых могли сохраниться документы и фотографии той поры.

«Школьная фотография жива до сих пор. Она пожелтела, обломалась по углам. Но всех ребят я узнаю на ней.

Как суетились бабы по селу, спешно собирая у соседей и родственников шубенки, телогрейки, все равно бедновато, шибко бедновато одеты ребятки. Зато как твердо держат они материю, прибитую к двум палкам. На материю написано каракулисто: «Овсянская нач. школа 1-й ступени». На фоне деревенского дома с белыми ставнями – ребятки: кто с оторопелым лицом, кто смеется, кто губы поджал, кто рот открыл, кто сидит, кто стоит, кто на снегу лежит.

Смотрю, иногда улыбнусь, вспоминая, а смеяться и тем паче насмеяться над деревенскими фотографиями не могу, как бы они порой нелепы ни были.

Деревенская фотография – своеобразная летопись нашего народа, настенная его история».

В.П. Астафьев

ФОКИНЫ: ОДНА ФАМИЛИЯ – МНОГО СЕМЕЙ

Как в шутку заметила одна сотрудница Астафьевской библиотеки, «в Овсянке 20 семей Фокиных – и все родственники». Но в этой шутке есть и доля истины. **Фокины – действительно самая распространенная в Овсянке фамилия.** А произошла она от имени Фоки Малова, одного из казаков, пришедших в Овсянку в середине 17-го века (об этом мы писали во вступительной главе). Фокиными, а не Маловыми, стали зваться его дети и внуки.

Так что в каком-то смысле овсянских Фокиных и вправду можно считать родственниками – дальними потомки казака-первопоселенца. Но движение человеческих потоков на протяжении 350 лет было таким сложным и непредсказуемым, что теперь уже и не разобрать, кто кому родственник, а кто – однофамилец.

В одной из глав этой книги мы уже публиковали ведомость за 1869 год о получении зерна в «мангазине». Фокиных в списке больше всего – 14 человек мужского пола. Судя по именам-отчествам, немногие из них состоят в кровном родстве. Да и вряд ли члены одной крестьянской семьи (например, живущие под одной крышей отец и сын) стали бы брать зерновую ссуду по отдельности.

Николай Петрович и Галина Александровна Фокины в своем доме в Овсянке

ФОКИНЫ ПЕТРОВСКИЕ

Чтобы разобраться, кто из Фокиных кем приходится, нужна основательная работа в архивах. А вот в семье жителей Овсянки Николая Петровича и Галины Александровны Фокиных собраны собственные обширные архивы – супругам удалось восстановить историю «своих» Фокиных на протяжении почти двух столетий.

– Кто Фокин – тот точно местный. Но Фокиных тут так много, что если кто-то приезжий спрашивал о них в Овсянке, обязательно уточняли: а каких вам Фокиных? Наших называли петровскими. А были, например, еще и Федорановы, – рассказывает Галина Александровна.

Галина Александровна родом из Ужурского района, а Фокина – по мужу. Много лет назад она, молодой учитель физкультуры, отучившись в Томске, приехала по распределению в деревню Слизнево. Поехала как-то с подружками на танцы в Дивногорск, там и познакомилась с будущим супругом. Осенью 1971 года они встретились, 7 марта 1972-го поженились. Так что в этом году Николай Петрович и Галина Александровна отметили золотую свадьбу. В 1973-м у супругов родился сын Алексей, в 74-м – дочь Екатерина.

Сам Николай Петрович родился в Овсянке в 1951 году. Его отец и дед – тоже коренные овсянцы.

– **Мой отец, Петр Дмитриевич, родился в 1910 году.** Дедушка и бабушка по отцовской линии – **Дмитрий Петрович Фокин (1855 года рождения) и Фетинья Елистарьевна, урожденная Чанчикова (1878-1968).** (Нас удивило необычное отчество бабушки Николая Петровича. Обратившись к разным источникам, мы выяснили, что имя Елистарий было распространено у старообрядцев. – Прим. ред.) Кроме моего отца, у них было пятеро детей – Николай, Михаил, Зинаида, Мария, Александр. Николай и Михаил погибли на фронте в 1941 году, один под Москвой, другой в Литве, – рассказывает Николай Петрович. – Известно мне и о дедушке с бабушкой по линии мамы, Марии Абрамовны. Дед, Абрам Филатович Граманчуков, родился в 1893 году, дожил до 1972-го. Знаю, что одно время работал перевозчиком через Енисей. Это была не «частная лавочка», а вполне официальная работа. Перевоз в одну сторону стоил 20 копеек, и эти деньги перевозчик должен был сдать, отчитаться за них. До середины XX века через Енисей переправляли на лодках, потом на катере. Бабушка, Екатерина Николаевна, в девичестве Старостина, прожила с 1899 по 1974 годы. Граманчуковы – фамилия не местная, не овсянская. Но в Овсянке было довольно распространенным делом, когда парни находили невест в других деревнях, а овсянские девушки – женихов «со стороны».

Петр Дмитриевич и Мария Абрамовна – родители Николая Петровича. Потому-то они и «петровские» Фокины – по имени отца

Дедушки и бабушки Николая Петровича Фокина по отцовской и материнской линиям

Фетинья Елистарьевна и Дмитрий Петрович Фокины, бабушка и дедушка Николая Петровича, похоронены на старом кладбище Овсянки.

– Деревянные кресты на их могилах до сих пор сохранились. У деда на кресте нацарапано: «Вы в гостях, а я уже дома», – рассказывает Николай Петрович.

После войны отец Николая Петровича, Петр Дмитриевич, работал конюхом в поселке Комсомольском, потом – на пилораме. Мать, Мария Абрамовна, – в столовой там же, в Комсомольском.

– В поселке жили строители Красноярской ГЭС, – рассказывает Николай Петрович. – Там была тайга, вода очень чистая, зимой ее брали из проруби. Отец на своем участке делал две проруби: одну – воду для питья брать, вторую – белье полоскать. Мать разрешала другим людям ими пользоваться, а с тех, кто пользовался, деньги брала. Белье на речку и с речки носили в корзинах – очень тяжелых. Все это довольно долго продолжалось: помню, уже ГЭС была, а мать ходила с корзинами на прорубь. Вообще из раннего детства помню не так уж и много. Знаю, что детский сад у нас был в поселке Известковом, то есть на другом берегу Енисей. Летом детей возили туда на лодке, зимой по льду через реку ходили. Думаю, садик был не в Овсянке, потому что молодежи в селе тогда было мало.

ЧЕРЕЗ ОВСЯНКУ – ПРОЕЗДОМ

Фокины живут в том же доме, в котором жили родители Николая Петровича и который строил еще его дед, Дмитрий Петрович. Дому по меньшей мере 107 лет – первые документы на него относятся к 1915 году, но не исключено, что строился он раньше. Дом срублен из лиственницы – как и многие дома в Овсянке. Из лиственяка, говорит Николай Петрович, овсянцы много строили и во второй половине XX века, пока в селе работал ДОЗ. А дерево это, можно сказать, вечное.

Фокинский дом – очень большой. Настолько, что Фокины держали заезжий двор – один из пяти в Овсянке, причем постояльцы ночевали не в отдельном строении, а в том же доме, что и хозяйка – правда, чаще всего на кухне, на полу. Но места хватало всем.

Большой дедовский дом Фокиных и сейчас как новый

– Если пройдете по переулку до нынешней улицы Щетинкина (в те годы ее, конечно, еще не было) – **весь этот участок принадлежал нашим Фокиным**, – рассказывает Николай Петрович. – **В заезжем доме зимой останавливались переночевать те, кто зимой ехал с верховьев Енисея в Красноярск – продавать на рынке что у них там лишнее было: мясо, сало.** Утром рано проснутся – и по Енисею, по льду, в Красноярск. И на обратном пути у нас ночевали. А летом уже добирались до города по воде.

Постояльцы приезжали на лошадях, позже – на машинах. Оставляли их на заезжем дворе. Ладно машины, но ведь животных надо было где-то поставить, накормить.

– Отдельного двора для них не было, коней ставили в огород. После того как они там все «удобряли» естественным образом, картошка у нас была огромная, – улыбается Николай Петрович.

Фокины держали и лавку, которую в советское время официально вроде бы прикрыли, но торговля все равно шла. Николай Петрович называет лавку «скобяной». Продавали спички, мыло, папиросы, керосин, прочее по мелочи.

– Дела вела баба Фета (*Фетинья Елистарьевна. – Прим. ред.*). Я на нее насмотрелся – думаю: как бы заработать? Мимо Овсянки проходили пароходы с туристами, в селе была хорошая пристань. И вот я – мне было лет 8-10 – прибежал домой, нарвал моркови, 5-6 пучков, вымыл – и к теплоходу. Ничего, покупали у меня, – вспоминает Николай Петрович.

Был у Фокиных и огород – большой, как у многих жителей Овсянки. Ухаживать за ним было проще, чем сейчас: **по словам Николая Петровича, в годы его детства местный климат отличался от современного:**

– В 1955 начали строить ГЭС, климат сильно поменялся. Раньше мы садили огурцы в гряды, в назём, и даже не было мысли про какой-то целлофан, про стекла – ночи были очень теплые, и все росло как на дрожжах.

Отец Николай Петровича, Петр Дмитриевич, во время войны дошел до Берлина. Два его брата – Николай и Михаил – погибли.

– Отец отвоевал – и из Германии его вместе с другими солдатами без заезда домой отправили эшелонами на восток. Мужики бросали конверты на Красноярске на вокзале, чтобы, кто сможет, передал их родным, что они живы. Домой он вернулся в 1946 году, – рассказывает Николай Петрович.

Ему самому тоже довелось побывать на Дальнем Востоке – он там в армии служил.

– В овсянской школе я отучился 4 класса, потом открыли новую школу в Молодежном. Там я окончил 8 классов и решил дальше учебу не продолжать. Думаю: у меня армия впереди, надо, чтоб, когда вернусь, профессия в руках была. Пошел в дивногорское ПТУ-42, отучился на электрика. Из училища нас, 5 человек, забрали в армию на Сахалин. Это был 1969 год. Летели самолетом, и он был целиком заполнен солдатами. Первая посадка была в Хабаровске, потом в Южно-Сахалинске, – рассказывает Николай Фокин. – **Я в те годы мечтал подалее от Овсянки послужить, а то вроде как приелась. Ну вот и попал на мыс Крильон на заливе Лаперуза, в ракетную часть. Там уже по Овсянке стал скучать.** Хотя там такая красота – рядом с проливом Лаперуза, корабли проходят, а через пролив огни Японии видны... Помню, год я отслужил – мне мать газетную вырезку прислала: между Красноярском и Дивногорском запустили электричку.

После армии Николай Петрович вернулся на родину, электрифицировал жилые дома и предприятия в Дивногорске, работал на дивногорском заводе низковольтной аппаратуры, потом 17 лет отработал проводником на железной дороге. Сейчас трудится в музейном комплексе В.П. Астафьева в Овсянке.

Дети и внуки Галины Александровны и Николая Петровича сейчас живут в Дивногорске

ФОКИНЫ ФЕДОРАНОВСКИЕ

В предыдущей главке мы рассказали о «петровских» Фокиных. А этот наш рассказ – **о Фокиных федорановских**. Федораном в Овсянке называли Федора Васильевича Фокина. Всем, кто читал повесть **«Последний поклон»**, это прозвище – Федоран – должно быть памятно. Вот, например, два фрагмента из рассказа **«Бурндук на кресте»**, входящих в повесть.

«При выселении собралась на берегу вся деревня, вой стоял над Енисеем, выселенцам несли кто яичко, кто калач, кто сахару кусок, кто платок, кто рукавицы. Из правленцев на берегу оказался лишь дядя Федоран и принял на свою голову все матюки, проклятья и угрозы. И не только принял, но, севши на камень, разулся и бросил кожаные бродни федотовскому косолапому парню -- этот отправлялся в ссылку совсем босиком. Явился на берег пьяный Митроха, взобрался на камень, выкрикивал какие-то напутственные лозунги. «Да уйди ты, уйди с глаз! -- увещевал Митроху дядя Федоран. -- Разорвут ведь!» Потом махнул рукой и ушел с берега. Митроху тычками угнала с берега жена, увещевая: «Свернут башку-то, свернут, ногу последнюю отломят, и правильно сделают. Да ведь страдать имя за такого обормота...»

«Тетка Татьяна, Ганька Болтухин, Шимка Вершков, Митроха, стуча себя в грудь кулаком, говорили речи. Хмурился, помалкивал Федоран Фокин, мужик искони здешний, еще молодой, он понимал, что словами, даже самыми громкими, самыми умными, народ и обобщественную скотину не прокормишь. <...> Терпеливо и долго вразумлял умный мужик вошедших в раж говорунов, призывая пахать землю под зябь, расковыривать межи в горах – на покатах да по склонам увалов заплатами расклеенных пашен, и в первую голову -- пустить мельницу. Искони кормившиеся с мельницы, овсянские жители ручных жерновов не знали, толочь зерно в ступах ленились, парили его в чугунах и ели целиком...»

Николай Федорович Фокин в Астафьевской библиотеке. 2021 год

Сейчас в Овсянке живет сын Федора Васильевича (Федорана) – Николай Федорович Фокин. Он родился в 1939 году и, как его деды и прадеды, прожил в родном селе всю жизнь.

«В НАШЕ ВРЕМЯ НЕ ПРИНЯТО БЫЛО СОБИРАТЬ АРХИВЫ»

– И я, и отец, и мои деды и прадеды всю жизнь жили в Овсянке, мы и есть тут самые коренные, – *говорит Николай Федорович*. – Наши предки – переселенцы еще из донских казаки, прямые потомки того самого Фоки.

Как мы уже рассказывали, в Овсянке живут несколько семей Фокиных – видимо, очень дальних, родственников. Фамилия эта пошла от первопоселенца Овсянки, казака Фоки Малова, пришедшего в наши места с семьей в середине 17-го века. За три с половиной столетия пяти-, шестипородные (и еще более дальнего родства) потомки Фокиных стали воспринимать друг друга уже как однофамильцев. Проследить трехвековые родственные связи даже через архивные документы непросто.

– У меня дочь училась в красноярском мединституте, – *рассказывает Николай Федорович*. – Один из ее преподавателей меня спрашивает: «А главврач 20-й больницы Фокин вам не родственник? Он ведь тоже из Овсянки». А я говорю: «Его знаю, а родственник или нет – понятия не имею».

**Федор Васильевич
Фокин**

О сохранении семейных архивов и реликвий в прежние годы особо не думали, *говорит Николай Федорович*:

– Когда отец умер, мать все его награды – ордена, медали – сложила к нему в гроб. Сказала – он их завоевал, вот пусть они с ним туда и идут. Мы тогда молодые были, не стали протестовать.

Кстати, мама Николая Федоровича, Евдокия Александровна, в девичестве тоже была Фокиной. Вышла за однофамильца, так что документы после свадьбы менять не пришлось.

– Мать, прежде чем переехать в Овсянку, жила с родителями на той стороне Енисея, в Известковом. А здесь они с братом построили дом один на двоих. Сейчас в нем уже, наверное, шестые по счету хозяева живут, – *говорит Николай Федорович*. – А дом, в котором я живу, отец строил больше ста лет назад, в самом начале 1920-х. У него низ, обвязка, из лиственницы, а вверх – из сосны. Ничего ей за это время не стало: она вся в смоле, аж звенит. Сейчас

я этот дом облагораживаю, а вообще у меня квартира в Дивногорске, лет 25 назад ее получил. На пенсии вернулся в Овсянку, здесь мне больше нравится.

У Евдокии Александровны и Федора Васильевича было шестеро детей:

- Александра (1924 г.р.),
- Василий (1927),
- Петр (1932),
- Иван (1936),
- Николай (**наш собеседник Николай Федорович** – 1939 г.р.),
- Зоя (1945).

**Слева на фото –
Евдокия Александровна Фокина**

– Моя старшая сестра Александра уехала, когда началась война. Где только не была – объехала всю Среднюю Азию, много других мест. У нее потом даже речь путалась: что-то по-русски говорит, что-то по-узбекски, что-то вроде по-грузински, – *вспоминает Николай Федорович.* – Первый раз я ее увидел в 1959 году, уже во время службы в армии. Она вначале приехала проведать родственников в Овсянку, а когда возвращалась через Москву, вместе с подругой заехала в мою воинскую часть в Подмоскowie. Мне говорят: надень что попримичнее и иди на КПП, сестра приехала. Выхожу – две женщины меня дожидаются. А и я не знаю, которая из них сестра-то. Через несколько лет я еще раз ее видел – и все, больше не встречались никогда. Братья Михаил и Александр погибли на войне. Сестра Зоя вышла замуж за украинца – он приехал на строительство Красноярской ГЭС, а потом сестра уехала с ним в Херсон. Брат Иван был глухонемой, учился в спецшколе в Красноярске. В общем, все в разъездах, все в бегах. **Из нас шестерых я в Овсянке один остался.** А сейчас живы только мы с сестрой, которая на Украине.

«РАБОТАЛИ С УТРА ДО ВЕЧЕРА. И ТАК ВСЮ ЖИЗНЬ»

Николай Федорович окончил в Овсянке 10 классов. Директором школы в то время был **Федор Трофимович Бетехтин**. Овсянка, по воспоминаниям Фокина, была тогда совсем небольшим селом, с одной улицей – Набережной, «да и то она была не такая, как сейчас, а короткая». Ее пересекали несколько проулков, ведущих к Енисею. Больше жилых домов не было: там, где сейчас железная дорога и автотрасса, тянулись огороды местных до самого леса. Но вот ведь как получилось – село маленькое, а школа в нем – большая.

– **Одно время я ходил в школу, которая раньше была домом Астафьевых.** А потом появилась еще одна. Ее устроили в бывшей церкви. Сама церковь тогда уже, конечно, не действовала, но здание оставалось. Позже к нему сделали пристройку буквой Г: мест в школе не хватало, – *рассказывает Николай Федорович.* – В овсянскую школу дети ехали с верховьев, из сёл, которые позже, при строительстве ГЭС, были затоплены; здесь они жили в интернате или снимали квартиры у местных. И с той стороны Енисея приезжали, вплоть до Собакиной речки, где дома отдыхали в сторону Красноярска. Так-то это недалеко (*Расстояние от Овсянки до Красноярска – более 20 км. – Прим. ред.*). Я когда на машине работал, доезжал до Слизнава, переезжал по льду на тот берег и ехал в Красноярск за товаром, который потом доставлял в Дивногорск.

Овсянская школа. Конец 1950-х – начало 1960-х годов

В школе было свое подсобное хозяйство – выращивали овощи, которыми потом кормили учеников. И даже лошадка своя была!

– Помню, в морозы печку топили в школе, варили нам суп, а картошку в него добавляли мороженую, другой-то зимой не было. Она после варки чернела, а мы думали, что это мясо.

После школы Николай Фокин успел поработать в артели «Лесозаготовитель» столяром-станочником, а потом ушел на службу в армию на три года. Вернувшись, устроился работать в автохозяйство на ГЭС и проработал там 38 лет.

Работу приходилось совмещать с крестьянским трудом – из шестерых братьев и сестер Николай, как мы уже знаем, к тому времени в Овсянке остался один.

– До ГЭС работы в Овсянке, можно считать, и не было. Люди жили подсобным хозяйством: огород, скот, лес, рыбалка, охота. Кто-то, может, на лесоповале работал по заказу. А так если свое хозяйство не держать, тут бы все перемерли, особенно во время войны. В совхозе Мана, от нас 6 км через гору, были овсянские подсобные участки – там сеяли хлеб, сажали картошку, – *рассказывает Николай Федорович.* – Убирали все вручную – никаких механизмов раньше не было. Снопы ставили, а к зиме сено не увозили – оставляли на покосе, свои участки огораживали, потом приезжали на них за сеном по мере надобности. Сено, конечно, подъедали козы и маралы. Но люди никогда чужого не брали, хоть годами оно там лежи. Так же и с рыбалкой: бросишь плетеные корчажки, и никто их не воровал. **Считалось позором, если кто возьмет. По улицам гуляли куры, коровы – их тоже никто не трогал. И дверь не запирали.** Мать, когда уходила, палочку в дверь просовывала: если кто во двор зайдет – поймет, что хозяев дома нет.

Николай Федорович вспоминает: картошкой засаживали все, что можно. И сами ее ели, и коров, поросят, кур кормили. Картошка была отменная, называли ее местные «культурка»: «Две плети вытащишь – ведро. Накопаям, все этой картошкой завалим, до весны хватало».

Что-то с огородов шло на продажу – овощи и молоко продавали в Красноярске.

Овсянка. 1955 год

МУЗЕЙНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Предметы быта и интерьера, которые вы видите на этих фотографиях, когда-то принадлежали жителям Овсянки. А потом овсянцы передали их в коллекции Астафьевской библиотеки и Мемориального комплекса В.П. Астафьева.

Эти предметы использовались и в прошлом, и в позапрошлом веках, а возможно, и раньше. Многие из них сделаны руками самих же владельцев.

– *На ту сторону Енисея переплывали на лодках – был у нас специальный переправщик. А там уже шли до Красноярска пешком.* Там, где железнодорожный мост, был в то время рыночек Гремячий – по названию речки, которая впадала в Енисей, – *рассказывает Николай Федорович.* – Мать у меня туда ходила. Овощей наберет, сходит туда буденкой, продаст, возьмет там хлеба и пешком обратно. Видите, как женщины раньше работали! Сейчас все механизмы есть – стиральная машинка и выжимает, и сушит, что не жить! А раньше валёк, стиральная доска – и на берег. Сначала она белье в кипятке выжарит, а потом подол вот до сюда завернет и шпарит на Енисей белье колотить. Зимой морозы 40 градусов, а все равно делали проруби. Попробуй-ка сейчас молодежь заставь белье в проруби полоскать! Вот потому люди раньше были крепкие, закаленные. Ну и кушали, конечно, все свое, экологически чистый продукт. Коров держали почти каждый. Потому что если не держать, то и кушать нечего.

Воду для всех нужд брали в Енисее – и стирали, и пили. «И ничего, все живы, – *замечает Николай Федорович.* – А потом провели эту нитку по Овсянке, из Фокиной речки, а там вода жесткая, потому что там известняк. А в Енисее – хорошая». Ею и огород поливали – носили в ведрах на коромысле. И не по одному разу за день.

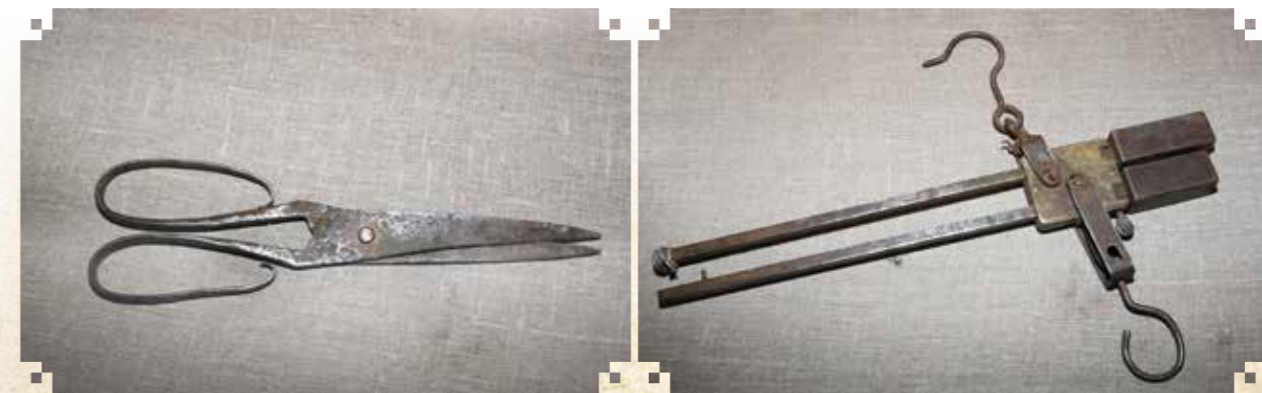
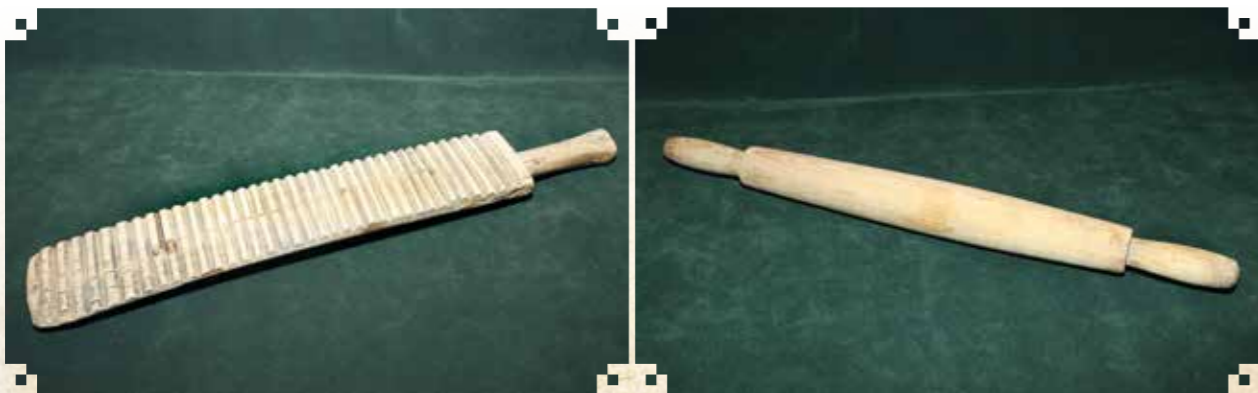
– Я когда в армию пришел, меня старшина спрашивает: «Фокин, ты что, штангой занимался?». Куда там! Дрова вручную пилили, воду от Енисея на себе таскали, а это вон сколько от берега. И весь огород так же полей. Летом – покос. Вот так мускулы и нарабатывали. Работа на подсобном хозяйстве – это ведь с утра и до вечера. Я, когда корову держал, в пять утра вставал – и на весь день: ее надо и поить, и кормить, и доить три раза в день, если с отелом.

После строительства ГЭС, считает Николай Федорович, климат в наших местах стал хуже.

– Раньше мы все лето купались в Енисее, тепло было. В лесу грибы, ягоды – смородина, брусника, черника. Куда все это делось? Рыбачили мы на дощаных лодках-плоскодонках, называли их манскими, потому что такие же делали сплавщики. Рыбы было море. Раньше она шла в верховья, там на плесах метала икру. А как ГЭС перекрыли, рыбы стало меньше.

И старую, и новую жизнь Овсянки семья Фокиных не раз обсуждала с Виктором Петровичем Астафьевым.

– С ним мы много раз встречались, общались, – *рассказывает Николай Федорович.* – Когда он вернулся в наши края, сперва жил в Красноярске, а потом отделили ему тут домик, и он в Овсянке находился по полгода. Гулял по берегу, смотрел: здесь был завал после сплавной конторы – коряги, лес по берегам. С его, так сказать, подачи все здесь почистили, убрали. Ну и к нам в гости он заходил часто. Чай пили – малинник, смородинник, белоголовник. Раньше заготавливали листья, травы, приятно было такой пить. Я и сейчас смородинник люблю. **Когда моя мать была жива, он к нам особенно часто заходил. Разговаривали про новую и старую жизнь, вспоминали. Он ведь и похоронен через могилку от нашей матери.**

Библиотека-музей В.П. Астафьева
При поддержке благотворительного Фонда
Михаила Прохорова

Редактор-составитель: Ю.Е. Лобанова

ОВСЯНКА: СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

2022 год

Подписано в печать 16.05.2022.
Тираж 150 экз. Заказ № 139.

Отпечатано ООО РПБ «Амальгама»
660049, Красноярск, ул. Дубовинского, 112,
т. 221-86-27, 221-84-75,
e-mail: amalgama2007@mail.ru